

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ

**ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В.Н. КАРАЗИНА**

КОГНИЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС

Направление “Филология”

№ 10

Международный электронный сборник научных трудов

Основан в 2010 г.

**Харьков
2015**

Статьи данного выпуска содержат результаты исследований лингвистов Украины, Польши, России, рассматривающих проблемы соотношения семантики и прагматики, фатики и информатики в ракурсе эколингвистики, перевода профессиональных текстов, проблем аппроксимации и роли оценочных явлений в формировании картины мира, вопросов иронии в научном дискурсе, генезиса чешского лингвокультурного концепта «Litost» и соответствующих обрядов.

Для лингвистов, преподавателей, аспирантов и магистрантов.

Утверждено решением Ученого совета
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина
(протокол № 7 от 01 июля 2015 г.)

Редактор:

И.С. Шевченко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Ответственный секретарь:

Е.В. Бондаренко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Редакционная коллегия:

- Д. Александрова, доктор философии (университет Климента Охридского, г. София, Болгария)
Л.Р. Безуглая, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
А.Д. Белова, докт. филол. наук (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина)
Д. Вандервекен, доктор философии (университет Квебека, г. Труа-Ривьер, Канада)
С.А. Жаботинская, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)
В.И. Карасик, докт. филол. наук (Волгоградский государственный педагогический университет, Россия)
Е.А. Карпиловская, докт. филол. наук (Институт украинского языка Национальной академии наук Украины, Украина)
Г. Коллер, доктор философии (университет имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия)
Г.Н. Манаенко, докт. филол. наук (Ставропольский государственный педагогический институт, Россия)
А.П. Мартынюк, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
Ф.Д. Матито, доктор философии (университет Ла Риоха, г. Мадрид, Испания)
Л.М. Минкин, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
С.А. Моисеева, докт. филол. наук (Белгородский государственный университет, Россия)
Е.И. Морозова, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
В.Г. Пасынок, докт. пед. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
А.Н. Приходько, докт. филол. наук (Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Украина)
В.А. Самохина, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
Е.А. Селиванова, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)
Г.Г. Слышкин, докт. филол. наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия)
Л.В. Солощук, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
М. Фриман, доктор философии, почетный профессор (Вэлли Колледж, г. Лос-Анжелес); со-директор (Мэрифилд институт когнитивности и гуманитарных наук, г. Хит, США)
Н. Чабан, доктор философии (университет Кентерберри, г. Крайстчерч, Новая Зеландия)
В.Е. Чернявская, докт. филол. наук (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Россия)

Адрес редакционной коллегии:

Украина, 61022, г. Харьков, пл. Свободы, 4
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина
Факультет иностранных языков Тел.: (057) 707-51-44
irina.shevchenko7@gmail.com
Интернет-страница журнала: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>
Текст дается в авторской редакции.
Статьи прошли внутреннее и внешнее рецензирование.
Периодичность – 2 выпуска в год.

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені В.Н. КАРАЗІНА

КОГНІЦЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС

Напрямок “Філологія”

№ 10

Міжнародний електронний збірник наукових праць

Започаткований у 2010 р.

Харків
2015

Статті даного випуску містять результати досліджень лінгвістів України, Польщі, Росії, що розглядають проблеми співвідношення семантики і прагматики, фативи та інформатики в ракурсі еколінгвістики, перекладу професійних текстів, проблеми апроксимації та ролі оціночних явищ у формуванні картини світу, питання іронії в науковому дискурсі, генезису чеського лінгвокультурного концепту «Litost» та відповідних обрядів.

Для лінгвістів, викладачів, аспірантів та магістрантів.

Затверджено рішенням Вченої ради
Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна
(протокол № 7 від 01 липня 2015 р.)

Редактор:

I.C. Шевченко, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

Відповідальний секретар:

Є.В. Бондаренко, доктор філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

Редакційна колегія:

- Д. Александрова, доктор філософії (університет Климента Охридського, м. Софія, Болгарія)
Л.Р. Безугла, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
А.Д. Белова, докт. філол. наук (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна)
Д. Вандервекен, доктор філософії (університет Квебека, м. Труа-Рив'єр, Канада)
С.А. Жаботинська, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)
В.І. Карасик, докт. філол. наук (Волгоградський державний педагогічний університет, Росія)
Є.А. Карпіловська, докт. філол. наук (Інститут української мови Національної академії наук України, Україна)
Г. Коллер, доктор філософії (університет імені Фрідріха Александра, м. Ерланген-Нюрнберг, Німеччина)
Г.М. Манаєнко, докт. філол. наук (Ставропольський державний педагогічний інститут, Росія)
А.П. Мартинюк, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
Ф.Д. Матіто, доктор філософії (університет Ла Риоха, м. Мадрид, Іспанія)
Л.М. Мінкін, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
С.А. Моїсєєва, докт. філол. наук (Белгородський державний університет, Росія)
О.І. Морозова, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
В.Г. Пасинок, докт. пед. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
А.М. Приходько, докт. філол. наук (Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара, Україна)
В.О. Самохіна, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
О.О. Селіванова, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)
Г.Г. Слишкін, докт. філол. наук (Російська академія народного господарства і державної служби при Президенті Російської Федерації, м. Москва, Росія)
Л.В. Солощук, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
М. Фріман, доктор філософії, почесний професор (Веллі коледж, м. Лос-Анжелес); співдиректор (Мерифілд інститут когніції та гуманітарних наук, м. Хіт, США)
Н. Чабан, доктор філософії (університет Кентербері, м. Крайстчерч, Нова Зеландія)
В.Є. Чернявська, докт. філол. наук (Санкт-Петербурзький державний політехнічний університет (Росія)

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61022, м. Харків, майдан Свободи, 4
Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна
Факультет іноземних мов. Тел.: (057) 707-51-44
ishev7@gmail.com

Інтернет-сторінка журналу: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

Текст подано в авторській редакції.

Статті пройшли внутрішнє та зовнішнє рецензування.

Періодичність – 2 випуски на рік.

ISSN 2218-2926

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF UKRAINE

V.N. KARAZIN KHARKIV NATIONAL UNIVERSITY

COGNITION, COMMUNICATION, DISCOURSE

Series “Philology”

10

International on-line journal

<http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

Published since 2010

Kharkov
2015

The articles in this issue include the results of researches of linguists from Ukraine, Poland, Russia who address the problem of correlation between semantics and pragmatics, the phatic and the informative from the perspective of Ecolinguistics, translation of professional texts, problems of approximation and the role of evaluation in the worldview formation, questions of irony in the scientific discourse, the genesis of the Czech linguistic-cultural concept «Lítost» and related ceremonies.

For linguists, teachers, graduate students and undergraduates.

Editor:

Irina Shevchenko, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine, irina.shevchenko7@gmail.com)

Executive Secretary:

Y.V. Bondarenko, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine; ievgeniia.bondarenko.2014@gmail.com)

Editorial Board:

Donka Alexandrova, Doctor, Professor (University St.Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria)

A.D. Belova, Doctor, Professor (Kyiv National Taras Shevchenko University, Ukraine)

L.R. Bezugla, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Natalia Chaban, PhD, Associate Professor (University of Canterbury, Christchurch, New Zealand)

V.E. Chernyavskaya, Doctor, Professor (St. Petersburg State Research Polytechnical University, Russia)

Margaret H. Freeman, PhD, Co-director of Myrifiel Institute for Cognition and the Arts, Heath; Professor Emeritus (Valley College, Los Angeles, USA)

Vladimir Karasik, Doctor, Professor (Volgograd State Pedagogical University, Russia)

Y.A. Karpilovska, Doctor, Professor (Ukrainian Language Institute, National Academy of Sciences, Kyiv, Ukraine)

Gerhardt Koller, PhD, Professor (Friedrich Alexander University, Erlangen-Nuremberg, Germany)

G.N. Manaenko, Doctor, Professor (Stavropol State Pedagogic Institute, Russia)

A.P. Martyniuk, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Dominguez Matito, F., PhD, Professor Titular (University of La Rioja, Spain)

L.M. Minkin, Doctor, Professor (Kharkiv National Pedagogical University, Ukraine)

S.A. Moiseyeva, Doctor, Professor (Belgorod State Research University, Russia)

E.I. Morozova, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

V.G. Pasynok, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

A.M. Prikhodko, Doctor, Professor (Dnepropetrovsk National University, Ukraine)

V.A. Samokhina, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

O.O. Selivanova, Doctor, Professor (Bogdan Khmelnytsky Cherkassy National University, Ukraine)

G.G. Slyshkin, Doctor, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia)

L.V. Soloschuk, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Daniel Vanderveken, PhD, Full Professor (University of Quebec at Trois-Rivières, Canada)

S.A. Zhabotinska, Doctor, Professor (Bogdan Khmelnytsky Cherkassy National University, Ukraine)

Editorial Address:

Ukraine, 61022, Kharkov, Svobody square, 4
(V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Faculty of Foreign Languages

Tel.: (057) 707-51-44

Internet-page: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

All articles are peer reviewed

Published 2 issues a year

Recommended by the Academic Council of V.N. Karazin Kharkiv National University
(Minutes № 6 of 28 May 2010)

© 2015 V.N. Karazin Kharkiv National University, Cover design: Vadim Shevchenko

СОДЕРЖАНИЕ

Безуглая Л.Р. СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА: К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ	8
Bilut-Homplewicz Zofia EINIGE DIMENSIONEN DES FACHTEXTES IN DER ÜBERSETZUNG – EXEMPLIFIZIERT AN TEXTLINGUISTISCHEN AUFSÄTZEN	27
Kamovnikova N.E., Ivleva K.T. ONE SANG THE BODY ELECTRIC: THE TWENTIETH CENTURY RUSSIAN AND BULGARIAN APPROACHES TO TRANSLATING THE POETICS OF WHITMAN	44
Mykhaylenko V.V. APPROXIMATION AS A CONSTITUENT OF WORLDVIEW	56
Опарина О.И. ИРОНИЯ В РАБОТАХ Ч. ДАРВИНА. КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД	69
Приходько А.И. РОЛЬ ОЦЕНКИ В ФОРМИРОВАНИИ КАРТИНЫ МИРА	86
Стефанский Е.Е. ТРАДИЦИОННЫЙ ОБРЯД И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ	97
Шевченко И.С. СООТНОШЕНИЕ ФАТИКА – ИНФОРМАТИКА КАК ПРОБЛЕМА ЭКОЛИНГВИСТИКИ	114

BOOK REVIEWS

Минахин Д.В. РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ Ж.Н. МАСЛОВОЙ «ВВЕДЕНИЕ В КОГНИТИВНУЮ ПОЭТИКУ»	133
Редакционная коллегия.....	138
Рекомендации авторам по оформлению статей.....	141

УДК: 81'37

**СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА:
К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ**
Л.Р. Безуглая (Харьков, Украина)

Л.Р. Безуглая. Семантика и прагматика: к проблеме соотношения понятий.

Статья посвящена вопросу о соотношении семантики и прагматики, который решается в зависимости от трактовки этих терминов: с точки зрения историографии, семантика первична по отношению к прагматике; с точки зрения производства и восприятия речевого высказывания семантика и прагматика взаимообусловлены; с точки зрения диахронического рассмотрения языка, прагматика первична по отношению к семантике. Основное различие семантики и прагматики лежит в плоскости методологии. Основопологающим методологическим свойством прагматики является принцип антропоцентризма, проявляющийся в рассмотрении содержания высказываний с позиции говорящего субъекта, что позволяет анализировать имплицитные смыслы, актуализирующиеся в дискурсе, в синхронном аспекте, а также процесс их конвенционализации в диахронном аспекте. Семантика предполагает методологический принцип лингвоцентризма, который обуславливает анализ конвенциональных смыслов высказываний преимущественно в синхронном аспекте.

Ключевые слова: антропоцентризм, диахрония, лингвоцентризм, прагматика, семантика, синхрония.

Л.Р. Безугла. Семантика і прагматика: до проблеми співвідношення понять.

Статья посвящена вопросу о соотношении семантики и прагматики, который решается в зависимости от трактовки этих терминов: с точки зрения историографии науки, семантика первична по отношению к прагматике; с точки зрения производства и восприятия речевого высказывания семантика и прагматика взаимообусловлены; с точки зрения диахронического рассмотрения языка, прагматика первична по отношению к семантике. Основное различие семантики и прагматики лежит в плоскости методологии. Основопологающим методологическим свойством прагматики является принцип антропоцентризма, проявляющийся в рассмотрении содержания высказываний с позиции говорящего субъекта, что позволяет анализировать имплицитные смыслы, актуализирующиеся в дискурсе, в синхронном аспекте, а также процесс их конвенционализации в диахронном аспекте. Семантика предполагает методологический принцип лингвоцентризма, который обуславливает анализ конвенциональных смыслов высказываний преимущественно в синхронном аспекте.

Ключові слова: антропоцентризм, діахронія, лінгвоцентризм, прагматика, семантика, синхронія.

L.R. Bezugla. Semantics and pragmatics: on the issue of interrelation. The article deals with the issue of interrelation between semantics and pragmatics, which is settled depending on the salient aspects of the considered branches of linguistics: as far as historiography is concerned, the

major importance lies in semantics; in producing and perceiving speech utterances, semantics and pragmatics are mutually determined; diachronic approach stipulates prevailing pragmatics over semantics. The main difference between semantics and pragmatics belongs in the realm of methodology. The principle of anthropocentrism as a fundamental feature of pragmatics becomes prominent in utterances content analysis in terms of the speaking subject. This allows for the synchronic analysis of implicit meanings actualized in discourse, as well as diachronic insight into the process of their conventionalization. Methodological principle of linguocentrism underpinning semantics provides primarily synchronic analysis of conventional meanings of utterances.

Key words: anthropocentrism, diachronic analysis, linguocentrism, pragmatics, semantics, synchronic analysis.

1. Постановка проблемы

Прагматический поворот вызвал в западном языкознании бурную дискуссию о соотношении семантики и прагматики, продолжающуюся и по сей день. Дискуссия разворачивается с позиций двух теорий – теории речевых актов и теории имплицатур, которые «оказали чрезвычайное влияние на развитие прагматики» [Dascal 1994: 323] и поэтому рассматриваются в качестве ее основных звеньев. Соответственно, выделяются две ведущие предметные области прагматики –

- имплицитные смыслы высказываний, изучающиеся в теории имплицатур Пола Грайса [Grice 1991], и
- иллокутивные свойства высказываний, в частности случаи несовпадения выражаемой и реальной иллокуции, интерес к которым инициировала теория речевых актов Джона Остина [Austin 1962] и Джона Серля [Searle 1969].

Авторы едины в мнении, что различие семантики и прагматики есть различие между изучением буквальных и небуквальных смыслов высказываний – имплицатур и косвенных речевых актов: «Буквальное значение высказанного предложения исследуется семантикой, в то время как аспекты значения, реализуемые на основе контекста, являются предметом прагматики» [Meibauer 2001: 4] (также: [Bach 1997; Gibbs 2002: 482; Schwarz 1996: 31; Wagner 2001: 91; Wunderlich 1980: 304]) (здесь и далее – перевод аутентичных цитат мой, Л.Б.).

Суть различия состоит в том, что семантика изучает, с одной стороны, буквальные смыслы высказываний, с другой – их пропозициональные свойства, а прагматика сосредотачивается, соответственно, на небуквальных смыслах и иллокутивных свойствах высказываний. Однако предмет дискуссии касается не сути семантики и прагматики, а их соотношения: вопрос *Что первично, что вторично – семантика или прагматика?* поднимается в течение уже более полувека. Мнения ученых по этому поводу условно можно разделить на три группы.

Первая группа авторов вслед за Г.П.Грайсом [Grice 1991] видят прагматику как продолжение семантики, своего рода «пост-семантику» [Вандервекен 1990: 35; Лакофф 2004: 753; Bird 1997; Gibbs 2002: 483; Keller 1975; Preyer 1997: 107ff; Récanati 1993; Rolf 1997]. При этом прагматика

понимается как свойство высказывания содержать импликатуру. Например, Грэхем Бёрд говорит о прагматической интерпретации, которая основывается на семантических свойствах высказывания: прагматика «определяется теми аспектами интерпретации, которые находятся вне семантических черт высказывания», однако основываются на них [Bird 1997: 73f].

По Г.П. Грайсу, «то, что имплицируется» (*what is implicated*, импликатура) зависит от «того, что говорится» (*what is said*, экспликатура) [Grice 1991], поскольку «существует обязательная, хотя и не непосредственная связь между тем, что люди имеют в виду, или намереваются сказать, когда говорят, и тем, что конвенционально считается смыслом используемых ими слов» [Лайонз 2003: 21]. Эту идею Г.П. Грайса развил Дж.Р. Серль в своем принципе выразимости: “*whatever can be meant can be said*” – «все, что мы имеем в виду, может быть выражено словами» [Searle 1969: 32], т.е. слова – выразители наших мыслей.

Раймонд Гиббс, говоря об особенностях ментальной обработки языковых данных, подчеркивает, что «понимание того, что говорящие говорят буквально, требует привлечения семантической информации, в то время как понимание того, что говорящие подразумевают в контексте, требует прагматической информации, которая доступна труднее, чем семантическое знание» [Gibbs 2002: 459], поэтому семантика представляется своего рода первой ступенью в интерпретации высказываний, а прагматика – второй, более значимой.

Вторичность прагматики зиждется на ступенчатом представлении Ч. Моррисом аспектов семиотики, предполагающем прерогативу нижних уровней: *синтактика – семантика – прагматика* [Prayer 1997: 109]. Каждый последующий уровень представляет собой продолжение предыдущих и не мыслим без них, так что и прагматика предстает как дисциплина, полностью зависящая от семантики и синтактики, ср. определение Дэниела Вандервекена: «Прагматика, трактуемая как теория значения говорящего, включает в себя семантику, понимаемую как теория значения предложения» [Вандервекен 1990: 35].

Вторая группа примыкает к Стивену Левинсону, считающему, что прагматика и семантика взаимообусловлены, их нельзя разрывать – прагматика работает и «пост-семантически», и «пре-семантически» (так называемый «замкнутый круг Грайса» – *Grice's circle*) [Bach 1997; Korta 2008; Katsos 2012; Levinson 1995: 15ff; Levinson 2000: 17; Müller 2003: 26; Nieraad 1975].

Описывая скалярные импликатуры, имеющие отношение к линейному множеству языковых единиц, упорядоченных на шкале по степени информативности, С. Левинсон приписывает экспликатуре и активную, и пассивную роль – она не только определяет импликатуру, но и определяется ею [Levinson 2000: 17]. Вопрос о соотношении семантики и прагматики предстает как проблема «курицы и яйца»: «аутпут семантических процессов служит инпутом для прагматических процессов», и наоборот, «аутпут прагматических процессов может служить инпутом семантических процессов»

[Levinson 2000: 172]. Следовательно, семантика и прагматика неразделимы, однако в первом случае следует говорить о предложении, во втором – о высказывании [Levinson 1995: 18].

Роджер Шенк, Лоренс Бирнбаум и Джэкоб Мэй говорят о функциональном единстве семантики и прагматики как об областях знания с позиций теории искусственного интеллекта: их объединение основано на том, что между уровнями языка не существует функциональных различий, «семантические знания применяются в процессе обработки языковых данных точно так же, как прагматические», «понимание достигается объединенным применением семантических и прагматических знаний» [Шенк 1989: 33]. А по мнению Юргена Нираада, моделирование процессов создания значения и смысла должно быть прерогативой не отдельно семантики или прагматики, а совместно семантики и прагматики, а именно прагмасемантики [Nieraad 1975: 64].

Третья группа авторов представляют семантику и прагматику как обособленные, независимые свойства высказываний, типы их значений [Bierwisch 1980; Carston 2002a; Carston 2002b; Hawley 2002; Katz 1980; Wunderlich 1980]. Их основной аргумент заключается в том, что от пропозиционального содержания высказывания, напрямую связанного с языковой структурой, не зависят ни его иллокутивная сила, ни передаваемые говорящим импликатуры. По мнению Манфреда Бирвиша, если «пропозициональное содержание многих речевых актов более или менее определяется языковой структурой» высказывания, что влечет полную взаимозависимость синтактики и семантики, то «различные иллокутивные силы практически не связаны с пропозициональным содержанием» [Bierwisch 1980: 1]. Не связаны с ним и импликатуры, передаваемые говорящим, прежде всего конверсационные, полностью зависящие от дискурсивного контекста [Hawley 2002: 975].

Для обоснования данной позиции привлекается понятие нейтрального (нулевого) контекста, введенное Дж. Катцем [Katz 1980: 14]. Так, Д. Вундерлих пишет: «семантика имеет дело с буквальным значением, т.е. с интерпретацией предложения или его фрагментов в нейтральном контексте», а «прагматика имеет дело с интерпретацией предложений (или высказываний) в более широком контексте, который включает понимание всего дискурса, убеждений и ожиданий говорящего и адресата, их социальные отношения, их обязательства, фонд знаний и т.п.» [Wunderlich 1980: 304]. Таким образом, прагматическая интерпретация высказываний концентрируется на говорящем субъекте и всем дискурсе, а семантическая – на самих высказываниях, этим и обуславливается самодостаточность и автономность прагматики по отношению к семантике.

Автономность прагматики объясняется также ее близостью к когнитивной науке – прагматика понимается как когнитивная система производства и понимания имплицитных смыслов, в то время как семантика представляет собой чисто логическую систему [Carston 2002a: 130].

При всей размытости границ выделенных групп концепций нетрудно

заметить, что в дискуссии наблюдается двойное толкование терминов «семантика» и «прагматика»:

- как исследовательских областей лингвистики, уровней описания языка, лингвистических дисциплин и
- как соответствующих свойств языковых знаков, прежде всего, высказываний, которые они приобретают в процессе коммуникации, т.е. их значений и смыслов.

Разграничивая семантику и прагматику, говорят о семантическом и прагматическом значении. Поскольку «семантика традиционно определяется как наука о значении» [Лайонз 2003: 19], трактовка семантического значения не вызывает сложностей – это значение денотативное, дескриптивное, пропозициональное, когнитивное, референциальное [Лайонз 2003: 58]. А вот в трактовке прагматического значения имеются разночтения. Прагматическое значение иногда понимается в соответствии с указанными прагматическими теориями – как:

- имплицитный смысл высказывания, импликатура [Carston 2002b: 96; Levinson 2000; Schwarz 1996: 29] или
- его иллокутивный смысл, иллокуция [Hermanns 1985, с. 41; Wagner 2001, с. 55].

В настоящей статье отстаивается третья, классическая точка зрения на прагматическое значение – как на интендируемое значение, значение говорящего (*speaker's meaning*) [Grice 1993] или коммуникативный смысл [Bierwisch 1980]. Такая трактовка выводит на принципиальное методологическое различие между семантикой и прагматикой – лингвоцентризм первой и антропоцентризм второй.

Вначале рассматриваются три толкования понятий «семантика» и «прагматика» и в этой связи определяется соотношение семантики и прагматики с точки зрения:

- историографии науки,
- процессов порождения и восприятия высказывания,
- диахронии языка.

Далее на этой основе разграничиваются ведущие методологические принципы семантики и прагматики – лингвоцентрический и антропоцентрический.

2. Семантика и прагматика с точки зрения историографии науки

Если говорить о семантике и прагматике как о лингвистических дисциплинах, очевидной является первичность семантики.

Развитие теории импликатур и теории речевых актов покрыло существенные недостатки логической (формальной) семантики – ограниченность суждениями в форме повествовательных предложений, с одной стороны, и буквальными значениями этих предложений, с другой.

Логическая семантика, базирующаяся на традициях философского анализа

обыденного языка (*ordinary language*), рассматривала суждения, которым предписывалась истинностная значимость (*truth value, Wahrheitswert*) – «истинно» или «ложно». На первый план выдвигался анализ условий истинности суждений в возможных мирах, на основе которого делался вывод об их значениях: «знание значения повествовательного предложения основывается на знании том, при каких условиях оно является истинным или ложным» [Meibauer 2001: 5]. По словам Д. Вандервекена, «условно-истинностная семантика от Фреге и Рассела до Монтегю характеризуется тенденцией к сведению лингвистической компетенции говорящего к его способности понимать условия истинности пропозиций, выражаемых буквально в предложениях языка говорящего в возможных контекстах высказывания», поэтому «внутри самой семантики нельзя получить более или менее полного представления о компетенции самого говорящего в отношении формирования и понимания как буквальных, так и небуквальных речевых актов [Вандервекен 1990: 32].

Небуквальные смыслы, а также высказывания в форме вопросительных, побудительных и восклицательных предложений, которыми пронизана реальная речевая коммуникация, остались неподвластными объяснительной способности логической семантики. Поэтому в ее рамках и возникла прагматика – дисциплина, призванная восполнить эти пробелы и обратиться к использованию языковых знаков в речи коммуникантов, демонстрирующей разнообразные речевые действия и богатой подразумеваемыми смыслами.

Теория имплицатур открывает мир небуквальных, имплицитных смыслов, предоставляя возможность их системного анализа на основе экспликации. Теория речевых актов позволяет изучать не только высказывания в форме повествовательного предложения, но и все разнообразие высказываний в коммуникации – просьбы, вопросы, приветствия и т.п. Условия истинности суждений сменяются условиями успешной реализации речевых актов. Форма уступает место функции.

Это обстоятельство не могло не привлечь внимание к прагматике лингвистов – в 70-е годы XX в. она развивается из философской дисциплины в языковедческую – лингвистическую прагматику, лингвопрагматику, прагмалингвистику. Ведущую роль в ее становлении сыграли лингвисты ФРГ (Дитер Вундерлих, Бригитте Шлибен-Ланге, Гельмут Генне и др.), ГДР (Манфред Бирвиш, Герхард Гельбиг и др.), а также Советского Союза (И.П. Сусов, Г.Г. Почепцов, В.В. Богданов и др.).

Таким образом, можно утверждать, что с точки зрения историографии науки семантика первична, она явилась базой для возникновения прагматики – как философской, так и лингвистической.

3. Семантика и прагматика с точки зрения процессов порождения и восприятия высказывания

Что касается семантических и прагматических свойств высказываний,

то говорить об их взаимоотношении можно только с учетом процессов производства и восприятия этих высказываний субъектами коммуникации.

С точки зрения процесса **порождения** высказывания, первичной является прагматика. Этот процесс именуется также когнитивным сценарием производства речевого высказывания, речепроизводством, смысловыражением, порождением речи, вербализацией и демонстрирует три этапа – смыслообразование, формулирование и артикуляцию (иначе эти этапы называются «концептуализация – формулирование – артикуляция» [Schönefeld 1996: 225], «формирование мысли – преобразование мысли – фонация» [Кацнельсон 1984: 5], «смыслообразование – формулирование – реализация» [Зимняя 1985]). Эти этапы охарактеризованы Л.С. Выготским как движение мысли к опосредованию ее во внутреннем слове, затем в значениях внешних слов и, наконец, в звучащих словах [Выготский 1982: 358].

Этап смыслообразования включает активацию пропозиции и коммуникативной интенции под воздействием стимула, этап формулирования предполагает процесс выбора коммуникантом языковых средств, которые обретают звуковую форму на этапе артикуляции. При этом прагматика высказывания (т.е. его прагматические свойства – пропозициональные, иллюкутивные, перлокутивные, стратегические) формируется на этапе смыслообразования, а семантика высказывания (его буквальный смысл) – на этапе формулирования. Адресант на этапе формулирования подвергает селекции соотношение лексических и синтаксических средств, выбирая наиболее оптимальное их сочетание в соответствии с принципом рациональности на основании своих мотивов, стратегий и тактик.

Если же рассматривать соотношение семантики и прагматики высказывания с точки зрения процессов **восприятия** этого высказывания адресатом, первичной оказывается семантика.

Когнитивный сценарий восприятия речевого акта имеет соответствующие три этапа, но в обратном порядке – слуховое восприятие, декодирование и смыслообразование, и отражает разнонаправленность движения мысли, отмеченную Л.С. Выготским: «говорение требует перехода из внутреннего плана во внешний, а понимание предполагает обратное движение от внешнего плана речи к внутреннему» [Выготский 1982: 313]. При этом адресат на этапе смыслообразования на основе декодируемой семантики высказываний выводит, интерпретирует смыслы и получает представление об интенциях, стратегиях и мотивах адресанта, т.е. о прагматике его высказываний.

Таким образом, с точки зрения производства и восприятия речевого высказывания семантика и прагматика оказываются взаимообусловленными и неотделимыми друг от друга, неразрывными свойствами всего дискурса.

4. Семантика и прагматика с точки зрения диахронии языка

Как известно, когнитивные процессы формулирования смысла адресантом и декодирования этого смысла адресатом могут иметь разную

степень автоматичности. В зависимости от временных затрат на понимание смысла адресатом, говорят о степени / шкале его конвенционализации [Вандервекен 1990: 37; Busse 1991; Morgan 1978; Sadock 1994: 403; Wiegiers 1991]. При этом делается вывод об эволюционной природе значения: оно «способно изменять свой статус в диахронии, переходя из группы конвенций о языке в группу конвенций языка» [Morgan 1978: 269].

В этой связи очень важной для разграничения семантики и прагматики представляется мысль Д. Вандервекена: «Прагматика <...> обеспечивает связь между синхронической и диахронической семантиками естественного языка. А именно: повторяющиеся структуры небуквального значения говорящего в повторяющихся типах разговорного фона имеют тенденцию воспроизводиться в лексическом составе языка и тогда, когда требования разговорного фона уже забыты. Данное соображение может быть базовым для построения теории изменения значения, объясняющей введение нового буквального значения в языке» [Вандервекен 1990: 36f]. Речь идет о способности оборотов речи становиться единицами языка, которая проявляется в их конвенционализации.

Под **конвенционализацией** понимается процесс приобретения словами и высказываниями конвенциональных значений, «переход субъективного смысла высказывания отдельного коммуниканта в интерсубъективный смысл языкового выражения, которое с этих пор поступает в распоряжение в одинаковой мере всех членов языкового сообщества» [Wiegiers 1991: 7]. Дитрих Буссе описывает данный процесс на примере импликатур следующим образом: «Конверсационная импликатура предполагает цепочку выводов, которая ведет от буквального значения с учетом ситуации, цели и других аспектов <...> к актуальному, подразумеваемому значению. Чем короче становится эта цепочка, тем более конвенционализируется высказывание. <...> Языковое изменение наступает тогда, когда говорящие <...> уже не в состоянии реконструировать все связующие звенья этой цепочки, что влечет за собой <...> употребление высказывания в ситуациях, несовместимых с его исходным, буквальным значением» [Busse 1991: 58].

Для определения, является ли смысл конвенциональным или имплицитным, можно воспользоваться тестом, предлагаемым Д. Сэйдокком: «чтобы получить первое представление о степени конвенционализации лексико-синтаксической единицы, нужно выяснить, могут ли альтернативные репрезентации той же самой интенции иметь такой же социальный эффект, – если да, то имеет место малая конвенционализация единицы, если нет, то это уже конвенциональная единица» [Sadock 1994: 403]. Так, классический пример косвенного выражения просьбы *Can you pass me the salt?* можно заменить прямой формой *Pass me the salt please!* – просьба остается просьбой, поэтому данное высказывание считается не конвенциональным, а конвенционализированным, выражающим косвенный речевой акт.

Джерри Морган предлагает другой тест на конвенциональность –

употребление клишированных формул в буквальном значении. Высказывание *Can you pass me the salt?* не выдерживает этот тест, оно вполне допустимо в буквальном значении в ситуации, когда у слушающего сломана рука [Morgan 1978: 269].

А вот немецкие выражения *Wie geht es?* и *wie Sie sehen* являются конвенциональными, закрепившимися в языке, поскольку, во-первых, не имеют альтернативных равнозначных форм, а во-вторых, их буквализация вызывает комический эффект, как в известной шутке основателя немецкой афористики Георга Лихтенберга: „*Wie geht es?*“ *fragte ein Blinder einen Lahmen.* „*Wie Sie sehen*“, *war die Antwort* [Puntsch 1997: 862]. Вероятно, когда-то высказывания *Wie geht es?* и *wie Sie sehen* употреблялись в буквальном значении, но постепенно, в течение длительного периода времени стали фразеологизмами в результате процесса конвенционализации.

Таким образом, анализ индивидуального, авторского смысла, актуализирующегося в дискурсе в виде импликатуры, возможен только с позиций прагматики, с учетом интенций и стратегий говорящего. Без такого анализа, без опоры на прагматику семантика, ограниченная конвенциональными значениями, не способна проследить историческую динамику смысла, состоящую в его конвенционализации, объяснить особенности появления того или иного значения в языке; в лучшем случае, она констатирует его этимологию. Следовательно, диахроническая прагматика является основой диахронической семантики, поэтому можно утверждать, что, с точки зрения диахронического рассмотрения языка, прагматика первична по отношению к семантике.

5. Методологические принципы семантики и прагматики – лингвоцентризм и антропоцентризм

С учетом вышеизложенного становится очевидным принципиальное методологическое различие между семантикой и прагматикой – лингвоцентричность семантики и антропоцентричность прагматики.

В современной лингвистике антропоцентрический принцип противопоставляется лингвоцентрическому (также: субъектоцентризм vs. объектоцентризм [Лакофф 2004: 173] или субъектоцентризм vs. текстоцентризм [Сусов, Безуглая 2009]). Их существенное различие состоит в том, что лингвоцентризм предусматривает изучение языка как данности, зафиксированной в текстах, т.е. в отвлечении от говорящего на нем субъекта, а антропоцентризм рассматривает язык как принадлежащий сознанию человека и реализующийся в его речи.

Семантика концентрируется на языковых единицах, а прагматика – на человеке, который эти единицы использует в речи. Семантика относится к слову, языковому высказыванию, тексту, прагматика – к производителю речевого акта, говорящему индивиду, человеку, формулирующему высказывание. Семантические свойства высказывания можно

проанализировать вне контекста (в нулевом контексте), а для анализа его прагматических свойств необходимо привлечение широкого дискурсивного контекста, в первую очередь, данных об интенциях, стратегиях и мотивах адресанта. Поэтому прагматика предполагает антропоцентризм в качестве ведущего методологического принципа, а семантика – лингво- / текстоцентризм. Это касается понимания семантики и прагматики и как лингвистических дисциплин, и как свойств высказываний.

Следует признать, что теория речевых актов и теория имплицатур демонстрируют следование антропоцентрическому принципу не в одинаковой мере.

Теория имплицатур Г.П. Грайса, основанная на его теории значения говорящего (*speaker's meaning – meaning NN – non-natural meaning*) (в других переводах – прагматического, субъективного значения) [Grice 1993], явилась изначально прагматической, ориентированной на говорящего субъекта – антропоцентрической. В этой связи представляется удачным определение прагматики как общей теории значения говорящего (*speaker's meaning*), разработанной Г.П. Грайсом [Вандервекен 1990: 33].

«Неестественность» этого значения состоит в том, что, в отличие от так называемого «естественного» значения (*natural meaning*) естественных знаков (сыпь означает корь, дым означает огонь и т.п.), *non-natural meaning* связано с тем, что вкладывают в него говорящие субъекты, т.е. со смыслом речевого акта или невербального действия (крик утопающего означает, что ему нужна помощь, покачивание головой означает несогласие и т.п.). Иначе говоря, различие между естественным и прагматическим значением заключается в противопоставлении каузальной обусловленности явлений и интенционального поведения человека – это «различие между намеренным и ненамеренным, с одной стороны, и между тем, что естественно, и тем, что конвенционально, <...> с другой» [Лайонз 2003: 19].

Г.П. Грайс определил понятие прагматического значения в терминах коммуникативной интенции: «‘S имеет нечто в виду, произнося x’, (приблизительно) эквивалентно тому, что ‘S намеревается высказыванием x произвести определенное воздействие на слушающего посредством распознавания им этого намерения’» [Grice 1993: 11]. В этом отношении ‘иметь в виду’ (*to mean*), приравненное к ‘намереваться’ (*to intend*), означает у Г.П. Грайса интендирование (*intending*), «вкладывание» в слова индивидуального смысла, дополняющего буквальное значение сказанного, поэтому более точным терминологическим соответствием термину “*speaker's meaning*” следует считать «интендируемое значение», т.е. смысл.

Такая трактовка прагматического значения полностью опровергает другие трактовки – как имплицитного или иллюкутивного смысла. Имплицитный смысл может быть неинтендируемым, а интендироваться может и эксплицитный, буквальный смысл. Так, Д. Вандервекен пишет: «Иногда значение говорящего (*speaker's meaning*) является буквальным, когда

говорящий намерен осуществить только буквальный речевой акт, выражаемый предложением, которое он употребляет в соответствующем контексте, например, произнося: «Сейчас идет дождь» и намереваясь лишь утверждать, что в момент высказывания идет дождь» [Вандервекен 1990: 31].

Обращение к человеку, говорящему субъекту позволяет теории Г.П. Грайса анализировать не только имплицитные смыслы ассертивных высказываний, но и все высказывания (в т.ч. просьбы, вопросы, обещания и т.п.), тогда как семантические теории значения ограничиваются буквальными значениями суждений, которым предписывается истинностная значимость.

Сущность идеи Г.П. Грайса – смещение значения из объективной реальности в сознание говорящего субъекта – эксплицирована еще Н.Д. Арутюновой и Е.П. Падучевой в предисловии к судьбоносному сборнику «Новое в зарубежной лингвистике», посвященному прагматике: в то время как в объективистской семантике значение рассматривается как нечто, определяемое объективной реальностью и базирующееся на референции и истинности, «в теории Грайса произошла смена деятельностного «субъекта значения»: если в бихевиористской психологии роль стимула (или каузатора) придавалась самому значению, то Грайс отдал ее говорящему» [Арутюнова, Падучева 1985: 13].

Что касается **теории речевых актов**, то она в своем изначальном варианте была ближе к семантике, нежели к прагматике. О семантической ориентированности классической теории речевых актов говорят многие ученые. Так, Руди Келлер утверждает, что сам Дж.Р. Серль называл свою теорию семантической, а не прагматической [Keller 1975: 51].

Дэниел Вандервекен характеризует разработанную совместно с Дж.Р. Серлем «путем соединения иллокутивной и интенциональной логик» теорию, «в которой излагаются формальные способы определения условий успешности и бездефектности производства различных типов иллокутивных актов», как общую условно-успешностную и условно-истинностную семантику [Вандервекен 1990: 31, 32]. Иными словами, поначалу теория речевых актов была основой иллокутивной логики, имеющей своим предметом иллокутивную силу высказывания (*force*), противопоставляемую пропозициональному значению (*meaning*). Она представляла собой иллокутивное расширение логической семантики, где условно-истинностные аспекты значения суждения уступили место условно-успешностным аспектам смысла высказывания.

Джеррольд Катц называет теорию речевых актов «гибридом семантики и прагматики» [Katz 1980: 150], а Дитер Вундерлих выделяет в ней семантическую и прагматическую части [Wunderlich 1980: 303], считая последнюю расширением семантической теории на естественный язык [Wunderlich 1977: 243]. Жоан Ванпари на основании анализа проблемы иллокутивных глаголов приходит к выводу, что «теория речевых актов, зародившаяся в субъективистском духе (Остин), отошла в сторону объективизма (Серль, Вандервекен)» [Vanparys 1996: 94].

Но наиболее категоричен Маркело Даскал: он противопоставляет монологическую, формальную, конвенциональную, грамматическую, семантическую теорию речевых актов диалогической, неформальной, неконвенциональной, неграмматической, прагматической теории имплицатур [Dascal 1994: 332].

Однако дальнейшее развитие теории речевых актов в рамках лингвистического ответвления прагматики идет по пути усиления принципа антропоцентризма. Коммуникативная прагматика постепенно превращается в когнитивную, а затем и в дискурсивную, что вызвано изменением исследовательского вектора – когнитивизацией и дискурсивизацией.

Если на этапе своего становления прагматика изучала вербальные аспекты речи отдельного говорящего, рассматривая случаи несоответствия между буквально выраженными и реально осуществляемыми речевыми действиями, то постепенно вектор анализа «От языковых выражений к интенциям говорящего» изменился на прямо противоположный – «От интенций говорящего к языковым средствам их выражения». Исходной точкой анализа становится коммуникативная интенция в когнитивистской трактовке – как ментальное состояние коммуниканта, предусматривающее направленность сознания на определенную пропозицию и намерение говорящего донести эту направленность до адресата [Searle 1986]. Если классическая лингвопрагматика изучает прагматические свойства высказываний и речевых актов независимо от когнитивной деятельности человека, то в когнитивной прагматике те же самые единицы – речевые акты – изучаются как коммуникативный процесс, начинающийся в ментальной сфере говорящего, речевой акт понимается как двухступенчатый – «речемышлительный» [Сусов, Безуглая 2009, с. 284]).

Изменение исследовательского вектора, вызванное когнитивизацией и дискурсивизацией прагматики, сближает ее с когнитивной лингвистикой и дискурсивным анализом. На современном этапе лингвопрагматика стала пониматься наиболее широко, о чем свидетельствует определение Джефа Фершуерена: «Прагматика есть общая функциональная перспектива любого аспекта языка, т.е. подход к языку, который учитывает весь комплекс его когнитивного, социального и культурного функционирования в жизни человеческих существ» [Verschueren 1995: 13].

Три этапа развития лингвопрагматики – коммуникативный, когнитивный и дискурсивный – являются отражением расширения принципа антропоцентризма.

На первом (коммуникативном) этапе антропоцентрический принцип в лингвопрагматике предполагал сосредоточение на речевых действиях одного коммуниканта: язык изучается как реализующийся в речи одного индивида.

Второй (когнитивный) этап характеризуется обращением к ментальным состояниям коммуниканта с целью выяснения связи «язык – мышление – речь»: язык понимается как принадлежащий сознанию говорящего и реализующийся

в его речи.

На третьем этапе антропоцентрический принцип расширяется на когнитивное и речевое взаимодействие коммуникантов и их групп в дискурсах различных типов, что знаменует ведущую роль лингвопрагматики в становлении лингводискурсологии. Язык рассматривается как принадлежащий сознанию говорящего и реализующийся в его речи в процессе коммуникативного, когнитивного и социального взаимодействия говорящих и их групп.

6. Выводы

Суммируя вышеизложенное, следует подчеркнуть, что вопрос о соотношении семантики и прагматики решается в зависимости от трактовки этих терминов:

- с точки зрения историографии науки, семантика первична по отношению к прагматике;
- с точки зрения производства и восприятия речевого высказывания, семантика и прагматика взаимообусловлены и неотделимы друг от друга;
- с точки зрения диахронического рассмотрения языка, прагматика первична по отношению к семантике.

В первом случае имеются в виду лингвистические дисциплины, во втором – соответствующие свойства высказываний, в третьем – и то, и другое.

Основное различие семантики и прагматики как лингвистических дисциплин, уровней описания языка лежит в плоскости методологии. Основопологающим методологическим свойством прагматики является принцип антропоцентризма, проявляющийся в рассмотрении содержания высказываний с позиции говорящего субъекта, что позволяет анализировать имплицитные пропозициональные и иллокутивные смыслы, актуализирующихся в дискурсе, в синхронном аспекте, а также процесс их конвенционализации в диахронном аспекте. Напротив, семантика предполагает методологический принцип лингвоцентризма, который обуславливает анализ конвенциональных смыслов высказываний преимущественно в синхронном аспекте.

Перспективным представляется привлечение историко-языкового подхода и рассмотрение соотношения и особенностей взаимодействия исторической семантики и исторической прагматики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е.П. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 3–42.
2. Вандервекен Д. Небуквальные речевые акты / Д. Вандервекен ; [пер. с англ. О.М. Бессоновой] // Концептуализация и смысл. – Новосибирск :

- Наука, 1990. – С. 31–61.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Собрание сочинений в 6 томах. – Т. 2. – М. : Педагогика, 1982. – 504 с.
 4. Зимняя И.А. Функциональная психологическая схема формирования и формулирования мысли посредством языка / И.А. Зимняя // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М. : Наука, 1985. – С. 85–99.
 5. Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы / С.Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. – 1984. – № 4. – С. 3–12.
 6. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение / Дж. Лайонз ; [пер. с англ. В.В. Морозова и И.Б. Шатуновского]. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
 7. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф ; [пер. с англ. И.Б. Шатуновского]. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
 8. Сусов И.П. Субъектоцентрическая модель речевого акта / И.П. Сусов, Л.Р. Безуглая // Культура народов Причерноморья. – 2009. – Т. 2, № 168. – С. 284–287.
 9. Шенк Р. К интеграции семантики и прагматики / Р. Шенк, Л. Бирнбаум, Д. Мей // Новое в зарубежной лингвистике ; [пер. с англ. Г.Ю. Левина]. – М. : Прогресс, 1989. – Вып. 24. – С. 32–47.
 10. Austin J.L. How to do things with words / J.L. Austin. – Cambridge/Mass. : Harvard Univ. Press, 1962. – 166 p.
 11. Bach K. The Semantics-Pragmatics Distinction: What It Is and Why It Matters / K. Bach // Pragmatik. Implikaturen und Sprechakte. – Opladen : Westdeutscher Verl., 1997. – S. 33–50.
 12. Bierwisch M. Semantic structure and illocutionary force / M. Bierwisch // Speech act theory and pragmatics. – Dordrecht : Reidel, 1980. – P. 1–36.
 13. Bird G.H. Explicature, Implicature, and Implicature / G.H. Bird // Pragmatik: Implikaturen und Sprechakte. – Opladen : Westdeutscher Verl., 1997. – S. 72–91.
 14. Busse D. Konventionalisierungsstufen des Zeichengebrauchs als Ausgangspunkt semantischen Wandels / D. Busse // Diachrone Semantik und Pragmatik. – Tübingen : Niemeyer, 1991. – S. 37– 65.
 15. Carston R. Linguistic Meaning, Communicated Meaning and Cognitive Pragmatics / R. Carston // Mind and Language. – 2002a. – Vol. 17. – № 1–2. – P. 127–148.
 16. Carston R. Thoughts and Utterances. The Pragmatics of Explicit Communication / R. Carston. – London : Blackwell, 2002b. – 418 p.
 17. Dascal M. Speech act theory and Gricean pragmatics: Some differences of detail that make a difference / M. Dascal // Foundations of Speech Act theory. – London, New York : Routledge, 1994. – P. 323–335.
 18. Gibbs R.W. A New Look at Literal Meaning in Understanding What is Said and Implicated / R.W. Gibbs // Journal of Pragmatics. – 2002. – Vol. 34. –

- P. 457–486.
19. Grice H.P. *Logic and Conversation* / H.P. Grice // *Studies in the Way of Words*. – Cambridge (Mass.), London : Harvard Univ. Press, 1991. – P. 22–40.
 20. Grice H.P. *Intendieren, Meinen, Bedeuten* / H.P. Grice // *Handlung, Kommunikation, Bedeutung*. – Frankfurt / M. : Suhrkamp, 1993. – S. 2–15.
 21. Hawley P. *What is Said* / P. Hawley // *Journal of Pragmatics*. – 2002. – Vol. 34. – P. 969–991.
 22. Hermanns F. *Sprechkrafttheorie: Zu einem Fall von Sprachmagie in der Sprachwissenschaft* / F. Hermanns // *Grazer Linguistische Studien*. – 1985. – Heft 23. – S. 35–63.
 23. Katsos N. *The semantics/pragmatics interface from an experimental perspective: the case of scalar implicature* / N. Katsos // *Pragmatics II*. – London, New York : Routledge, 2012. – V. 1. – P. 148–170.
 24. Katz J.J. *Propositional Structure and Illocutionary Force. A study of the Contribution of Sentence Meaning to Speech Acts* / J.J. Katz. – Cambridge (Mass.) : Harvard Univ. Press, 1980. – 249 p.
 25. Keller R. *Zur Theorie metaphorischen Sprachgebrauchs – Ein Beitrag zur Semantik und Pragmatik* / R. Keller // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. – 1975. – Heft 3. – S. 49–62.
 26. Korta K. *The pragmatic circle* / K. Korta, J. Perry // *Synthese*. – 2008. – No 165. – P. 347–357.
 27. Levinson S.C. *Pragmatics* / S.C. Levinson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. – 420 p.
 28. Levinson S.C. *Presumptive Meanings: The Theory of Generalized Conversational Implicature* / S.C. Levinson. – Cambridge (Mass.) : MIT Press, 2000. – 480 p.
 29. Meibauer J. *Pragmatik* / J. Meibauer. – Tübingen : Stauffenburg, 2001. – 208 S.
 30. Morgan J.L. *Two Types of Convention in Indirect Speech Acts* / J.L. Morgan // *Syntax and Semantics*. – 1978. – Vol. 9. – P. 261–280.
 31. Müller B.L. *Der Sprechakt als Satzbedeutung: Zur pragmatischen Grundform der natürlichen Sprache* / B.L. Müller. – Bern : Lang, 2003. – 359 S.
 32. Preyer G. *Kognitive Semantik – Sprechaktsemantik* / G. Preyer // *Intention – Bedeutung – Kommunikation*. – Opladen : Westdeutscher Verl., 1997. – S. 74–138.
 33. Puntsch E. *Das neue Zitatensbuch* / E. Puntsch. – Augsburg : Bechtermünz, 1997. – 1042 S.
 34. Nieraad J. *Anmerkungen zu: Rudi Keller, Zur Theorie metaphorischen Sprachgebrauchs* // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. – 1975. – Heft 3. – S. 63–66.
 35. Récanati F. *Direct Reference: From Language to Thought* / F. Récanati. – Oxford : Blackwell, 1993. – XIV, 420 p.
 36. Rolf E. *Der Gricesche Konversationszirkel* / E. Rolf // *Pragmatik: Implikaturen und Sprechakte*. – Opladen : Westdeutscher Verl., 1997. – S. 72–91.

37. Sadock J.M. Toward a grammatically realistic typology of speech acts / J.M. Sadock // *Foundations of speech act theory*. – London, New York : Routledge, 1994. – P. 393–406.
38. Schönefeld D. Language production – from thought to utterance / D. Schönefeld // *Kognitive Aspekte der Sprache*. – Tübingen : Niemeyer, 1996. – S. 223–228.
39. Searle J.R. *Speech Acts* / J.R. Searle. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1969. – 206 p.
40. Searle J.R. *Meaning, Communication, and Representation* / J.R. Searle // *Philosophical Grounds of Rationality: Intentions, Categories, and Ends*. – Oxford : Clarendon Press, 1986. – P. 209–226.
41. Schwarz M. *Semantik* / M. Schwarz, J. Chur. – Tübingen : Narr, 1996. – 223 S.
42. Vanparys J. *Categories and Complements of Illocutionary Verbs in a Cognitive Perspektive* / J. Vanparys. – Frankfurt / M. : Lang, 1996. – 249 S.
43. Verschueren J. *The pragmatic perspective* / J. Verschueren // *Handbook of Pragmatics*. – Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 1995. – P. 1–19.
44. Wagner K.R. *Pragmatik der deutschen Sprache* / K.R. Wagner. – Frankfurt / M. : Lang, 2001. – 495 S.
45. Wieggers H. *Propositionaler Sinn: Eine konstruktive Kritik des Searlischen Propositionsbegriff* / H. Wieggers // *Neue Fragen der Linguistik : Akten des 25. Ling. Kolloquiums Paderborn 1990*. – Tübingen : Niemeyer, 1991. – B. II. – S. 3–8.
46. Wunderlich D. *On problems of speech act theory* / D. Wunderlich // *Basic Problems in Methodology and Linguistics*. – Dordrecht : Reidel, 1977. – P. 243–258.
47. Wunderlich D. *Methodological remarks on speech act theory* / D. Wunderlich // *Speech act theory and pragmatics*. – Dordrecht : Reidel, 1980. – P. 291–312.

REFERENCES

- Arut'unova, N.D., and Paducheva, Y.P. (1985). *Istoki, problemy i kategorii pragmatiki* [Undepinnings, problems and categories of pragmatics] *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, 16, 3–42 (in Russian).
- Austin, J.L. (1962). *How to do things with words*. Cambridge/Mass.: Harvard Univ. Press.
- Bach, K. (1997). *The Semantics-Pragmatics Distinction: What It Is and Why It Matters* In: *Pragmatik. Implikaturen und Sprechakte*. Opladen: Westdeutscher Verl., pp. 33–50.
- Bierwisch, M. (1980). *Semantic structure and illocutionary force* In: *Speech act theory and pragmatics*. Dordrecht: Reidel, pp. 1–36.
- Bird, G.H. (1997). *Explicature, Implicature, and Impliciture* In: *Pragmatik: Implikaturen und Sprechakte*. Opladen: Westdeutscher Verl., pp. 72–91.
- Busse, D. (1991). *Konventionalisierungsstufen des Zeichengebrauchs als*

- Ausgangspunkt semantischen Wandels In: *Diachrone Semantik und Pragmatik*. Tübingen: Niemeyer, pp. 37- 65.
- Carston, R. (2002a). Linguistic Meaning, Communicated Meaning and Cognitive Pragmatics. *Mind and Language*, 17 (1–2), 127–148.
- Carston, R. (2002b). *Thoughts and Utterances. The Pragmatics of Explicit Communication*. London: Blackwell
- Dascal, M. (1994). Speech act theory and Gricean pragmatics: Some differences of detail that make a difference In: *Foundations of Speech Act theory*. London and New York: Routledge, pp. 323–335.
- Gibbs, R.W. (2002). A New Look at Literal Meaning in Understanding What is Said and Implicated. *Journal of Pragmatics*, 34, 457–486.
- Grice, H.P. (1991). Logic and Conversation In: *Studies in the Way of Words*. Cambridge (Mass.), London: Harvard Univ. Press, pp. 22–40.
- Grice, H.P. (1993). Intendieren, Meinen, Bedeuten In: *Handlung, Kommunikation, Bedeutung*. Frankfurt / M.: Suhrkamp, pp. 2–15.
- Hawley, P. (2002). What is Said. *Journal of Pragmatics*, 34, 969–991.
- Hermanns, F. (1985). Sprechkrafttheorie: Zu einem Fall von Sprachmagie in der Sprachwissenschaft. *Grazer Linguistische Studien*, 23, 35–63.
- Katsnel'son, S.D. (1984). Rechemyslitel'nye processy [Speech thinking processes] *Voprosy jazykoznanija* [Issues of Linguistics], 4, 3–12 (in Russian)
- Katsos, N. (2012). The semantics/pragmatics interface from an experimental perspective: the case of scalar implicature In: *Pragmatics II*. London and New York: Routledge, Vol. 1, pp. 148–170.
- Katz, J.J. (1980). *Propositional Structure and Illocutionary Force. A study of the Contribution of Sentence Meaning to Speech Acts*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press
- Keller, R. (1975). Zur Theorie metaphorischen Sprachgebrauchs – Ein Beitrag zur Semantik und Pragmatik. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 3, 49–62.
- Korta, K., and Perry, John (2008). The pragmatic circle. *Synthese*, 165, 347–357.
- Lakoff, G. (2004). *Zhenshhiny, ogon' i opasnye veshhi: Chto kategorii jazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind], translated by I.B. Shatunovskii. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ. (in Russian)
- Layons, J. (2003). *Lingvisticheskaja semantika: Vvedenie* [Linguistic Semantics: An Introduction], translated by V.V. Morozov and I.B. Shatunovskii. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ. (in Russian)
- Levinson, S.C. (1995). *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press
- Levinson, S.C. (2000). *Presumptive Meanings: The Theory of Generalized Conversational Implicature*. Cambridge (Mass.): MIT Press
- Meibauer, J. (2001). *Pragmatik*. Tübingen: Stauffenburg
- Morgan, J.L. (1978). Two Types of Convention in Indirect Speech Acts. *Syntax and Semantics*, 9, 261–280.
- Müller, B.L. (2003). *Der Sprechakt als Satzbedeutung: Zur pragmatischen*

- Grundform der natürlichen Sprache*. Bern: Lang
- Nieraad, J. (1975). Anmerkungen zu: Rudi Keller, Zur Theorie metaphorischen Sprachgebrauchs. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 3, 63–66.
- Preyer, G. (1997). Kognitive Semantik – Sprechaktsemantik In: *Intention – Bedeutung – Kommunikation*. Opladen: Westdeutscher Verl., pp. 74–138.
- Puntsch, E. (1997). *Das neue Zitatensbuch*. Augsburg: Bechtermünz
- Récanati, F. (1993). *Direct Reference: From Language to Thought*. Oxford: Blackwell
- Rolf, E. (1997). Der ‚Gricesche Konversationszirkel‘ In: *Pragmatik: Implikaturen und Sprechakte*. Opladen: Westdeutscher Verl., pp. 72–91.
- Sadock, J.M. (1994). Toward a grammatically realistic typology of speech acts In: *Foundations of speech act theory*. London and New York: Routledge, pp. 393–406.
- Schönefeld, D. (1996). Language production – from thought to utterance In: *Kognitive Aspekte der Sprache*. Tübingen: Niemeyer, pp. 223–228.
- Schwarz, M., and Chur, J. (1996). *Semantik*. Tübingen: Narr
- Searle, J.R. (1969). *Speech Acts*. Cambridge: Cambridge Univ. Press
- Searle, J.R. (1986). Meaning, Communication, and Representation In: *Philosophical Grounds of Rationality: Intentions, Categories, and Ends*. Oxford: Clarendon Press, pp. 209–226.
- Shenk, R., Birnbaum, L., and May, J. (1989). K integracii semantiki i pragmatiki [Integrating Semantics and Pragmatics], translated by G.Y. Levin, *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, 24, 32–47 (in Russian)
- Susov, I.P., and Bezuglaya L.R. (2009). Subjektocentricheskaja model' rechevogo akta [Subject centered speech act model] *Kul'tura narodov Prichernomor'ja* [Black Sea Peoples' Culture], 2, 168, 284–287 (in Russian)
- Vanderveken, D. (1990). Nebukval'nye rechevye akty [Non-literal speech acts], translated by O.M. Bessonova In: *Konceptualizacija i smysl* [Conceptualisation and sense], Novosibirsk: Nauka Publ., 31–61 (in Russian)
- Vanparys, J. (1996). *Categories and Complements of Illocutionary Verbs in a Cognitive Perspective*. Frankfurt / M.: Lang
- Verschueren, J. (1995). The pragmatic perspective In: *Handbook of Pragmatics*. Amsterdam and Philadelphia: Benjamins, pp. 1–19.
- Vygotski, L.S. (1982). Myshlenie i rech' [Thinking and speech] In: *Sobranie sochinenij v 6 tomah* [Selected works in 6 volumes], 2, Moscow: Pedagogika Publ. (in Russian)
- Wagner, K.R. (2001). *Pragmatik der deutschen Sprache*. Frankfurt / M.: Lang
- Wieggers, H. (1990) Propositionaler Sinn: Eine konstruktive Kritik des Searlischen Propositionsbegriff In: *Neue Fragen der Linguistik*, Akten des 25. Ling. Kolloquiums Paderborn. Tübingen: Niemeyer, 1991., B. II., pp. 3–8.
- Wunderlich, D. (1977). On problems of speech act theory In: *Basic Problems in Methodology and Linguistics*. Dordrecht: Reidel, pp. 243–258.
- Wunderlich, D. (1980). Methodological remarks on speech act theory In: *Speech act*

theory and pragmatics. Dordrecht: Reidel, pp. 291–312.

Zimn'aya, I.A. (1985). Funkcional'naja psihologicheskaja shema formirovanija i formulirovanija mysli posredstvom jazyka [Functional psychological scheme of forming and formulating thoughts using language] In: *Issledovanie rechevogo myshlenija v psiholingvistike* [Studies of speech thinking in psycholinguistics], Moscow: Nauka Publ., 85–99 (in Russian)

Безуглая Лилия Ростиславовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина); e-mail: bezugla@daad-alumni.de

УДК 811.112.2'255'42

**EINIGE DIMENSIONEN DES FACHTEXTES
 IN DER ÜBERSETZUNG – EXEMPLIFIZIERT
 AN TEXTLINGUISTISCHEN AUFSÄTZEN¹**

Zofia Bilut-Homplewicz (Rzeszów, Polen)

Zofia Bilut-Homplewicz. A few dimensions of professional text translation – as presented in selected academic articles on text linguistics. This article aims at showing selected translation issues which may be found in various aspects of a professional text. In recent studies on professional text translation the emphasis has been shifted from lexis as the most noticeable ingredient – as it was before, to the text as a whole. The thesis is exemplified here with articles on text linguistics written by German linguists and translated into Polish.

Key words: a term in source and target culture context, non-prototypical examples of professional texts, non-specialist expressions, source-language culture context, target-language culture context.

Зофія Білут-Хомплевич. Об измерениях перевода профессиональных текстов (на материале научных статей по лингвистике текста). Цель статьи – показать определённые переводческие проблемы, с которыми можно столкнуться при работе с различными аспектами профессионального текста. В последних исследованиях по переводу профессиональных текстов внимание уделяется уже не лексике – самой заметной их составляющей – а всему тексту целиком, что и представлено здесь на материале статей по лингвистике текста, написанных немецкими языковедами и переведённых на польский.

Ключевые слова: термин в контексте культуры языка оригинала и языка перевода, непрототипические примеры профессиональных текстов, нетерминологические выражения, контекст культуры языка оригинала, контекст культуры языка перевода.

Зофія Білут-Хомплевич. Щодо вимірів перекладу професійних текстів (на матеріалі наукових статей з лінгвістики тексту). Мета статті – показати певні перекладацькі проблеми, з якими можна зіткнутися під час роботи з різними аспектами професійного тексту. В останніх дослідженнях з перекладу професійних текстів увага приділяється вже не лексиці – найпомітнішій їхній складовій – а всьому текстові цілком, що й подано тут на матеріалі статей з лінгвістики тексту, написаних німецькими мовознавцями та перекладеними польською.

Ключові слова: термін у контексті культури мови оригіналу та мови перекладу, непрототипічні приклади професійних текстів, не термінологічні вислови, контекст культури мови оригіналу, контекст культури мови перекладу.

1. Vorbemerkungen

Fach- und Wissenschaftskommunikation ist heute eine wichtige Sphäre des Informationsaustausches und eine notwendige Diskussionsquelle über Fachprobleme.

Demzufolge wird der Schwerpunkt von der Lexik als dem auffälligsten Bestandteil eines Fachtextes auf seine ganzheitliche Erfassung verlagert.

Der vorliegende Beitrag versteht sich als eine kleine Exemplifizierung von einigen Dimensionen, die bei der Übersetzung von Fachtexten im Spiel sind. Sein Ziel besteht darin, deutlich zu machen, dass manche wissenschaftliche Texte als Ganzheiten (hier ausgewählte Textexemplare aus dem Bereich der Textlinguistik) durch ihre Individualität gekennzeichnet sein können, ohne dabei ihre Wissenschaftlichkeit zu verlieren. Die Aufgabe des Übersetzers ist es, diese Individualität in der jeweiligen Zielsprache (hier Polnisch) wiederzugeben.

Neben terminologischen Fällen, die einen wichtigen Bestandteil der jeweiligen Forschungstradition bei der Kennzeichnung der wissenschaftlichen Texte darstellen, handelt es sich hier um Beispiele, die keine typischen Vertreter der Fachtexte sind, d.h. um gemeinsprachliche Ausdrücke, die nicht als Ergebnis der Übernahme von der Gemein- in die Fachsprache anzusehen sind und als Termini fungieren. Sie sind aber innerhalb mancher Texte wichtig, weil sie beispielsweise als Bezeichnungen für behandelte Phänomene vorkommen. Alle Beispiele wurden einigen aus dem Deutschen ins Polnische übersetzten Aufsätzen aus dem Bereich der Textlinguistik² entnommen.

2. Fachtexte als Untersuchungsobjekte – eine Umorientierung

Fach- und Wissenschaftssprachen sind bekanntlich kein homogenes Gebilde. Linguisten betonen, dass es nicht die Fachsprache an sich gibt, „sondern innerhalb der Fachsprachen verschiedene Fächer – horizontale Differenzierung – und innerhalb der Fachsprachen der einzelnen Fächer Schichten – vertikale Differenzierung“ [Adamzik 1999: 25]. Es werden somit verschiedene Fachsprachen mit ihren Charakteristika unterschieden und beschrieben. Die strenge Dichotomie Fach- und Gemeinsprache wird auch oft in Frage gestellt, weil die beiden Systeme keinesfalls geschlossen sind. „Im Fachtext verweben sich <...> gemeinsprachliche und fachsprachliche Phänomene“ [Stolze 2003: 296] und umgekehrt, man spricht auch oft in der Fachliteratur von der Verwissenschaftlichung der Gemeinsprache. Die neueste Forschung vertritt den Standpunkt, dass sich einzelne Fachsprachen in Fachtexten manifestieren, die Untersuchungsobjekt der Fachtextlinguistik³ sind (vgl. beispielsweise [Adamzik 1999]). Im Zuge der Pragmatisierung der Linguistik wird das Herangehen an Fachtexte als holistisch verstandene Phänomene von vielen Forschern zum gängigen Prinzip erklärt.⁴ Der Fachtext wird als ein Gebilde mit einem bestimmten Fachlichkeitsgrad angesehen.

Für Philologen, die sich nicht nur mit der Relation zwischen bestimmten Kategorien und Phänomenen in ihrer Muttersprache und in einer Fremdsprache bzw. in mehreren Fremdsprachen auseinandersetzen, sondern sich auch kontrastiven textorientierten Untersuchungen widmen, spielt die kontrastive Betrachtung von Fachtexten im wissenschaftlichen und didaktischen Kontext eine wesentliche Rolle, worauf Berdychowska [2006: 123] hinweist: „Kontrastive intra- und interlinguale Analysen begleiten bedeutsame Entwicklungsetappen in der Fachsprachenforschung

und ihre im Zusammenhang und unter dem Einfluss neuer linguistischer Erkenntnisse fortschreitende Ausweitung des Blickes von Fachwortschatz und Fachsprachen auf Fachtexte und Fachkommunikation.“ Dass sich dabei das *Tertium comparationis* Fachtextsorte u.a. deshalb als problematisch erweist, „weil Fachtexte unter dem Einfluss gegenläufiger Prozesse stehen“ [ebenda: 126], ist die Tatsache.⁵

3. Fachtexte im Übersetzungsprozess

3.1. Zum Übersetzungskontext

Wenn dem so ist, d.h. wenn die Fachlichkeit und die sprachliche Manifestation ihrer Grade in Fachtexten untersucht werden, ist auch die Übersetzung der Fachtexte als Prozess zu verstehen, in dem Textganzenheiten erfasst werden müssen. Dies bedeutet natürlich nicht, dass einzelne Textelemente weniger wichtig sind, sie sollen aber immer im Kontext, d.h. vor dem Hintergrund des Textganzen, ihrer Relevanz im Text und vor dem Hintergrund des Faches Berücksichtigung finden. Aus Platzgründen müssen hier die gängigen Kontextauffassungen ausgeklammert bleiben. Ich gehe von einem weiten Kontextbegriff aus und betrachte den Kontext nicht nur als Textumgebung einer jeweiligen sprachlichen Einheit, sondern auch als Einbettung einer Textgröße in ein bestimmtes Fach, als ihren Bezug auf die wissenschaftliche Schreibtradition der Ausgangs- und Zielkultur. Es werden somit einige Kontextbezüge unterschieden:

1. Übersetzungskontext
2. Kontext einer konkreten Textumgebung
3. Kontext der wissenschaftlichen Tradition
 - a) mit Bezug auf die Ausgangskultur
 - b) mit Bezug auf die Zielkultur
4. Kontext eines bestimmten Autors.

Selbstverständlich sind auch andere Differenzierungen möglich, es wird aber hier nicht eine Klassifizierung von Kontextarten angestrebt, sondern die Verdeutlichung derjenigen, die für die hier ausgesuchten Beispiele von Relevanz sind.

Als wissenschaftliche Binsenwahrheit gilt, dass die Übersetzung als komplexer Prozess aufzufassen ist. In diesem Prozess fungieren systemlinguistische Faktoren, die zur Übersetzungstechnik gehören, nur als eine seiner vielen Komponenten und sind der Übersetzungsstrategie untergeordnet. Metaphorisch können sie nach Albrecht [2005: 291] als „Vogelscheuche der modernen Übersetzungsforschung“ bezeichnet werden, was heißen soll, dass allein ihre Behandlung nicht ausreicht.

Der uns hier interessierende Übersetzungskontext kann im vorliegenden Beitrag folgendermaßen umrissen werden. Es handelt sich um 17 Aufsätze aus dem Bereich der Textlinguistik, die in einem Band erscheinen sollen. Der Untertitel der Bände (*Pojęcia, problemy, perspektywy – Begriffe, Probleme, Perspektiven*), spiegelt das Wesentliche des Vorhabens wieder.

Die Übersetzungen verfolgen das Ziel, die neuesten Forschungsergebnisse, Schwerpunkte, Diskussionsfragen und Forschungsaufgaben der deutschen

Textlinguistik⁶ den polnischen Linguisten (Polonisten und nichtgermanistischen Fremdphilologen) zugänglich zu machen. Es handelt sich dabei um ein Defizit in der polnischen Textlinguistik: Nur wenige Übersetzungen aus dem Deutschen liegen in polnischer Sprache vor. Wenn linguistische Fachtexte aus Fremdsprachen übersetzt werden, dann sind es meistens Übersetzungen aus dem Englischen. Dies gilt sowohl im Allgemeinen als auch bezogen auf die Textlinguistik. Und Deutsch gehört nicht zu denjenigen Sprachen, deren Kenntnis eine verbreitete Fähigkeit vieler Philologen ist.

Übersetzt wurden ab 2000 erschienene Artikel,⁷ also aus der Perspektive der Disziplin, die zu den Geisteswissenschaften zählt, aktuelle Arbeiten. Es muss betont werden, dass die Übersetzer/-innen mit den Problemen des Fachs, also der deutschen (Text)linguistik sehr gut vertraut sind, weil sie selbst als Germanist/-innen tief in der Problematik des Faches stecken, ähnliche Texte lesen und verfassen. Sie haben aber viel mehr Erfahrung mit den wissenschaftlichen Texten in deutscher als in polnischer Sprache, weil es in der polnischen Germanistik üblich ist, die meisten Arbeiten in deutscher Sprache zu studieren und zu veröffentlichen. Da die potentiellen Rezipienten Fachleute aus demselben Bereich sind, handelt es sich hier um fachinterne Kommunikation.⁸

Im Folgenden will ich auf einige Beispiele eingehen, die verschiedene Aspekte des Translationsprozesses verdeutlichen und ihn als komplex erscheinen lassen. Es soll auch gezeigt werden, dass eine solche Übersetzung als eine Herausforderung anzusehen ist, weil sie verschiedene Wissenssysteme beim Übersetzer voraussetzt, die im Übersetzungsprozess aktiviert werden müssen.⁹

3.2 Linguistische Fachtexte als Ganzheiten: Nichtprototypische Fachtextexemplare im Übersetzungsprozess an Beispielen

Der hier zu besprechenden Frage der nichtprototypischen Textexemplare im Bereich der linguistischen Fachtexte soll die Bemerkung vorausgehen, dass die ganzheitliche Erfassung des Textes aus der Perspektive der Textlinguistik einen guten Ausgangspunkt für seine Übersetzung darstellt.

Dass die Übersetzung von Fachtexten aus verschiedenen Wissenschaftsbereichen ihre Spezifik hat, steht fest. In den Geisteswissenschaften ist jedoch der Spielraum größer als in anderen Bereichen, was als Folge eines größeren Spielraums bei der Textformulierung anzusehen ist. Einzelne Textexemplare im Bereich der Geisteswissenschaften sind aber auch durch ihre Spezifika gekennzeichnet, die sich im Übersetzungsprozess widerspiegeln und hier im Folgenden exemplifiziert werden sollen.

Anderes ausgedrückt: Den Ausgangspunkt dieser Betrachtung stellt die These dar, dass Fachtexte aus dem Bereich der Linguistik (hier Textlinguistik) keine homogene Gruppe darstellen, sondern dass ihre Repräsentanten verschiedene Ausprägungen und Bezüge zu verschiedenen Wissenssystemen aufweisen können. Dementsprechend liegt dem Übersetzungsprozess in diesem Bereich eine Problemvielfalt zugrunde, die unterschiedliche Ebenen betrifft. Die Übersetzung eines einzelnen Textes als eines sprachlichen Gebildes und einer wissenschaftlichen Größe ist, im Hinblick auf bestimmte Dimensionen, wegen seiner Spezifik als

Einzelexemplar als eine Herausforderung an den Übersetzer zu verstehen. Dies soll nun an einigen Beispielen exemplifiziert werden.

Als Ausgangspunkt gilt die Überlegung, dass manche Texte aus dem Korpus als Ganzheiten durch auffällige Merkmale gekennzeichnet sind. Es geht hier jedoch nicht um Besonderheiten der Fachtextübersetzung im Bereich der linguistischen Fachtexte als Textgruppe, sondern vielmehr um Repräsentanten dieser Textgruppe, die keine prototypischen, jedoch wichtigen Exemplare im Korpus sind.

Im ersten Beispiel, im Aufsatz von Antos [2007], macht sich als eine Besonderheit der Individualstil seines Autors bemerkbar, der gleich bei der ersten Lektüre des Originaltextes auffällt. Die Gestaltung des Aufsatzes besteht in einer Eigentümlichkeit, die eine relativ starke Frequenz zeigt und sich fast auf jeder Seite des erwähnten Aufsatzes findet. Ihre Verteilung ist auch von Relevanz, sie tritt nämlich nicht an beliebigen, sondern an „prominenten“ Textstellen, d.h. im Titel auf sowie in zwei von seinen sieben Thesen

„Texte machen Wissen sichtbar!“ Zum Primat der Medialität im Spannungsfeld von Textwelten und (inter-)kulturellen Wirklichkeitskonstruktionen [Antos 2007: 34].¹⁰

„Teksty ukazują wiedzę!“ O prymacie medialności w pełnym napięć obszarze pomiędzy światami tekstów i (między-)kulturowymi konstrukcjami rzeczywistości.¹¹

These 3: Texte machen komplexes Wissen als Medienangebote kulturell überhaupt erst wahrnehmbar! [ebenda: 40]

Teza 3: Właśnie teksty rozumiane jako oferty medialne umożliwiają uczynienie skomplikowanej wiedzy przyswajalną kulturowo!

These 6: Mit Texten schaffen und tradieren wir kulturelle Welten! [ebenda: 41]

Teza 6: Za pomocą tekstów tworzymy i przechowujemy w pamięci światy kulturowe!

Wie die voranstehenden Beispiele deutlich machen, besteht der Individualstil des Textautors in der Verwendung von Ausrufesätzen.¹² Diese Sätze, die im „Normalfalle“ die Expressivität der Formulierung hervorheben, sind sonst in Fachtexten nicht üblich, ebenfalls nicht in deren Titeln. Der Ausdruck einer starker Expressivität, der sonst den Ausrufesätzen zugrunde liegt, bleibt hier durch den Kommunikationsbereich ausgeschlossen. Es geht also nicht um den Ausdruck von Emotionen, sondern darum, bestimmte Sachverhalte plakativ darzustellen. Ihre Funktion ist in dem hier analysierten Aufsatz darin zu sehen, bestimmte Inhalte, die von großer Wichtigkeit sind, hervorzuheben und dadurch die Aufmerksamkeit des potentiellen Lesers zu wecken.

Bemerkenswert ist die Tatsache, dass der Autor nicht nur seine eigenen Thesen und Gedanken mit einem Ausrufezeichen versieht, sondern auch diejenigen Stellen, an denen er sich anderen Autoren anschließt oder ihre Auffassung entwickelt:

Zum anderen hat Krämer darauf verwiesen, dass Medien nicht nur eine vermittelnde, sondern auch eine „sinnmitemzeugende“ Funktion [1998: 73] haben, d.h. Einfluss auf die jeweilige Botschaft ausüben! [ebenda: 35]

Z drugiej strony Krämer wskazuje na fakt, że media mają nie tylko funkcję przekazującą, lecz także funkcję współtworzącą sens [1998: 73], co oznacza, że wywierają wpływ na każdy przekaz!

In dem folgenden Beispiel haben wir es mit den Ausrufezeichen sogar in zwei aufeinander folgenden Sätzen zu tun:

Die zweite Antwort auf die Frage nach dem Vorteil von Texten betont nicht den zeitlich-zukünftigen, sondern den räumlichen Aspekt: Texte waren historisch betrachtet (nach den Boten, vgl. [Ehlich 1984]) die ersten verlässlichen Mittel zur Herstellung von Distanz-Kommunikation! Die Textkommunikation war daher das erste Leitmedium von raumzeitlicher Distanzkommunikation und ist es in weiten Teilen noch heute! [ebenda: 37]

Teksty – traktowane historycznie – były (po posłańcach, por. [Ehlich 1984]) pierwszym niezawodnym środkiem komunikowania się na odległość. Z tego powodu komunikacja za pomocą tekstów stała się dominującym medium w czasoprzestrzennej komunikacji na odległość i w dużej mierze jest tak do tej pory!¹³

Es wäre m.E. interessant zu überprüfen, inwieweit dieser autorenspezifische Zug auch in anderen Texten des Autors zur Verwendung kommt. Dazu wäre jedoch eine breit angelegte Studie notwendig, die den Rahmen des vorliegenden Beitrags sprengen würde.¹⁴ Eins steht jedoch fest: Der Verfasser setzt sich auch in seinen anderen Arbeiten zum Ziel, die im Mittelpunkt seines Interesses stehenden Sachverhalte nicht bloß darzustellen und zu diskutieren, sondern sie von verschiedenen Positionen aus zu beleuchten, die über strikt linguistische Fragestellungen weit hinausgehen. Bei ihm spielt also nicht nur das Was sondern das Wie der Darstellung eine ausschlaggebende Rolle.

Bereits bei einer oberflächlichen Lektüre des behandelten Aufsatzes fällt auf, dass es sich hier um einen anspruchsvollen wissenschaftlichen Text handelt, obwohl die genannten Auffälligkeiten nicht zu den prototypischen Merkmalen der *wissenschaftlicher Texte* gehören (vgl. [Sandig 2000: 94]). Sandig macht in ihrer Konzeption des Textes als prototypischem Objekt in Anlehnung an Mangasser-Wahl [1996] u.a. darauf aufmerksam, dass nicht alle Mitglieder einer Kategorie über den gleichen Stellenwert verfügen und dass es bessere und schlechtere Vertreter einer Kategorie gibt. Die besten Vertreter werden als Prototypen bezeichnet.

Der Autor setzt sich in vielen seinen Arbeiten mit dem Schreiben als Prozess und mit kognitiven Prozessen bei der Textproduktion und -rezeption auseinander und weiß genau, wie wichtig es ist, seinen eigenen Text originell zu gestalten, damit die in ihm vermittelten Inhalte trotz ihres großen Schwierigkeitsgrades Interesse erwecken.¹⁵ In unserem Zusammenhang erscheint als wesentlich, wie die obigen Stellen in der polnischen Version wiedergegeben werden. Die Übersetzerin hat sich für eine Version entschlossen, in der die Ausrufesätze als Entsprechungen stehen. Es ging aber keinesfalls um den leichtesten Weg. Diese Sätze haben auch in der polnischen Fachliteratur denselben Status, sodass wir es sowohl im Falle des Originals als auch des Translats mit nichtprototypischen Textexemplaren zu tun

haben. Es ist deshalb begründet, diese Gleichwertigkeit zu bewahren. Eine Möglichkeit, auf das Nichtprototypische deutlich hinzuweisen, bietet das Vorwort, in dem die übersetzten Texte als Ganzheiten sowie ihre Einzelaspekte thematisiert werden. Natürlich kommt auch eine direkte Anmerkung im jeweiligen Text in Frage, die seinen nichtprototypischen Charakter hervorhebt.

Als zweites Beispiel eines nicht prototypischen Fachtextes sei der Aufsatz von Storrer [2003] über die Kohärenz im Hypertext herangezogen.¹⁶ Dieser Text ist jedoch in einer anderen Hinsicht nicht prototypisch. Er setzt nämlich nicht nur das Fachwissen im Bereich der Textlinguistik voraus, sondern auch die Kenntnisse im Hinblick auf die Probleme des Internets als Medium und auf die Textverarbeitung. Zwar ist das interdisziplinäre Herangehen in der Wissenschaft ihr moderner Zug, es gelangt aber oft nur in bestimmten Aspekten zur Anwendung. In dem hier erwähnten Beitrag dagegen sind Kenntnisse aus beiden Bereichen im gleichen Maße Voraussetzung für das Verstehen des Textes und somit für den Übersetzungsprozess. Als Paradebeispiel kann der folgende übersetzte Abschnitt gelten:

Technologia hipertekstu daje do dyspozycji środki budowania koherencji, które służą do przewyciężenia problemów wynikających z nieciągłości odbioru, braku powiązania z fizykalnie dostępnym medium oraz braku przewidywalnej kolejności odbioru. Jeśli środki te zastosuje się prawidłowo do tworzenia danego hipertekstu, to budowanie koherencji w trakcie selektywnego odbioru hipertekstu może przebiegać nawet lepiej niż w trakcie częściowej i selektywnej lektury tekstów drukowanych. Z funkcjonalnego punktu widzenia rozróżnia się następujące typy środków budowania koherencji w hipertekstach:

- *Środki wspomagające orientację*, które pomagają użytkownikowi w wytworzeniu mentalnego modelu struktury sieci hipertekstowej lub dokumentu hipertekstowego.
- *Globalne środki kontekstualizacji*, które podkreślają funkcjonalną i tematyczną wartość modułu hipertekstu i wspomagają tym samym budowanie koherencji globalnej.
- *Lokalne środki kontekstualizacji*, które ukazują, jakie kolejne moduły dostępne są z poziomu bieżącego modułu i w jakiej relacji pozostają one do aktualnego modułu. W ten sposób wspomagają one użytkownika w planowaniu dalszej ścieżki odbioru i ułatwiają budowanie koherencji lokalnej przy zmianie modułu.

Der angeführte Textabschnitt zeigt, dass sich der Übersetzer nicht nur in den beiden Gebieten gut auskennen, sondern dass er auch über die Fähigkeit verfügen muss, die Inhalte in einer kompakten fachsprachlichen Form wiederzugeben. Der Ausgangstext zeigt eine besonders starke Verdichtung der Information. Es sei hier hervorgehoben, dass das nicht Prototypische in diesem Falle auf einer anderen Ebene als im ersten Aufsatz liegt, und zwar auf der Ebene der Verschränkung von zwei Wissensbereichen. Das in der Fachliteratur immer wieder vorkommende Plädoyer nach der Inter- und Transdisziplinarität der Textlinguistik (vgl. beispielsweise [de Beaugrande 1997: 9ff.]) bleibt oft noch ein Desiderat. Gemeint ist hier nicht die

Übernahme von bestimmten Aspekten oder Positionen einer anderen Disziplin, sondern eine stärkere Verschränkung von bestimmten Disziplinen. Dies ist deshalb eine schwierige Aufgabe, weil sie eine enge Zusammenarbeit von Repräsentanten verschiedener Disziplinen erfordert und eine Teamarbeit voraussetzt, was nicht nur mit organisatorischen, sondern auch mit finanziellen Problemen verbunden ist. Nicht nur bei machen empirisch angelegten Projekten wird sie jedoch mit der Zeit zur Notwendigkeit. Es ist jedoch durchaus denkbar, dass dieses Bestreben in der Zukunft zur Modifizierung der Textlandschaft im Bereich der Fachtexte beitragen kann. Somit ist es möglich, dass solche Texte ein wenig weiter ins Zentrum der prototypischen Fachtexte rücken.

3.3. Probleme bei der Übersetzung von Komponenten eines Fachtextes

3.3.1. Terminus im Kontext der Ausgangs- und Zielkultur

In diesem Unterkapitel soll eine Teilfrage angesprochen werden, die bei den analysierten Übersetzungen fundamental ist, weil sie zu den Pfeilern der Disziplin gehört. Der hier angesprochene Fall betrifft die Terminologie der Textlinguistik im Bereich der Texttypologie, genauer gesagt eine terminologische Frage im Hinblick auf die Klassifizierung von Texten. In der polnischen Textlinguistik¹⁷ ist dafür die Bezeichnung „genologia lingwistyczna“ im Gebrauch.

Die Bezeichnung „Textsorte“ gehört neben vielen anderen Bezeichnungen zu den wichtigsten Termini in dem angesprochenen Bereich.¹⁸ Für sie sehen zwei polnische Kandidaten in der Fachterminologie, „gatunek tekstu“ und „rodzaj tekstu“, zur Verfügung. Für den Terminus „Textsorte“ wurde in allen Translaten „rodzaj tekstu“ als Entsprechung einheitlich verwendet. Die Begründung dafür ist zunächst auf die Spezifik der Forschung im Bereich der Texttypologie der Ausgangskultur zurückzuführen. Zwar zeigt die Terminologie bei einzelnen Forschern viele Unterschiede, es gibt jedoch bestimmte Präferenzen. Die andere in Frage kommende Bezeichnung „gatunek tekstu“ würde dem Schwerpunkt der deutschen Textlinguistik nicht entsprechen, weil bei ihr in erster Linie Gebrauchstexte im Mittelpunkt stehen und der Terminus „Gattung“ auf die Charakterisierung ästhetisch geprägter Texte beschränkt bleibt (vgl. [Heinemann 2000: 515]).¹⁹ Zum anderen ist auch die Verbindung mit dem Kontext der zielsprachlichen Forschung von Bedeutung. Der Terminus „gatunek tekstu“ weckt eine starke Assotiation mit der literaturwissenschaftlichen Tradition in Polen, die im Zeichen von Bachtin steht.²⁰ Die Textlinguistik in Deutschland und Fragen der Texttypologie als ihr wichtiger Bereich zeigen dagegen keine literaturwissenschaftlichen Bezüge.

Es sei noch auf einen terminus technicus hingewiesen aus dem Aufsatz von Warnke [2002: 132], der aus dem Englischen kommt *CDA (Critical Discourse Analysis)*. Er wird auch im deutschen Originaltext in Originalfassung beibehalten. Auf den ersten Blick scheint *krytyczna analiza dyskursu* als seine Entsprechung zu gelten. Für einen Fachmann, der sich aber mit beiden Richtungen auseinandersetzt, sind es jedoch zwei sich voneinander unterscheidende Richtungen. Es ist deshalb empfehlenswert, die originale englische Bezeichnung auch im Polnischen zu gebrauchen. Dies ist in der vorgelegten Übersetzung auch der Fall.²¹

3.3.2. Terminus im Kontext der Zielkultur

In vielen Korpus-texten haben wir es bei der Behandlung der Kommunikationsprozesse mit drei Termini aus der gleichen Sprachfamilie und zwar *produzieren*, *Produzent* und *Produktion* (Textproduktion) zu tun (vgl. beispielsweise [Brinker 2002] und [Heinemann 2000]).

Es ist allgemein bekannt, dass sie ursprünglich aus der materiellen Sphäre kommen und sich auf Erzeugnisse beziehen, jedoch auch in die Kommunikations- und Texttheorie übernommen wurden und in diesen Bereichen parallel im Gebrauch sind. In den polischen wissenschaftlichen Texten ist dies jedoch nicht der Fall. *Produkować*, *producent* und *produkcja (tekstu)* sind in der Fachliteratur nicht vorhanden. Interessanterweise findet man jedoch eine andere Übernahme aus dem materiellen Bereich und zwar *wytwarzać*, *wytwórca*, *wytwarzanie (tekstu)*. So wurden demnach die hier erwähnten Größen wiedergegeben. Dies ist besonders wichtig, weil es sich hier um einen Schlüsselbegriff des Faches handelt, der in vielen Texten an mehreren Stellen eine starke Frequenz zeigt.

3.3.3. Zur Übersetzung von Nichttermini

Der Abschnitt 3.2. des vorliegenden Aufsatzes machte auf eine Tendenz aufmerksam, die durch ihr nichtprototypisches Vorkommen im Textganzen zum Charakteristikum des Gesamttextes wurde. Im Abschlusskapitel wird dagegen auf einige Einzelelemente eingegangen, die keinesfalls zu den prototypischen eines Fachtextes gehören. Ihr Vorkommen hängt jedoch mit dem im Aufsatz behandelten Thema zusammen und ist darauf zurückzuführen, dass manche geisteswissenschaftliche Texte (hier aus dem Bereich der Textlinguistik) die Alltagswirklichkeit aus wissenschaftlicher Perspektive direkt behandeln.

Es sei hier auf einige Beispiele aus dem Aufsatz von M. Heinemann [2000]²² hingewiesen, der sich der Frage der Textsorten des Alltag widmet.

In ihm kommen u.a. die beiden Komposita *Küchenzettel* und *Schulzettel* als Bezeichnungen für die erwähnten Textsorten vor. Ihre Übersetzung ist durch die Struktur des Polnischen stark bedingt, d.h. den deutschen Komposita entsprechen in der Zielsprache meistens Wortgruppen. Die angeführten Beispiele bestätigen eben diese Tendenz. Im Beitrag werden verschiedene Textsorten des Alltags thematisiert, nach ihren Verwendungsbereichen klassifiziert und charakterisiert. Bei der Wiedergabe ihrer Bezeichnungen im Polnischen stößt der Übersetzer auf bestimmte Probleme, die in verschiedenen Kontexten angesiedelt sind. Bei dem ersten Beispiel geht es um den Kontext der Zielsprache, um zielsprachliche Systemmöglichkeiten.

Für die kompakte Form *Küchenzettel* muss im Polnischen als Entsprechung eine Wortgruppe gefunden werden, die wegen ihrer Länge eine sehr umständliche Struktur aufweist und zwar *kartka z notatkami pozostawiona w kuchni dla domowników*. Dies ist mit einem wissenschaftlichen Text, in dem exakte und kompakte Formen bevorzugt werden, nicht kompatibel, es bietet sich aber keine bessere Lösung. Die einzige Möglichkeit, diese umständliche Weitschweifigkeit zu vermeiden, ist eine kürzere Form als Wiederaufnahme *kartka z notatkami pozostawiona w kuchni* oder eventuell *kartka z notatkami*, aber nur im Falle, wenn

der Kontext eindeutig ist, d.h. wenn die Wiederaufnahmen aufeinander folgen. Auch wenn im Falle eines Fachtestes das Streben nach der Sprachökonomie sehr wichtig ist, muss der Übersetzer bei dieser Wiedergabe bleiben, weil nur sie eine exakte und präzise Formulierung sichert. Ihr umständlicher Umfang muss also akzeptiert werden.

Ähnlich ist es bei *Schulzettel* der Fall, wofür man in der Übersetzung wieder eine umfangreiche Wortgruppe vorfindet, nämlich *karteczki podawane w klasie pod ławką*, die in einer kontextuellen Verwendung zu *karteczki podawane pod ławką* reduziert werden kann, wenn es eindeutig ist, dass sich die Situation in einer Klasse abspielt.

Mit einem anderen Kontext haben wir es dagegen bei den Komposita *Traueranzeige* und *Todesanzeige* zu tun, weil hier nicht die Frage der Systemeinschränkung im Spiel ist, obwohl die beiden Einheiten auch zur Klasse der Komposita gehören. Nicht ihr Umfang bei der Wiedergabe in die Zielsprache ist jedoch problematisch. Es kommt in diesem Falle auf die Kenntnis eines Kulturkontextes an, genauer gesagt auf einen sich in Deutschland vollziehenden Wandel der Textsorte.²³ Die beiden Komposita werden zwar als Synonyme betrachtet, zeigen jedoch einen leichten Unterschied. Bei Traueranzeigen haben wir es nämlich mit einer Formulierungsweise zu tun, die durch persönliche Züge gekennzeichnet ist und die Relation des Senders zum Verstorbenen wird stärker als bei der Todesanzeige markiert.

Bei der Übersetzung geht es aber nicht nur um diese Differenzierung, sondern auch um einen anderen Ausschnitt der Zielkultur an. In Polen sieht der Umgang mit dem Tod im Sinne der Bekanntmachung der Tatsache, dass jemand gestorben ist, anders als in Deutschland aus. Die Informationen über den Verstorbenen, oft auch über die Umstände seines Todes und schließlich über den Termin der Beerdigung u.ä. werden in Deutschland in der Lokalpresse in Form von Trauer- bzw. Todesanzeigen übermittelt, was in Polen seltener der Fall ist. Dafür wurde in der Übersetzung die Bezeichnung *nekrolog* verwendet mit der Anmerkung, dass es sich um eine Presseanzeige handelt, auch wenn man mit dieser Bezeichnung in erster Linie *Beileidsbekundigung* in der Presse meint. Da es aber für den Inhalt des Aufsatzes nicht relevant ist, kann man sich mit dieser Version begnügen.

Zum Schluss sei noch auf ein anderes Kompositum aus dem Aufsatz von Warnke [2002: 131]²⁴ hingewiesen, um zu zeigen, dass bei seiner Übersetzung der Kontext des enzyklopädischen Wissens bezogen auf die Ausgangskultur im Spiel ist. Der Autor stützt sich in seinem Beitrag auf die *Antrittsvorlesung* von Wichter, genauer gesagt, auf dessen Überarbeitung. Das Kompositum *Antrittsvorlesung* bezeichnet „erste Vorlesung eines Dozenten an einer neuen Hochschule oder in einer neuen Position an der alten Hochschule, etwa nach der Habilitation oder einer Berufung, oft mit großer Aufmerksamkeit von der internen Öffentlichkeit einer Hochschule verfolgt.“²⁵ Die polnische Wortgruppe „wykład inauguracyjny“ als Entsprechung verlangt diese Erklärung in der Anmerkung, die auf die Spezifik der Vorlesung im Kontext der Ausgangskultur hinweist. Eine adäquate Übersetzung muss

sich auf die Kenntnis eines speziellen Wirklichkeitsausschnitts stützen, hier der Universitätswirklichkeit, die Unterschiede zu der polnischen Wirklichkeit zeigt.

Von der Tatsache, dass auch noch andere, manchmal sogar überraschende Dimensionen bei der Übersetzung wissenschaftlicher Texte auf den Plan treten, konnten sich die Übersetzerinnen des Aufsatzes von Brinker,²⁶ der Textsortenbeschreibung auf handlungstheoretischer Grundlage enthält, leicht überzeugen. In diesem Beitrag finden wir eine Analyse von ausgewählten Textbeispielen, die die Textsorte *Erpresserbrief* repräsentieren.²⁷ In den Briefen kommen zahlreiche grammatische und orthographische Fehler vor, die als ein wichtiges Charakteristikum der Schreibweise ihrer Autoren (Erpresser) anzusehen sind und in der Zielsprache keinesfalls ausgeklammert werden konnten. Die Suche nach sprachlichen Strukturen und Formen, die Art und Grad des fehlerhaften Sprachgebrauchs entsprechend wiedergeben, war eine der Aufgaben bei der Herstellung des Translats. Dazu ein kurzes Beispiel:

Diese Antwort muss spätestens in zwei Wochen da sein.

Wenn nicht, tut uns leit.....

Ta odpowiedź musi być najpóźniej za dwa tygodnie.

Gdy nie, pszykro nam

Die analysierten Beispieltex te und ihre Übersetzungen konnten natürlich nur auf einige Fragen aufmerksam machen, die sich bei der Übersetzung der Fachtexte aus dem Bereich der Textlinguistik als bemerkenswert erweisen. In jedem einzelnen Text sind gleichzeitig mehrere kontextbedingte Übersetzungsprobleme im Spiel, deren Lösung eine für den Übersetzer meistens nicht einfache Aufgabe darstellt.

NOTES

¹ Der vorliegende Beitrag ist eine erweiterte Fassung meines Artikels *Produktion, produzieren... und Küchenzettel*. Nicht nur zu Fachtermini in der Übersetzung von textlinguistischen Aufsätzen – vgl. dazu Literatur.

² Die Artikel sind in dem Sammelband Bilut-Homplewicz, Zofia / Czachur, Waldemar / Smykała, Marta (Hrsg.) [2009]: *Lingwistyka tekstu w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy*. Wrocław erschienen. Der Band beinhaltet 17 Aufsätze aus den letzten Jahren zu wesentlichen Schwerpunkten der deutschen Textlinguistik.

³ Die Schreibung dieses Fachwortes schwankt (Fachtextlinguistik oder Fachtext-Linguistik) sogar bei denselben Autoren, (vgl. beispielsweise [Adamzik 1999: 27]).

⁴ Göpferich [1995: 1] bezeichnet den 1983 erschienenen Aufsatz von Kalverkämper mit dem Titel *Textuelle Fachsprachenlinguistik* als „Markstein für den Übergang von einer stark lexikologisch orientierten zu einer textorientierten Fachsprachenforschung“ (vgl. mehr dazu [Grucza 2006]).

⁵ Die Autorin spricht aber andererseits von starken Tendenzen zur Vereinheitlichung bzw. zur kulturellen Neutralisierung [ebenda]. Auf das Problem des *Tertium comparationis* weist auch Baumann [1992: 29] in seinem Aufsatz *Die Fachlichkeit von Texten als komplexe Vergleichsgröße* hin.

⁶ Gelegentlich handelt es sich auch um deutschsprachige Forschung.

⁷ Nur ein Beitrag von 1997 wurde wegen seiner wichtigen Problematik aufgenommen. Sein Autor bestätigt auch heute die Aktualität seiner darin vertretenen Positionen.

- 8 Ein anderer potentieller Rezipientenkreis sind Studierende, die mit diesen äußerst anspruchsvollen Texten bestimmte Schwierigkeiten haben könnten. Sie müssten dann durch die Lektüre leichterer Paralleltexte auf ihre Rezeption vorbereitet werden.
- 9 Es wird hier auf eine kritische Beurteilung der übersetzten Abschnitte aus der Perspektive der Übersetzungswissenschaft verzichtet; sie gelten lediglich als Verdeutlichung der präsentierten Phänomene.
- 10 Alle Hervorhebungen im Original, auch bei den Thesen. Aus diesem Grund wird auf Anführungszeichen verzichtet.
- 11 Übersetzt von B. Mikołajczyk: Antos, Gerd [2009]: „*Teksty ukazują wiedzę!*” *O prymacie medialności w pełnym napięć obszarze pomiędzy światami tekstów i (między-) kulturowymi konstrukcjami rzeczywistości.* – In: Bilut-Homplewicz, Zofia / Czachur, Waldemar / Smykała, Marta (Hg.): *Lingwistyka tekstu w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy.* Wrocław. 279-290.
- 12 Mehr zur Frage des Stils als Fachtextkategorie vgl. Berdychowska [2010: 97]. Im Fazit ihres Beitrags *Stil als Fachtextkategorie* lesen wir: „Der Stil eines Fachtextes erweist sich als ein komplexes und sich durch die Komplexität der Wahlakte sowie durch außersprachliche (d.h. fachliche) sowie fachsprachliche Wahlaktvoraussetzungen und individuelle Präferenzen konstituierendes Phänomen, das in einem konkreten Fachtext in Erscheinung tritt. Ein Fachtextsortenmuster korreliert mit bestimmten Stilprinzipien, seine jeweilige Konkretisierung korreliert mit einem diese Vorgaben befolgenden Stil, der aber auch Züge eines individuellen Stils des Textproduzenten trägt, die in einem noch eingehender zu untersuchenden Zusammenhang mit dessen Denkstil stehen“ [ebenda: 97].
- 13 Eine andere Auffälligkeit im Aufsatz von Antos, die jedoch mit geringerer Frequenz zu verzeichnen ist, gehört die Verwendung von aneinander gereihten Fragen, deren Funktion darin besteht, fundamentale Probleme, die im Aufsatz thematisiert werden, explizit zu nennen. Diese Fragen scheinen auf den ersten Blick mehr einen allgemeinen als wissenschaftlichen Charakter zu haben, es zeigt sich aber im weiteren Textablauf, dass eben diese Deutung falsch ist, denn die Antworten, die auf sie erteilt werden, sind durchaus im wissenschaftlichen Kontext angesiedelt, der kognitive und mediale Inhalte in den Mittelpunkt stellt. Die Übersetzerin hat hier die im Original vorkommenden Fragen auch durch Fragen in der Zielsprache wiedergeben. Beispiele: Warum gibt es eigentlich Texte? Was leisten sie gegenüber anderen Medien? Warum drucken und lesen wir noch Bücher? Und warum leisten wir uns kostspielige Bibliotheken, Archive, Verlage? [ebenda: 34] Oder:
Ist die Medienspezifität von Texten gleichbedeutend mit (konzeptioneller) Schriftlichkeit (sensu Koch / Österreicher) und / oder mit der „Textualität“ (sensu [Beaugrande 1982])? Löst sich die „Medialität von Texten“ angesichts seiner zunehmenden Digitalisierung (PC, TV) oder aufgrund der neuen Bildlichkeit („visual turn“) auf (vgl. [Fix u.a. 2001])? Oder verliert die Medienspezifität von Texten im Kontext von Diskursen ihr Profil? (Hervorhebungen im Original – Z. B.-H.)
- 14 Hier kann lediglich angemerkt werden, dass der Autor meine Interpretation, d.h. die Verwendung des Ausrufezeichens für die plakative Darstellung der Sachverhalte bestätigt hat. Ich möchte mich an dieser Stelle bei ihm für diesen Hinweis bedanken.
- 15 Dies äußert sich auch in verschiedenen Exkursen, auf die hier nicht eingegangen werden kann.
- 16 Übersetzt von K. Drużycki.
- 17 Gemeint ist hier die Forschung im Bereich der Polonistik in Polen. Neben der Bezeichnung *lingwistyka tekstu*, die hier als Entsprechung des deutschen Terminus „Textlinguistik“ verwendet wird, treten solche Termini auf wie *teoria tekstu*, *tekstologia*, *analiza tekstu*, *teoria i analiza dyskursu*, *stylistyka tekstu i wypowiedzi*, *pragmalingwistyka tekstu*, *folklorystyka*, *genologia lingwistyczna* (vgl. dazu [Labocha 2009])

- 18 Vgl. dazu mehr [Heinemann 2000], der auf die Unterschiede zwischen solchen Termini wie
 19 Textklasse, Texttyp, Textsorte, Textsortenvariante, Textart u.ä. aufmerksam macht.
 20 Der Autor stellt diesen Terminus neben *Genre* und betont, dass die beiden Bezeichnungen
 21 stets unmittelbar auf entsprechende Einheiten der Textsortenskala bezogen sind [ebenda].
 22 An dieser Stelle möchte ich mich bei Grzegorz Grochowski bedanken, der mich in dieser
 23 Auffassung bestärkte.
 24 Übersetzung von D. Miller.
 25 Übersetzung von Z. B.-H.
 26 An dieser Stelle möchte ich mich bei M. Heinemann für eine Präzisierung der beiden Begriffe
 27 und für weitere wertvolle Hinweise bedanken.
 Übersetzung von D. Miller.
www.student-online.net/dictionary/action/view/Glossary
 Übersetzung von Zofia Bilut-Homplewicz und Beata Mikołajczyk.
 Die zitierten und analysierten Texte wurden in anonymisierter Form vom Bundeskriminalamt
 (Wiesbaden) zur Veröffentlichung bereit gestellt (mehr dazu [Brinker 2002: 47]).

LITERATUR

1. Albrecht J. Übersetzungswissenschaft und Linguistik / Jörn Albrecht. – Tübingen : Narr, 2005. – 317 S.
2. Adamzik K. Grundfragen einer kontrastiven Textologie / Kirsten Adamzik // Kontrastive Textologie. Untersuchungen zur deutschen und französischen Sprach- und Literaturwissenschaft : [hrsg. von K. Adamzik]. – Tübingen : Stauffenburg, 2001, S. 13–48.
3. Adamzik K. Fach- / Wissenschaftssprache versus Gemeinsprache im Laiendiskurs und im linguistischen Fachdiskurs / Kirsten Adamzik und Jürg Niederhauser // Wissenschaftssprache und Umgangssprache im Kontakt : [hrsg. von J. Niederhauser und K. Adamzik]. – Frankfurt a.M. [et al.] : Peter Lang, 1999. – S. 15–37.
4. Antos G. „Teksty ukazują wiedzę!“ O prymacie medialności w pełnym napięć obszarze pomiędzy światami tekstów i (między-)kulturowymi konstrukcjami rzeczywistości / Gerd Antos // Lingwistyka tekstu w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy. Antologia tłumaczeń : [hrsg. von Z. Bilut-Homplewicz et al.]. – Wrocław : Atut, 2009. – S. 279–290.
5. Antos G. „Texte machen Wissen sichtbar!“ Zum Primat der Medialität im Spannungsfeld von Textwelten und (inter-)kulturellen Wirklichkeitskonstruktionen / Gerd Antos // Germanistische Wahrnehmungen der Multimedialität, Multilingualität und Multikulturalität [hrsg. von F. Grucza et al.]. – Warszawa : Euro-Edukacja, 2007. – S. 34–45.
6. Baumann K.-D. Die Fachlichkeit von Texten als eine komplexe Vergleichsgröße / Klaus-Dieter Baumann // Kontrastive Fachsprachenforschung : [hrsg. von K.-D. Baumann und H. Kalverkämper]. – Tübingen : Gunter Narr, 1992. – S. 29–48.
7. de Beaugrande R. Textlinguistik: Zu neuen Ufern? / Robert de Beaugrande // Die Zukunft der Textlinguistik. Traditionen, Transformationen, Trends : [hrsg. von G. Antos und H. Tietz]. – Tübingen : Niemeyer, 1997. – S. 1–11.

8. Berdychowska Z. Kontrastive Analysen von Fachtexten / Zofia Berdychowska // Texte. Gegenstände germanistischer Forschung und Lehre : [hrsg. von F. Grucza unter Mitwirkung von H.-J. Schwenk und M. Olpińska]. – Warszawa : Euro-Edukacja, 2006. – S. 123–128.
9. Berdychowska Z. Stil als Fachtextkategorie / Zofia Berdychowska // Text und Stil : [hrsg. von Z. Bilut-Homplewicz et al.]. – Frankfurt a.M. : Peter Lang, 2010. – S. 91–98.
10. Bilut-Homplewicz Z. Produktion, produzieren... und Küchenzettel. Nicht nur zu Fachtermini in der Übersetzung von textlinguistischen Aufsätzen / Zofia Bilut-Homplewicz // Texte und Translation [hrsg. von P. Bąk et al.]. – Frankfurt a.M. : Peter Lang, 2010. – S. 187–200.
11. Bilut-Homplewicz Z. (Hg.) Lingwistyka tekstu w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy. Antologia tłumaczeń / Zofia Bilut-Homplewicz, Waldemar Czachur, Marta Smykała. – Wrocław : Atut, 2009. – 377 S.
12. Brinker K. Textsortenbeschreibung auf handlungstheoretischer Grundlage (am Beispiel des Erpresserbriefs) / Klaus Brinker // Texte, Diskurse, Interaktionsrollen. Analyse der Kommunikation im öffentlichen Raum : [hrsg. von K. Adamzik]. – Tübingen : Stauffenburg, 2002. – S. 41–59.
13. Brinker K. Opis rodzaju tekstu na podstawie teorii działania (na przykładzie listu od szantażysty) / Klaus Brinker // Lingwistyka tekstu w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy. Antologia tłumaczeń : [hrsg. von Z. Bilut-Homplewicz et al.]. – Wrocław : Atut, 2009. – S. 115–131.
14. Göpferich S. Textsorten in Naturwissenschaften und Technik. Pragmatische Typologie – Kontrastierung / Susanne Göpferich. – Tübingen : Gunter Narr, 1995. – 521 S.
15. Grucza S. Zu den Forschungsgegenständen und den Forschungszielen der Fachtextlinguistik / Sambor Grucza // Texte. Gegenstände germanistischer Forschung und Lehre : [hrsg. von F. Grucza unter Mitwirkung von H.-J. Schwenk und M. Olpińska]. – Warszawa : Euro-Edukacja, 2006. – S. 101–122.
16. Heinemann M. Rodzaje tekstu w życiu codziennym / Margot Heinemann // Lingwistyka tekstu w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy. Antologia tłumaczeń : [hrsg. von Z. Bilut-Homplewicz et al.]. – Wrocław : Peter Lang, 2009. – S. 97–114.
17. Heinemann M. Textsorten des Alltags / Margot Heinemann // Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung : [hrsg. von G. Antos et al.]. – Berlin / New York : Walter de Gruyter, 2001. – Bd.1. – S. 604–614.
18. Heinemann W. Textsorte – Textmuster – Texttyp / Wolfgang Heinemann // Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung : [hrsg. von G. Antos et al.]. – Berlin / New York : Walter de Gruyter, 2001. – Bd. 1. – S. 507–523.

19. Labocha J. Lingwistyka tekstu w Polsce // Janina Labocha // Lingwistyka tekstu w Polsce i w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy : [hrsg. von Z. Bilut-Homplewicz et al.]. – Wrocław : Atut, 2009. – S. 45–58.
20. Sandig B. Text als prototypisches Konzept / Barbara Sandig // Prototypentheorie in der Linguistik : [hrsg. von M. Mangasser-Wahl]. – Tübingen : Stauffenburg, 2000. – S. 93–112.
21. Stolze R. Hermeneutik und Translation / Radegundis Stolze. – Tübingen : Gunter Narr, 2003.
22. Storrer A. Kohärenz in Hypertexten / Angelika Storrer // Zeitschrift für germanistische Linguistik. – 2003. – 31/2. – S. 274–292.
23. Storrer A. Koherencja w hipertekstach / Angelika Storrer // Lingwistyka tekstu w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy. Antologia tłumaczeń : [hrsg. von Z. Bilut-Homplewicz et al.]. – Wrocław : Atut, 2009. – S. 259–278.
24. Warnke I. Adieu Text – bienvenue Diskurs? Über Sinn und Zweck einer poststrukturalistischen Entgrenzung des Textbegriffs / Ingo Warnke // Brauchen wir einen neuen Textbegriff?: Antworten auf eine Preisfrage : [hrsg. von Ulla Fix et al.]. – Frankfurt a.M. : Peter Lang, 2002. – S. 125–141.
25. Warnke I. Żegnaj tekście – witaj dyskursie? O sensie i celu poststrukturalistycznego uwolnienia pojęcia tekst / Ingo Warnke // Lingwistyka tekstu w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy. Antologia tłumaczeń : [hrsg. von Z. Bilut-Homplewicz et al.]. – Wrocław : Atut, 2009. – S. 343–360.
26. Student-online – Lexikon : www.student-online.net/dictionary/action/view/glossary

REFERENCES

- Albrecht, Jörn (2005): *Übersetzungswissenschaft und Linguistik*. – Tübingen.
- Adamzik, Kirsten (2001): *Grundfragen einer kontrastiven Textologie*. – In: Adamzik, Kirsten (Hg.) (2001): *Kontrastive Textologie. Untersuchungen zur deutschen und französischen Sprach- und Literaturwissenschaft*. Tübingen. 13-48.
- Adamzik, Kirsten / Niederhauser, Jürg (1999): *Fach- / Wissenschaftssprache versus Gemeinsprache im Laiendiskurs und im linguistischen Fachdiskurs*. – In: Niederhauser, Jürg / Adamzik, Kirsten (Hgg.): *Wissenschaftssprache und Umgangssprache im Kontakt*, 15-37. – Frankfurt/M. u.a.
- Antos, Gerd (2009): „*Teksty ukazują wiedzę!*“ *O prymacie medialności w pełnym napięć obszarze pomiędzy światami tekstów i (między-)kulturowymi konstrukcjami rzeczywistości*. – In: Bilut-Homplewicz, Zofia / Czachur, Waldemar / Smykała, Marta (Hgg.): *Lingwistyka tekstu w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy. Antologia tłumaczeń*. Wrocław. 279-290.
- Antos, Gerd (2007): „*Texte machen Wissen sichtbar!*“ *Zum Primat der Medialität im Spannungsfeld von Textwelten und (inter-)kulturellen Wirklichkeitskonstruktionen*. – In: Grucza, Franciszek / Schwenk, Hans-Jörg / Olpińska, Magdalena (Hgg.): *Germanistische Wahrnehmungen der Multimedialität, Multilingualität und Multikulturalität*. Warszawa. 34-45.

- Baumann, Klaus-Dieter (1992): Die Fachlichkeit von Texten als eine komplexe Vergleichsgröße. In: Baumann, Klaus-Dieter / Hartwig Kalverkämper (Hrsg.): *Kontrastive Fachsprachenforschung*. Tübingen, S. 29-48.
- de Beaugrande, Robert (1997): *Textlinguistik: Zu neuen Ufern?* – In: Antos, Gerd / Tietz, Heike (Hgg.): Die Zukunft der Textlinguistik. Traditionen, Transformationen, Trends. Tübingen. 1-11.
- Berdychowska, Zofia (2006): *Kontrastive Analysen von Fachtexten*. – In: Grucza, Franciszek (Hg.) unter Mitwirkung von Hans-Jörg Schwenk und Magdalena Olpińska: *Texte. Gegenstände germanistischer Forschung und Lehre*. Warszawa, S. 123-128.
- Berdychowska, Zofia (2010): *Stil als Fachtextkategorie*. – In: Bilut-Homplewicz, Zofia / Mac, Agnieszka / Smykała, Marta / Szwed, Iwona (Hgg.): *Text und Stil*. Frankfurt a.M., S. 91-98.
- Bilut-Homplewicz, Zofia (2010): *Produktion, produzieren... und Küchenzettel*. Nicht nur zu Fachtermini in der Übersetzung von textlinguistischen Aufsätzen. – In: Bąk, Paweł / Sieradzka, Małgorzata / Wawrzyniak, Zdzisław (Hgg.): *Texte und Translation*. Frankfurt a. M., S. 187-200.
- Bilut-Homplewicz, Zofia / Czachur, Waldemar / Smykała, Marta (Hgg.) (2009): *Lingwistyka tekstu w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy*. Antologia tłumaczeń. Wrocław.
- Brinker, Klaus (2002): *Textsortenbeschreibung auf handlungstheoretischer Grundlage (am Beispiel des Erpresserbriefs)*. – In: Adamzik, Kirsten (Hg.): *Texte, Diskurse, Interaktionsrollen. Analyse der Kommunikation im öffentlichen Raum*. Tübingen. 41-59.
- Klaus Brinker (2009): *Opis rodzaju tekstu na podstawie teorii działania (na przykładzie listu od szantażysty)*. – In: Bilut-Homplewicz, Zofia / Czachur, Waldemar / Smykała, Marta (Hgg.) (2009): *Lingwistyka tekstu w Niemczech....*, 115-131.
- Göpferich, Susanne (1995): *Textsorten in Naturwissenschaften und Technik. Pragmatische Typologie – Kontrastierung*. Tübingen.
- Grucza, Sambor (2006): *Zu den Forschungsgegenständen und den Forschungszielen der Fachtextlinguistik*. In: Grucza, Franciszek (Hg.) unter Mitwirkung von Hans-Jörg Schwenk und Magdalena Olpińska..., 101-122.
- Heinemann, Margot (2009): *Rodzaje tekstu w życiu codziennym*. – In: Bilut-Homplewicz, Zofia / Czachur, Waldemar / Smykała, Marta (Hgg.): *Lingwistyka tekstu w Niemczech....*, 97-114.
- Heinemann, Margot (2000): *Textsorten des Alltags*. – In: Antos, Gerd / Brinker, Klaus / Heinemann, Wolfgang / Sager, Sven F. (Hgg.): *Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. Bd.1. Berlin / New York. 604-614.
- Heinemann, Wolfgang (2000): *Textsorte – Textmuster – Texttyp*. – In: Antos, Gerd / Brinker, Klaus / Heinemann, Wolfgang / Sager, Sven F. (Hgg.): *Text- und*

Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Bd. 1. Berlin / New York. 507-523.

Labocha, Janina (2009): *Lingwistyka tekstu w Polsce*. – In: Bilut-Homplewicz, Zofia / Czachur, Waldemar / Smykała, Marta (Hgg.) (2009): *Lingwistyka tekstu w Polsce i w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy*. Wrocław. 45-58.

Sandig, Barbara (2000): *Text als prototypisches Konzept*. – In: Mangasser-Wahl, Martina (Hg.): *Prototypentheorie in der Linguistik*. Tübingen. 93-112.

Stolze, Radegundis (2003): *Hermeneutik und Translation*. Tübingen.

Storrer, Angelika (2003): *Kohärenz in Hypertexten*. – In: *Zeitschrift für germanistische Linguistik* 31/2. 274-292.

Storrer, Angelika (2009): *Koherencja w hipertekstach*. – In: Bilut-Homplewicz, Zofia / Czachur, Waldemar / Smykała, Marta (Hgg.) (2009), 259-278.

Student-online – Lexikon. Available at: www.student-online.net/dictionary/action/view/glossary

Warnke, Ingo (2002): *Adieu Text – bienvenue Diskurs? Über Sinn und Zweck einer poststrukturalistischen Entgrenzung des Textbegriffs*. – In: Fix, Ulla / Adamzik, Kirsten / Antos, Gerd (Hgg.): *Brauchen wir einen neuen Textbegriff?: Antworten auf eine Preisfrage*. Frankfurt/M. 125-141.

Warnke, Ingo (2009): *Żegnaj tekście – witaj dyskursie? O sensie i celu poststrukturalistycznego uwolnienia pojęcia tekst*. In: Bilut-Homplewicz, Zofia / Czachur, Waldemar / Smykała, Marta (Hgg.) (2009): *Lingwistyka tekstu w Niemczech...*, 343-360.

Zofia Bilut-Homplewicz – Univ.-Prof., Dr. habil, Uniwersytet Rzeszowski (aleja Tadeusza Rejtana 16C, Rzeszów, Poland); e-mail: zbilut@univ.rzeszow.pl; zbilut@wp.pl

УДК 81'253 = 111

**ONE SANG THE BODY ELECTRIC:
 THE TWENTIETH CENTURY RUSSIAN AND BULGARIAN
 APPROACHES TO TRANSLATING THE POETICS OF WHITMAN**

**N.E. Kamovnikova (St. Petersburg, Russian Federation)
 K.T. Ivleva (Paris, France)**

N. Kamovnikova, K. Ivleva. One Sang the Body Electric: The Twentieth Century Russian and Bulgarian Approaches to Translating the Poetics of Whitman. The article focuses on four translations of Walt Whitman's poem *I Sing the Body Electric* into Russian and Bulgarian by Balmont, Zenkevich, Stoyanov, Svintila. The choice of the Russian and Bulgarian languages which share historical and cultural experience in their pre-communist, communist and post-communist periods enables us to define the main strategies applied to the highly unconventional poetics of Whitman by his Russian and Bulgarian translators constrained by the rules of the Socialist Realism and the literary canon of different historic periods of the twentieth century. The results obtained demonstrate an evolution of translation approaches to the structure and poetics of the original. poetry, poetics,

Keywords: Balmont, Whitman, translation, Zenkevich, Stoyanov, Svintila.

Н. Камовникова, К. Ивлева. Воспевая электрическое тело: Поэтика Уитмена в интерпретации русских и болгарских переводчиков двадцатого века. В статье рассматривается стихотворение Уолта Уитмена «Я пою электрическое тело» в четырех переводах Бальмонта, Зенкевича, Стоянова, Свинтилы. Выбор русского и болгарского языков, объединенных общим историческим и культурным опытом дореволюционного, коммунистического и посткоммунистического периодов, позволяет определить основные стратегии, применяемые к крайне нетрадиционной поэтике Уитмена его российскими и болгарскими переводчиками, стесненными правилами социалистического реализма и литературных канонов различных исторических периодов XX века. Полученные результаты показывают эволюцию переводческих подходов к структуре и поэтике оригинала.

Ключевые слова: Бальмонт, Зенкевич, перевод, поэзия, поэтика, Свинтила, Стоянов, Уитмен.

Н. Камовнікова, К. Івлева. Оспівуючи електричне тіло: поетика Вітмена в інтерпретації російських і болгарських перекладачів двадцятого століття. У статті розглядається вірш Волта Вітмена «Я співаю електричне тіло» в чотирьох перекладах в Бальмонта, Зенкевича, Стоянова, Свінтіли. Вибір російської та болгарської мов, об'єднаних спільним історичним і культурним досвідом їх дореволюційного, комуністичного і посткомуністичного періодів, дозволяє визначити основні стратегії, що застосовуються до вкрай нетрадиційної поезики Уїтмена його російськими та болгарськими перекладачами, стисненими правилами соціалістичного реалізму і літературного канону різних історичних періодів XX століття. Отримані результати розкривають еволюцію перекладацьких підходів до структури та поезики оригіналу.

Ключові слова: Бальмонт, Вітмен, Зенкевич, переклад, поезія, поетика, Свінтіла, Стоянов.

This article explores four translation projects [Berman 1995: 76-77] of Walt Whitman's poem *I Sing the Body Electric* into Russian and Bulgarian during the pre-communist, communist and post-communist periods. As the Russian and Bulgarian languages have close kinship and the two nations share historical and literary experience, especially in the twentieth century, our objective is to define the main strategies applied by the Russian and Bulgarian translators to a poetic text. Although *I Sing the Body Electric* challenged the Russian and Bulgarian translators in several ways, this article will be particularly focused on its poetical features. In other words, we explore whether and how the formal features of Whitman's poetry fit into the poetic canons of the pre-communist, communist and post-communist periods.

We put an emphasis on the communist era literary horizons of the two countries. We consider that, although the communist years have not been a monolithic period but rather included different sub-periods with a changeable poetic canon, it is yet possible to define the general features of the official poetry in the USSR and Bulgaria. Among the officially advocated themes, such as the courage of the militant, the personal sacrifice for the communist ideas, etc., this canon includes some formal aspects, such as the preference for a more conventional poetry with regular meter rhythm and rhymes, neutral words order, deprived of 'unnecessary' repetitions and inversions. During the communist period these formal features were not explicitly imposed by the literary canon; however, the officially praised poetry was a reliable means of communicating the approved strategies to writers, poets, and translators.

We choose to work on Whitman's text, firstly, because of its unconventional expressivity, which is especially challenging for the authors of the communist period constrained by the rules of the Socialist realism. Secondly, the interest towards Whitman's poetry did not wane with the advent of communism which allows us to explore the continuity of his translations before, during and after this period. In this sense *I Sing the Body Electric* demonstrates an interesting evolution of translation approaches to the structure and poetics of the original.

The poem of Walt Whitman *I Sing the Body Electric* [Whitman 2006: 109-118] has been a part of *Leaves of Grass* since its first edition in 1855. Both in form and content, the poem is a manifest of Whitman's philosophy and an anthem to the powers and beauty of the human body. The concept of *Body Electric* introduced into the poem in 1867 was a final touch to the poetic image, as the adjective *electric* for Whitman was a term to express poetic excitement [Klatt 2008: 321]. The human body is seen by Whitman as a source of inspiration and a conductor of the electrical charge which can be transferred between the bodies joined in one system.

The idea of the human body as a special electric substance was inspired by the lecture of Ralph Waldo Emerson *The Poet*, which Whitman attended in 1842. Emerson spoke about a "power transcending all limit and privacy, by virtue of which a man is the conductor of the whole river of electricity" [Emerson 1983: 467]. The fascinating power of electricity embraces all dimensions of the poem: social, physical, and sexual. In broader view, *Body Electric* is a unity, a system complete in

its perfection that unites all human bodies in a single oceanic flow. Going with this flow and being part of it is described by Whitman as a sublime state of human existence:

*I have perceiv'd that to be with those I like is enough,
To stop in company with the rest at evening is enough,
To be surrounded by beautiful, curious, breathing, laughing flesh is enough,
To pass among them, or touch any one, or rest my arm ever so lightly round
his or her neck for a moment – what is this, then?
I do not ask any more delight – I swim in it, as in a sea.*

Within this universal electric unity, each single body is unique and perfect. Whitman opposes the religious doctrine of the body being the root of evil, following Emerson who talked about the indivisibility of spiritual and physical powers of a human and of the human spirit put into the body “as fire put into a pan, to be carried about” [Emerson 1983: 447]. The corruption of *own live bodies* and the attempt to conceal oneself, by Whitman, equals the Biblical sin of Adam and Eve which impelled them to conceal their nakedness. Confronted by those who found his poetry obscene and religiously offensive, Whitman came up with a retort: “Will the world ever get over its own indecencies and stop attributing them to God?” [Schmidgall 2001: 173]

A human body is an electrical substance, a unity of its elements joined in a single electric field. It is a phenomenon that existed millions of years, and at the same time every single manifestation of it is unique and matchless. “The same old blood” runs in the veins of every human, but in the every instance the human body is sacred – *No matter who it is, it is sacred*. This perfection of a human body makes Whitman resort to its extensive descriptions and enumerations. As every human is precious in the oceanic universe of human bodies, every part of the body is precious in the oceanic universe of a single body. Calling a human body *a wonder*, Whitman takes infinite delight in listing every small feature of the bodily structure, which results in a particular syntactic arrangement of the poem. This grammatical strategy, which evoked an outcry of criticism, is but another way to describe a human body as a marvel. The listing of body parts in the final section of the poem is grammatically arranged as one sentence: one hundred and thirty-three parts and functions enumerated in thirty lines are equally unique and linked to each other in one miraculous system.

This physical perfection of a human is an inspiration for a sexual desire. The human body, as Huck Gutman acutely observes, accounts for the erotic attraction and legitimizes the sexual hungers “because the body is so electric, so filled with a vital energy that attracts and a galvanic current that flows” [Gutman 1998]. The physical act of love in section five of the poem is described by Whitman as the essence of human existence and a cause of a new birth – that of a child and that of a man whose birth is completed by a physical union with a woman. This philosophy and stylistic features have been a challenge for translators throughout the twentieth century.

The first translation of *I Sing the Body Electric* into these Slavic languages was that into Russian produced by Konstantin Balmont (1867-1942) [Uitmen 1911: 28-38]. Balmont was an outstanding poet, belonging to the school of the Russian Symbolism, which deeply influenced his views both on poetry in general and literary translation in particular. Symbolists were convinced in the primacy of the spiritual over the material, the power of inspiration and intuition. As well, much importance was ascribed to the structure of the literary text. “Any poem is a veil spread over the spikes of several words,” wrote the influential Russian symbolist-poet Alexander Blok. “These words shine like stars. They are the reason the poem exists.” [Blok 1962: 131]. Symbolists treated the language with special reverence and faith in its powers [Careva 2007: 160]. Deep respect for the text was one of the main features of Balmont’s translations: in his preface to the first edition of his translations of Whitman’s poetry he pointed out that he had tried to be as precise as possible and resorted to paraphrasing only where he could not avoid it [Uitmen 1911: 7].

At the same time not everyone has seen Balmont’s translation as being faithful to the original. Already in the early 1920s Balmont was severely criticized by the Russian critic Ivan Aksyonov (1884 – 1935) for discrediting the “revolutionary significance” of Whitman’s poetry by introducing the lines in praise of the human body. This “dirty verses”, in Aksyonov’s view, could not have been written by Whitman himself [Leighton 1982]. Balmont’s approach was severely criticized by his contemporary and rival Korney Chukovsky (1882- 1969) for “flowery rhetoric” and “external prettiness” and for conveying a false image of Whitman’s aesthetics and philosophy, making of him a “poet of the self” [Leighton 1982]. It was Korney Chukovsky who later became the most recognized translator of Whitman in Russia, though the poem *I Sing the Body Electric* is better known to the Russian readers in the translation of Mikhail Zenkevich (1886 – 1973) [Uitmen 1970: 105-109].

An active poet in the pre-revolutionary Russia, Zenkevich was mainly engaged in translation under communism, focusing on translations from the English language. The literary approach of that period rooted from the philosophy of Social Realism which was first introduced in the 1920s and was finally announced as the guideline for literary writing in 1932. Of all existing literary methods, Social Realism was one of the very few that were presented to the public as a ready-made prescription [Litovskaja 2008: 14]. Art was seen as a special weapon of class struggle which required the realism of a special type. This special realism was to be founded on “a special kind of truth” [Litovskaja 2008: 14] and “social optimism” [Litovskaja 2008: 15]. Moreover, in 1955, the Soviet translator and literary critic Ivan Kashkin (1899 – 1963) introduced the concept of *realistic translation* which required the translators to “read the original through the eyes of their contemporaries in the light of their socialist and revolutionary view of the world” [Kashkin 1955: 138]. This militant optimism expected the poetry to be “chaste” and its form and content to be free from imperfection. Tied by the call for literary chastity, Zenkevich, who used to be an akmeist and wrote some love and erotic poetry before the Soviet time, mitigated in his translation sexual, gender and body issues, incompatible with the dominant idea

of “social optimism”. He preserved most of the formal features of the original, but had to emphasize the social and revolutionary aspects of Whitman’s poetry.

The same philosophy affected the translation of the poem into Bulgarian made by the literary critic, writer and translator Tsvetan Stoyanov (1930 – 1971) in 1965[Uitman 1965: 38-45]. In those days, the Bulgarian literature was much under the influence of the Soviet propaganda, but Stoyanov was one of the intellectuals who was promoting the Western literature, welcoming new styles and literary expressions. Stoyanov compiled the stylistic ideology, as well as with the chastity requirements, which, like in the USSR, called for mitigation of sexuality in text. However, he remained faithful in rendering Whitman’s imagery, metaphors and intonations.

The fall of communist regime was followed by immediate changes in literary views and in the advent of the era of literary experiments in the two countries. The newly gained freedom of speech was a cause for new approaches to translation, which advocated freedom of expression and text interpretation. It was in 1996 when Bulgarian poet and translator Vladimir Svintila (1926 – 1998) came up with a new translation of *I Sing the Body Electric* [Uitman 1996: 20-27]. The new political conditions allowed the translator to handle the free verse more easily and preserve the explicit sexuality of the original. At the same time, it is obvious that Svintila desired to make his translation different from what had been done before him and to avoid being similar to Stoyanov. This strategy can be seen in his intentional choice of vocabulary, turns of phrase, verb tenses, even when he had every possibility to use the same words, syntax and tenses.

One of the challenging aspects of the original is its poetical and stylistic organisation. The poem consists of long sentences spread over several lines without enjambments. It is mainly written in free verse, which presupposes no regular alternation of stressed and unstressed syllables, although some lines offer a regular meter (for example, the first line in the poem follows a iambic pattern). The rhythmicity of the poem is often provided by the use of parallel constructions. Whitmanian parallelisms are frequently based on repetitions of the same textual elements or syntactical structure, as we see in part four where the first four lines start with infinitives and finish (misaligned by one verse) with the predicate *is enough*:

I have perceiv’d that to be with those I like is enough,

To stop in company with the rest at evening is enough,

To be surrounded by beautiful, curious, breathing, laughing flesh is enough,

To pass among them or touch any one, or rest my arm ever so lightly round his or her neck for a moment <...>

This formal aspect of Whitman’s poetry is generally taken into account in the translations. However, the main challenge for the translators is related to the double aspect of Whitman’s poem. On the one hand, *I Sing the Body Electric* offers a rough and prosaic style, conveying the impression of a “bad” writing; on the other hand, it includes solemn intonations and “epic notes”.

The so-called roughness comes from the regular syntax, repetitions, and the abundant use of pronouns, which make the poem sound like an unrehearsed speech.

On the other hand, the solemnity of the tone is created by the use of archaic and biblical lexicon (*engirth*), exclamations (*o my Body*), and inversed syntax [Polonsky 1997: 410]. This double aspect of Whitman's style became one of the main difficulties for the Communist period translators who were strongly encouraged to apply more conventional ways, fluent syntax, poeticised expression, less colloquial intonations in rendering the foreign originals.

Thus, the four translators applied different strategies to the whitmanian style. The direct word order dominates in the syntax of the poem; however, inversions are regularly used – sometimes accompanied by other expressive means and stylistic devices. For example, the beginning of part 3 is based on a repetition and the use of an inverted order, which creates the effect of an epic recital while the content links the poem to the Book of Genesis:

*I know a man, a common farmer – the father of five sons;
And in them the fathers of sons – and in them the fathers of sons.*

In these lines, *in them* is a crucial point to understand Whitman's recurring image of eternity and never ending ancestry that links every human with the moment of Creation. The original does not focus on the linearity of succession of fathers and sons, but of their unity: each individual 'contains' all the constellations of ancestors. This is how we understand the use of *in them* instead of *they were*. Stylistically, the image is enhanced by the use of the inverted word order and the elliptical (missing verb) expression. However simple the lines might seem, the translators demonstrated amazing versatility when rendering the passage:

В: *Я знал человека, простого фермера, отца пяти сыновей,
И в них – отцов сыновей, и в них – отцов сыновей.*

Z: *Я знал одного фермера, отца пятерых сыновей,
Они были отцы сыновей – и те тоже отцы сыновей.*

St: *Познавах един човек, обикновен фермер, баща на петима сина,
И те бащи на синове, и синове им – бащи на синове.*

Sv: *Познавах едного, бе прост фермер, пет сина имаше
И в тях бащи на синове, и в тях – бащи на синове.*

Balmont and Svintila follow the structure of the second verse and preserve *in them* alongside with the verb ellipsis. As opposed to that, the communist period translators rationalise the syntax. Zenkevich chooses a normal order of words and adds a verb (*They were fathers and sons*), while Stoyanov gather the verb ellipsis but does the syntax more fluent (*And they fathers of sons and their sons – fathers of sons*), neutralising the biblical intonation.

The attempt to avoid the unusual syntax and elliptical expression is striking in both translations of the Soviet period. The expression *in them* was paraphrased, thus the direction of ancestry was reverted: whereas in the original the contemporary human is seen as the result of the Creation, the heir of *the same old blood*, Zenkevich and Stoyanov place the contemporary human at the beginning of the Creation (*they were fathers of sons, and their sons – fathers of sons*).

Analysing the four translations, we notice that both Zenkevich and Stoyanov resort to syntax rationalization, therefore achieving textual predictability. This strategy is applied wherever they have to deal with the ‘bad’ writing, even if it is a poetic trait of the original.

We can compare the translations of an example from the third part, which describes a man, using several sequences connected by the preposition “of”:

*This man was of wonderful vigor, calmness, beauty of person;
The shape of his head, the pale yellow and white of his hair and beard, and the
Immeasurable meaning of his black eyes – the richness and breadth of his
manners...*

The expressivity here comes from the ‘heavy’ use of the preposition “of” and the accumulation of nominal structures which describe the man. Balmont follows this expression by using several genitive structures:

*Это был человек удивительной силы, спокойствия, красоты всей
наружности,
Форма его головы, бледно-жёлтый и белый цвет бороды и волос,
бездонность значения в выражении чёрных глаз, широта и свобода
движений, манер...*

Zenkevich, in contrast, rationalises by using mainly the more neutral nominative structures:

*Он был удивительно силен, спокоен, прекрасен,
Его голова, жёлто-белые волосы, борода, глубокий взгляд его
Тёмных глаз, широта и щедрость его обращенья...*

We notice the same rationalisation strategy in Stoyanov’s translation:

*Тоя човек имаше удивителна сила, спокойствие и хубост,
главата му, със бледожълтите и белите коси, брадата, безбройните
израз на черните очи, богатството и размаха в държанието...*

Svintila’s translation follows the original structures more faithfully and respects the poetical expressivity:

*Този мъж бе със прекрасна сила, вътрешен покой, с красива външност,
а формата на черепа му, бледорусия и бял оттенък на косите и брадата му,
неизмеримото значение на тъмния му поглед, богатството и замаха на
неговия жест...*

Repetitions are another stylistic feature of this poem. Regular repetitions in Whitman’s text are the basis of the ample use of alliteration, which takes part in the construction of the poetic rhythm – a feature particularly valuable for a free verse text. Repetitions of grammatical constructions create the effect of unprepared colloquial speech, a distinguishing feature of Whitman’s poetry. The two translators often neglect the whitmanian repetition, depriving the translation of the author’s signature stylistic device. For instance, in part 3, Whitman repeats the word *love* five times within two succeeding lines:

*They and his daughters loved him – all who saw him loved him;
They did not love him by allowance – they loved him with personal love.*

Balmont eagerly follows the iterative pattern and even makes it sound like an incantation:

*Они и дочери любили его, все, кто видел его, любили его,
не из-за доброй его славы любили его, а личной любили любовью.*

Zenkevich, on the contrary, favours fluency: he neutralizes the tone of the poem by reducing the number of repetitions:

*Сыновья и дочери любили его – каждый, кто знал, любил его;
Любили не из почтения, а искренне – каждый по-своему.*

The quantitative reduction of repetitions and alliterations in Zenkevich's translation leads to the destruction of the epic tone of the poem. Stoyanov adopts the same strategy: he cuts the number of repetitions by half and turns the short complex sentence into an expanded one, which destroys the epic melodiousness of the poem:

*Обичаха го и те, и дъщерите му, и всички, които го бяха виждали,
обичаха го не от друго, обичаха го заради него.*

Svintila demonstrates a different approach to the translation of these lines. Instead of using the repetition, he alternates two synonyms of the verb *to love* – *обикна* and *любя* – which in Bulgarian denote different registers, *любя* being more archaic and literary verb. This increases the emotional charge of the text and impairs the strategy of Whitman who tends to repeat the same words in most contexts:

*Дъщерите му го любеха, всички, дете го познаваха, го любеха.
Него обикваха по принуждение, обикваха го ей така.*

Listings of words and sequences are another common poetic device of Whitman. They add to the density of the text, both visually and rhythmically. Whitman commonly lists gerunds and verbal nouns thus describing states and occupations and focusing the reader's attention on the narration rather than action. At the end of part two, he introduces the image of firemen whose action is described by verbal nouns: *The slow return from the fire, the pause when the bell strikes suddenly again, and the listening on the alert*. Here the use of verbal nouns instead of verbs gives the next an almost photographic quality. Balmont follows the expressivity of this pattern and preserves the verbal nouns and the narrative perspective: *Возвращенье с пожара неторопливое, замедленье, когда вдруг опять призывает их колокол, внимательность насторожившихся*. Zenkevich handles this part of the poem differently, rationalizing the syntax: *Неспешное возвращенье с пожара, потом передышка и снова сигнал тревоги, все слушают напряжённо*. One can see that the translator here does not follow the listing of the original. He also introduces the adverbs *потом* (*then*) and *снова* (*again*), and by doing so he coordinates the order of actions making the listing impossible. Zenkevich destroys the narrative perspective by translating the *listening on the alert* with a verbal paraphrase *all are listening intensely*. Similar strategy is employed by Stoyanov who substitutes two verbal nouns by verbs and shifts the narrative perspective into action perspective: *Завръщането след пожара и почивка таза миг, камбаната пак бие, ослушват се напрегнато*. It is Svintila's translation which looks the closest to the original – he sticks to the author's grammar, as well as wording, and renders the

narrative perspective: *И бавното завръщане подир пожара, отново паузата, в която пак камбаната нечакано звъни, и вслушването във тревожния сигнал.*

Elliptical sentences are another central poetic device of Whitman's poetry. Usually, the missing element is a verb which leaves the description in suspense. Here we quote a sentence from the fifth part which lacks a finite verb:

*Bridegroom night of love, working surely and softly into the prostrate dawn;
Undulating into the willing and yielding day,
Lost in the cleave of the clasping and sweet-flesh'd day.*

To translate this phrase, Balmont chooses active participles without any verbs:

*Новобрачната нощ на любовта, верно и нежно входящата в зрята
распростёрта, волнообразно входящата в деня, хотящия и отдаващия,
Потеряващата в този нежном разриве обявяващия сладко-телесния ден.*

Zenkevich neutralises the elliptic expression of the phrase: he introduces a verb and reduces the quantity of participles:

*Новобрачната нощ на любовта преминава надёжно и нежно в свет
распростёрта,*

*Переливаща се в желанния, покорен ден,
Потеряваща се в объятията сладостной плоти дневной*

Stoyanov's translation is even more neutral, as he uses only verbs:

*брачната нощ на любовта, тя сигурно и нежно преминава в проснатото
утро,*

*накъдря се, прелива във желания, отдаден ден,
изгубва се във отвора на сладкия и ласкав ден.*

In contrast to the original, the translation shifts toward a poetic and fluent expression. It roots the verses into the conventional way of writing during this period.

Svintila's translation follows the elliptic character of the phrase and faithfully conveys the double aspect of Whitman's poetry. On the one hand, Svintila transmits the impression of 'bad' writing by the unusual, in Bulgarian, accumulation of active participles; on the other hand, he conveys to the verses a poetic dimension, using an archaic or fairy-tale lexicon (*venchalna* [nuptial], *nichkom* [beneath]):

*венчална нощ на любовта, уверено и тайно действаща пред ничком
падалото утро,*

*люлееща се в искацията и отстъпващата ден,
изгубена в объятията на прегръщащата ден със меката му плът.*

The variety of the decisions made by the four translators of *I Sing the Body Electric* was a consequence of the changing *translation horizon* [Berman 1995: 79] in the two Slavic countries in the twentieth century. In all times, the translators recognized Walt Whitman as an innovator and associated his poetry with stylistic experimenting and candid imagery, but each historic epoch provided its own interpretation of both the poem and the concept of innovation itself.

Indeed, we find in Balmont's *Body Electric* an emphasis on the archaic vocabulary, which is less present in the original, but we also find an effort to preserve the challenging Whitman's free verse. We can also see that Balmont was determined

to convey the prosaic qualities of Whitman's expression. Thus, despite the mistakes and the strong influence of symbolist poetics, Balmont's *Body Electric* is syntactically very close to the original.

We can find a similar respect toward the formal features of the original in the translation of Svintila. The translator put an emphasis on the use of an archaic vocabulary which conveys to the translation some biblical and poetic intonations characteristic for the original. Svintila handles the free verse, respects the repetitions, does not 'correct' the unusual syntax, and elliptic expressions.

Thus we discover some similar translation strategies of the communist period translators applied to rendering the formal aspect of the text. These strategies were not restricted to entire or partial text cuts, or replacement of parts of a translated text. Our analysis shows that Zenkevich and Stoyanov's translations demonstrate compliance with the Socialist realism requirements and are adjusted in accordance with the mid-20 century literary canons. This involved syntactic modifications such as eliminations of repetitions, changes in the word order, and the substitutions of grammatical stylistic devices originally employed by Whitman for lexical effects. It is important to see which of these four translations are still canonical in the new literary context of the two countries. It remains to be seen whether the new cultural contexts in Russia and Bulgaria would initiate new projects of translating *I Sing the Body Electric*.

LITERATURE

1. Блок А.А. О лирике // Блок А.А. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 5. – М. : Художественная литература, 1962. – С. 130–160.
2. Кашкин И.А. В борьбе за реалистический перевод / И.А. Кашкин // Вопросы художественного перевода. – М. : Советский писатель, 1955. – С. 120–164.
3. Литовская М.А. Социалистический реализм в литературе XX века / М.А. Литовская / Филологический класс. – 2008. – № 19. – С. 14–21.
4. Уитман У. Стръкчета трева / У. Уитман. – София : Народна култура, 1965. – 200 с.
5. Уитман У. Тревни листа / У. Уитман. – София : Сребърен лъв, 1996. – 229 с.
6. Уитмен У. Избранные произведения. Листья травы. Проза / У. Уитмен. – М. : Художественная литература, 1970. – 417 с.
7. Уитмен У. Побег травы / У. Уитмен. – М. : Скорпион, 1911. – 224 с.
8. Царева Н.А. Русский символизм и постмодернизм: проблемы связи и преемственности / Н.А. Царева / Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения. – 2007. – № 4. – С. 157–162.
9. Berman, A. Pour une critique de traduction: John Donne / A. Berman. – Paris : Gallimard, 1995. – 278 p.

10. Emerson, R.W. *Essays and Lectures: Nature; Addresses, and Lectures. Essays: First and Second Series. Representative Men. English Traits. The Conduct of Life* / R.W. Emerson. – New York : Literary Classics, 1983. – 1150 p.
11. Gutman, H. I Sing the Body Electric [Электронный ресурс] / H. Gutman // *Walt Whitman: An Encyclopedia*. – New York : Garland Publishing, 1998. Режим доступа : http://www.whitmanarchive.org/criticism/current/encyclopedia/entry_9.html
12. Klatt, L.S. The Electric Whitman / L.S. Klatt / *The Southern Review*. – 2008. – № 44.2. – P. 321–332.
13. Leighton, L. Whitman in Russia: Chukovsky and Balmont [Электронный ресурс] / L. Leighton / *Walt Whitman Quarterly International*. – 1982. – № 22. Режим доступа : <http://www.chukfamily.ru/Humanitaria/Whitman/leighton.htm>
14. Polonsky, R. Translating Whitman, mistranslating Balmont / R. Polonsky / *Slavonic and Eastern-European Review*. – 1997. – № 3. – С. 401–421.
15. *Intimate with Walt: Selections from Whitman's conversations with Horace Traubel 1888 – 1892* / Ed. by G. Schmidgall, G. – Iowa City : University of Iowa Press, 2001. – 319 p.
16. Whitman, W. *Leaves of Grass and Other Writings* / W. Whitman. – New York : Simon & Schuster, 2006. – 648 p.

REFERENCES

- Berman, A. (1995). *Pour une critique de traduction: John Donne*. Paris, Gallimard.
- Blok, A.A. (1962). O lirike [Upon lyrics]. In: A.A. Blok. *Sobranie sochinenij v vos'mi tomah. T. 5*. Moskva: Hudozhestvennaja literatura, 130-160 (in Russian)
- Careva, N.A. (2007). Russkij simvolizm i postmodernizm: problemy svjazi i preemstvennosti [Russian symbolism and post-modernism: problems of connection and continuity]. *Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvovedenija*, 4/2007, 157-162 (in Russian)
- Emerson, R.W. (1983). *Essays and Lectures: Nature; Addresses, and Lectures. Essays: First and Second Series. Representative Men. English Traits. The Conduct of Life*. New York: Literary Classics.
- Gutman, H. (1998). I Sing the Body Electric. *Walt Whitman: An Encyclopedia*. New York: Garland Publishing. Available at: http://www.whitmanarchive.org/criticism/current/encyclopedia/entry_9.html (Accessed 15 April 2015)
- Kashkin, I.A. (1955). V bor'be za realisticheskij perevod [In the struggle for realistic translation]. *Voprosy hudozhestvennogo perevoda*. Moskva : Sovetskij pisatel', 120-164 (in Russian)
- Klatt, L.S. (2008). The Electric Whitman. *The Southern Review* 44.2, 321-332.
- Leighton, L. (1982). Whitman in Russia: Chukovsky and Balmont. *Walt Whitman Quarterly International*, 22. Available at:

<http://www.chukfamily.ru/Humanitaria/Whitman/leighton.htm> (Accessed 21 November 2012)

- Litovskaja, M.A. (2008). Socialističeskij realizm v literature XX veka [Socialist Realism in the literature of the 20 century]. *Filologičeskij klass*, *19*, 14-21 (in Russian)
- Polonsky, R. (1997). Translating Whitman, mistranslating Balmont. *Slavonic and Eastern-European Review*, *75*(3), 401-421.
- Schmidgall, G. (2001). *Intimate with Walt: Selections from Whitman's conversations with Horace Traubel 1888 – 1892*. Iowa City: University of Iowa Press.
- Uitman, U. (1965). *Strykčeta treva [Leaves of Grass]*. Sofia: Narodna kultura (in Bulgarian)
- Uitman, U. (1996). *Trevni lista [Leaves of Grass]*. Sofia: Srebyren lyv (in Bulgarian)
- Uitmen, U. (1970). *Izbrannye proizvedenija. List'ja travy. Proza. [Selected Works. Leaves of Grass. Prose.]* Moskva: Hudozhestvennaja literatura (in Russian)
- Uitmen, U. (1911). *Pobegi travy [Leaves of Grass]*. Moskva: Skorpion (in Russian)
- Whitman, W. (2006). *Leaves of Grass and Other Writings*. New York: Simon & Schuster.

Камовникова Наталья Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения факультета иностранных языков Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (Петербургское шоссе, 10, Пушкин, Санкт-Петербург, 196605, Российская Федерация), natalie_kamov@yahoo.com

Ивлева Красимира Танеева – кандидат филологических наук, научный сотрудник INALCO – Национального Института Восточных Языков и Цивилизаций (65 Rue des Grands Moulins, 75013 Paris, France), ktchilin@gmail.com

УДК 811.111'42

APPROXIMATION AS A CONSTITUENT OF WORLDVIEW

V.V. Mykhaylenko (Chernivtsi, Ukraine)

V.V. Mykhaylenko. Approximation as a constituent of worldview. The present paper is focused on functional semantics of approximators in the author's discourse. The conceptual system of 'approximation' and its verbalizer – a semantic domain of approximators – are modeled. It is proved that approximators transform objective 'precision' into 'subjective' vagueness, provided the interlocutors' common presupposition in the 'non-professional' discourse.

Key words: ambiguity, approximation, approximator, vagueness, corpus, discourse, generality, semantic domain, specification, worldview

В.В. Михайленко. Апроксимація як складова картини світу. Стаття присвячена функціональній семантиці апроксиматорів у авторському дискурсі. Змодельовано концептосферу 'апроксимація' та семантичне поле 'апроксиматорів'. Доведено, що апроксиматори трансформують об'єктивну точну номінацію у суб'єктивну приблизну тільки при загальній пресупозиції комунікантів у структурі 'непрофесійного' дискурсу.

Ключові слова: апроксиматор, апроксимація, дискурс, картина світу, корпус, семантичне поле, узагальнення, уточнення.

В.В. Михайленко. Апроксимация как составляющая картины мира. Статья посвящена функциональной семантике апроксиматоров в авторском дискурсе. Смоделированы концептосфера аппроксимации и её вербализатор – семантическое поле апроксиматоров. Доказано, что апроксиматоры способны трансформировать объективную 'точность' в субъективную 'размытость' при общей пресуппозиции коммуникантов в структуре 'непрофессионального' дискурса.

Ключевые слова: апроксиматор, апроксимация, дискурс, картина мира, корпус, обобщение, семантическое поле, уточнение.

Introduction

The semantic value of the word is not clear-cut and borderlined, for instance. *'engineer' is a person whose job is to design or build machines, engines, or electrical equipment, or things such as roads, railways, or bridges, using scientific principles: a civil engineer, a mechanical/structural engineer, a software engineer 'a person whose job is to repair or control machines, engines, or electrical equipment: a computer engineer.* Besides, word meaning may include some components characteristic of the National Variant, cf: UK *'engine driver'*, US *'train driver.'* We may go back to M. Black [Black 1937: 427–455] who admitted the vagueness of

word meaning in natural languages and later H. Hersch, M. Caramazzo [Hersch, Caramazzo 1976: 254–276] developed the idea of the vague character of notions in natural languages. Anna Wierzbicka [Вежбицкая 2011: 116] fully supports the referred thesis but she cannot agree with their statement that word meaning is represented by a set of vague and fuzzy semantic components. She cited the example of ‘tree’ [Langacker 1987: 133] and in her “Lexicography and Conceptual Analysis” [Rowe, Bakel: 2011] she offered, clear-cut interpretations for ‘tree’ and other concepts of such type. The author also explicates a number of English ‘approximators (approximatives)’ such as *around, about, approximately, roughly, at least, at the most, almost and nearly*. In each case, she offers a paraphrase substitutable for the particle itself. She argues against a ‘radically pragmatic’ approach to particles, advocated by Sadock and others, and advocates an alternative, ‘radically semantic’ account. She tries to show that even the vaguest ‘hedges’ and ‘approximatives’ can be given rigorous semantic explications, which correctly account for the particles’ use. The components themselves may be not precise but they must be ‘subjective’ and they do not refer to external reality but rather to language means of conceptualizing of that reality [Santos 1998: 597–613].

There is wide agreement that a term is vague to the extent that it has borderline cases. This makes the notion of a borderline case crucial in accounts of vagueness. Vagueness can be contrasted with ambiguity and generality. This will clarify the nature of the philosophical challenge posed by vagueness, supervaluationism and contextualism [Putnam 1975: 71–98]. The issue of whether all vagueness is mainly linguistic. It is standardly defined as the possession of borderline cases, for instance, a 1.8 meter man. No amount of conceptual analysis or empirical investigation can settle whether a 1.8 meter man is tall. Accordingly, several philosophers characterize higher order vagueness as an illusion [Santos 1998: 133–160]. Ambiguity and vagueness also contrast with respect to the speaker's discretion. If a word is ambiguous, the speaker can resolve the ambiguity without departing from literal usage.

Ambiguity is important and it is worth examining what the phenomenon is and how it differs and relates to similar phenomena such as indexicality, polysemy, vagueness, and especially sense generality. Ambiguity is generally taken to be a property enjoyed by signs that bear multiple (legitimate) interpretations. In common parlance, the word ‘ambiguity’ is used loosely: often simple underspecificity will suffice for a charge of ambiguity [Langacker 1987: 458–508].

Crispin Wright considers that vague concepts define the world rather as an imperfect focused slide defines an image [Wierzbicka 1985: 133]. The discussion of ‘vagueness’ in linguistics mostly focusses on the interpretation of so-called ‘gradable adjectives’. Within that class a difference is made between relative adjectives like ‘tall’ and absolute adjectives like ‘flat’. An important difference between these two types of adjectives is that in contrast to relative adjectives, absolute adjectives allow for natural precisifications: if we fix a level of granularity, relative adjectives are still vague, but absolute adjectives are not. Still, also absolute adjectives give rise to

vagueness. This suggests that vagueness also has something to do with what a natural, or appropriate, precisification is. (Robert van Roojen) Linguistic nominalism identifies concepts with the linguistic expressions used to express them (with [star] being identified with the predicate “is a star,” perhaps). Type linguistic nominalism identifies concepts with types of verbal expressions (with [star] identified with the type of verbal expression exemplified by the predicate “is a star”).

In the present paper the functions of approximators to define the meaning of the Noun Phrase is under study. Our hypothesis is that the author tries to partially devague NPs using those ‘particles.’ On the one hand, it is necessary for the author to define time, place, or volume of the object while generating discourse, on the other hand, for the reader to interpret the characteristics of the object. The text fragments illustrating various discourse registers of Modern English represented in the British National Corpus (a 100 million word collection of samples of written and spoken language from a wide range of sources) are singled out and the quantitative characteristics of approximators are also employed in the investigation.

Discussion

Conceptual analysis is one of the main traditional methods of philosophy, arguably dating back to Plato's early dialogues. The basic idea is that questions like 'What is knowledge?', 'What is justice?', or 'What is truth?' can be answered solely on the basis of one's grasp of the relevant concepts. The standard procedure for testing such an analysis is by means of counterexamples, typically in the form of hypothetical cases as they are used in thought experiments. A counterexample may speak against the necessity of some of the conditions, or against the sufficiency of the conditions. Almost all of the elements of this traditional conception of conceptual analysis are controversial, but it still continues to guide a considerable amount of philosophical research.

Although conceptual analysis, construed compositionally from the time of Leibniz and Kant, and mediated by the work of Moore, is often viewed as characteristic of analytic philosophy, logical analysis, taken as involving translation into a logical system, is what inaugurated the analytic tradition (Joachim Horvath). A good statement of the traditional conception of conceptual analysis is Grice's "Postwar Oxford Philosophy" in Grice 1989. Unfortunately, there are not many focussed discussions of the method of conceptual analysis, which often tend to be intertwined with other philosophical issues. Important contributions by some of the main proponents of conceptual analysis in the last few decades are Lewis 1970, Lewis 1994, Strawson 1992, Bealer 1998, Jackson 1998, Peacocke 1998, Chalmers and Jackson 2001, Goldman 2007, Henderson and Horgan 2011, and Chalmers 2012. Critical discussions that the method of conceptual analysis can be found in Putnam 1970, Putnam 1975, Ramsey 1992, Millikan 1993, Block and Stalnaker 1999, Weinberg et al 2001, Laurence and Margolis 2003, Williamson 2000, Williamson 2007, and Kornblith 2007, Mykhaylenko 2014.

The classical theory of concepts is one of the five primary theories of concepts, the other four being prototype or exemplar theories, atomistic theories, theory-theories, and neoclassical theories. The classical theory implies that every complex concept has a classical analysis, where a classical analysis of a concept is a proposition giving metaphysically necessary and jointly sufficient conditions for being in the extension across possible worlds for that concept. The classical view also goes by the name of “the definitional view of concepts,” or “definitionism,” where a definition of a concept is given in terms of necessary and jointly sufficient conditions.

Conceptual analysis is a philosophical method, the activity of attempting to clarify the meanings of concepts or ideas by employing logical devices. It tries to discover what elements a concept is composed of and how these elements are related. It also states the relations between certain concepts and the necessary and sufficient conditions of the application of given concepts [Iranmanesh, Piri, Adolhasani 2009: 443–452]. Conceptual analysis is the basis for propositional analysis. Only when we understand the meaning of a word can we employ it in formulating precise questions and thus provide correct solutions [Mykhaylenko 2014].

For analytical philosophy, this activity of reaching the understanding of a given concept is vital. In its early period, conceptual analysis was taken as a synonym of philosophy. “So his (i.e., the analytical philosopher's) self awarded title of ‘analytical philosopher’ suggests ‘conceptual analysis’ as the favoured description of his favoured activity.”

Modeling an approximation system [Indurkha 1987: 445–480] as a fragment of the English worldview we manage to reveal the following constituents: estimation, overestimation, underestimation, calculation, scalalage, rating, and underrating. If the concept approximation is represented by the lexeme approximation then its nucleus semantic component must be estimation. There may be two subsystems represented by the constituents underestimation and overestimation. The means of verbalizing this system may vary from lexical grammatical (nouns, pronouns, adjectives, verbs) to syntactical (phrases and sentences). Our object under study is approximator which traditionally belongs to the lexical grammatical category of adverbs [Thomason, Stalnaker 1973: 195–220] or in the discourse analysis it is termed as a ‘particle.’ Further on the semantic analysis (definitional and componential) can help model a semantic domain to represent the referred conceptual system.

Investigation

Approximation is “something that is similar to something else but is not exactly the same” was registered in 1400-50 as ‘approximacioun’ borrowed from Middle French which in its turn was borrowed from Medieval Latin ‘*approximātiō*’, see the stem: ‘*approximātiō*’. Primarily in Mathematics it is ‘the process or result of making a rough calculation, estimate, or guess; an imprecise or unreliable record or version; an inexact number, relationship, or theory that is sufficiently accurate for a

specific purpose; an estimate of the value of some quantity to a desired degree of accuracy; an expression in simpler terms than a given expression [Rowe, Bakel 2011: 229–230] which approximates to it; the act or process of drawing together; the quality or state of being close or near ‘an approximation to the truth’ or ‘an approximation of justice.’

According to Crispin Wright [Wright 2010: 133] vague concepts carve out their extensions rather than a blurred shadow carves a region of their background on which it is cast. Consequently, between the extension of such a concept and that of its complement, lies a blurry penumbral region – the domain of the borderline case. Vagueness is a pervasive feature of natural language.

Members of almost any lexical category can be vague. Prototypical vague expressions are adjectives like ‘tall’, ‘fast’, ‘red’, and ‘adolescent’. The Sorites Paradox is the hallmark of vagueness and formulated in terms of a noun, ‘heap’. But also many adverbs (‘very’, ‘rather’, ‘probably’, ‘softly’, ‘well’) and quantifiers (‘many’, ‘a lot’, ‘a few’) give rise to vagueness [Rooij 2011: 195–220]. In fact, no linguistic expression whose meaning involves perception and categorization can be entirely free of vagueness. This is true for proper names and definite descriptions (‘Amsterdam’, ‘the border between Belgium and the Netherlands’), verbs like ‘start’, ‘finish’ and ‘understand’, but also for more abstract linguistic categories such as tense (past or future) and aspect (perfective or imperfective). If a vague term occurs in a complex expression, this complex expression is often vague as well. Because ‘very’ and ‘a heap’ are vague, the expressions ‘very sick’ and ‘not a heap’ are vague too. Some expressions turn vague expressions in complex expressions that are less vague. A measure phrase is a prototypical example (turning ‘tall’ into ‘3 feet tall’). Other expressions have the opposite effect: while ‘2 o’clock’ is not vague, when we combine it with a hedging expression like ‘approximately’, ‘about’, ‘almost’, ‘roughly’, etc. it becomes vague. Lakoff gives a list of more than 60 hedging expressions, and discusses in what sense they differ in meaning [Lakoff 1973: 458–508].

Vagueness should also be contrasted with context dependence. Whether what is expressed by a sentence like ‘*I am Robert*’ is true or false obviously depends on who (of potentially infinitely many persons) utters it, a context dependent fact. Vagueness and context dependence are in principle independent properties, although they often co-occur. Left and right are contextdependent but not (very) vague, whereas nouns like vegetable and bush are vague but not (very) context dependent (Kamp & Partee, 1995). The fact that natural language is context dependent complicates, but does not threaten truth-conditional semantics [Rooij 2011: 4].

Approximately, an adverb, means ‘close to; around; roughly or in the region of.’ According to its dictionary definition ‘approximately’ must be used to express ‘indefinite distance,’ however, the text fragments (2828 cases) singled from the British National Corpus representing various discourse registers (economy, education, cuisine, history, etc.) reveal some more functional semantic components, e.g.:

APPROXIMATELY + (Num + N [SUM])

Japan has few energy resources of its own and it has learnt to be frugal: energy prices are approximately twice those in Britain. AB6 646.

Approximately twice ← twice twice those in Britain.

APPROXIMATELY + NP ← Num + N [SIZE]

A letter had been received from Perin's Community School asking the council's reaction to the possible building of a small swimming pool, approximately 8 by 12 metres, which would serve both the school and the local population. B031935.

Approximately 8 by 12 metres ← 8 by 12 metres.

APPROXIMATELY + NP ← Num + N [TIME]

Combine wine, water, sugar and spice in a glass jug and microwave on high for approximately 4 minutes or until boiling, or boil in a saucepan. BN 5 776.

approximately 4 minutes ← 4 minutes

APPROXIMATELY + NP ← Num + N [DISTANCE]

When the ice at last melted and the seas rose, Sri Lanka had not only drifted apart from its parent India, it had become cut off by an ocean gap of approximately 20 miles (32 km). CK2 800.

Approximately 20 miles ← 20 miles.

APPROXIMATELY + NP ← Num + N [INSTITUTION]

The latter came into existence following the demolition of the colleges of education in the latter part of the 1970s and now number approximately 70 institutions. GUV472.

Approximately 70 institutions ← 70 institutions

‘Approximation’ is the dominant component of the meaning of the following adverbs: nearly, about, almost, around, ballpark figure, bordering on, circa, close to, closely, comparatively, generally, in the ballpark, in the neighborhood of, in the region of, in the vicinity of, just about, loosely, more or less, most, much, not far from, not quite, proximately, relatively, roughly, upwards of, very close constituting the Semantic Domain of ‘Approximation’ [Iranmanesh, Piri, Adolhasani 2009: 443–452].

About : ‘reasonably close to; on the verge of — usually used with *be* and a following infinitive; used with a negative almost to express intention or determination; *on all sides; around; in rotation, around the outside; here and there; in the vicinity; near; in the opposite direction*’. There are 195782 cases of about in the BNC, e.g.:

ABOUT + (N) TIME

For about a year afterwards Anna received aromatherapy massage whenever she felt the need – once, sometimes twice, a month. B06 392.

To judge from the pottery found with it, the famous Phaistos Disc dates to about 1700 BC. CM9 542.

about 1700 BC. ← 1700 BC.

ABOUT + NP ← Num + N [QUANTITY]

And about eighty jobs in Swindon may be at risk. K1R 57.

About eighty jobs ← eighty jobs

ABOUT + NP ← Num + N [VOLUME]

As a rough guide base rates are usually kept within about a ¼ per cent margin either side of market rates. K8W 1004.

About a ¼ per cent margin ← ¼ per cent margin.

Around: as an adverb (without a following noun; after the verb 'to be'): *ahead, anticlockwise, around, clockwise, clockwise, counterclockwise, cross-country, down, downwind, eastbound, homeward; direct, advancing, oncoming, up, forward, towards/from all sides*; used oncoming, hedged in *with/by*. There are 43403 cases of 'around' registered in the BNC, eg:

AROUND + NP [PART OF A BODY]

1. *Everyone so enjoined slaps his dog around the ears, and they all seem to enjoy it. ABS2240.*

Around the ears ← the ears.

AROUND + PrepNP [PLACE]

2. *Isn't there enough work around in the UK? APL 126.*

Around in the UK ← in the UK.

AROUND + NP ← Num + N [VOLUME]

3. *The message is simple: if Sizewell saves around ½ M tonnes of oil a year it is definitely worth having; if not, it becomes marginal. B7A 97.*

Around ½ M tonnes ← ½ M tonnes

AROUND + IP [SUBJECT]

4. *I'd have loved to have built a 10-year career around him, but I fully understand his reasons for going. CBG 5456.*

Around him ← him

Most: 'to the greatest or highest degree —often used with an adjective or adverb to form the superlative; to a very great degree;' *nearly all, the majority, the mass, almost all, the bulk, the lion's share, the preponderance*. There are 98057 cases in the BNC, e.g.:

5. MOST + PrepNP ← Of + N + N [NUMBER]

Awareness of opinion polls was most predictable in the Pre-Campaign Wave. A62 407.

Most predictable ← predictable.

MOST + PrepNP ← Of + Adj + N [COLOUR]

6. *The astral body, also known as the emotional body, reflects most of the auric colouring. B06 681.*

Most of the auric colouring ← the auric colouring.

MOST + PrepNP ← Of + N [LIQUID]

7. *Most of the rest of the iodine reached the population via milk, produced all over the country, that was not banned. B74 112.*

Most of the rest of the iodine ← the rest of the iodine.

MOST + Part P ← Adv + PII [FREQUENCY]

8. *That need is most frequently satisfied by recourse to a nut or three. B7D 471.*

Most frequently ← frequently.

Almost, adv. – ‘very nearly but not exactly or entirely;’ nearly, about, approaching, close to, virtually, practically, roughly, all but, just about, not quite, on the brink of, not far from, approximately, well-nigh. There are 30348 cases in the BNC, e.g.:

ALMOST + NP ← Num + N [SUM]

9. *By 1983 these services accounted for almost £1 billion of the annual budget and any savings made there could be transferred to the main activity of treating patients. ABU 1153.*

Almost £1 billion ← £ 1 billion.

ALMOST + All + Prep NP ← Of + N's + Adj + N [TERRITORY]

10. *Almost all of the world's tropical forests are in developing counties where rapid population growth means that the pressure on land for food production is high. B1E 209.*

Almost all of the world's ← all of the world's.

ALMOST + NP ← Adv + Num + N [OBJECT]

11. *These are almost certainly first records for these species. AML 1092.*

Almost certainly ← certainly.

ALMOST + NP ← I + N [TIME]

12. *The heaven appeared almost all night as if it were burning’ — AD 1098. B7J 1878.*

Almost all night ← Almost all night.

ALMOST + Adj P [COMPLETION]

13. *In general they claim that recovery of the polluted parts of the Sound is almost complete. J3H 734.*

Almost complete ← complete.

ALMOST + NP ← Adv + N [CERTAINTY]

14. *Thomas Gower became a leading figure in the Sheriff Hutton connection and was almost certainly constable of the castle itself, although this is nowhere explicitly stated. EEE 388 .*

Almost certainly ← certainly.

Near, adv. – ‘at, within, or to a short distance or time; almost, nearly; in a close or intimate manner; closely (near related); archaic : in a frugal manner’. There are 17881 in the BNC, e.g.:

NEAR + PrepNP ← To + N [AIM]

15. *Through ceaseless activity and a triumph of will-power, she had by 1987 come as near to success as was possible for one, self-sufficient human being. A66 1640.*

Near to success ← to success.

NEAR + NP [PLACE]

16. *They also owned Longfords Mill near Avening. ANC 601.*

near Avening ← Avening

17. *Common Scoter are virtually confined to the open sea, although oiled birds will visit fresh water near the coast. B31 1269.*

Near the coast ← the coast

Nearly, adv. – ‘in a close manner or relationship (nearly related); almost but not quite (nearly identical; nearly a year later); to the least extent (not nearly as good as we expected).’ There are 11148 cases in the BNC, e.g.:

NEARLY + NP ← Num + N [TIME]

18. *The problem was not so easily solved, nor do I believe, nearly half a century later, that it has been happily settled yet. B11 425.*

Nearly half a century later ← half a century later.

NEARLY + NP ← All + I + N [QUANTITY]

19. *Nearly all our crew were to tell us harrowing anecdotes of personal encounters with hungry pythons – some of which had been measured at over twenty-eight feet long. FEP 1190.*

Nearly all our crew ← all our crew.

Closely, adv. – ‘around, by, near, hard, in, nearby, nigh’. There are 5434 cases in the BNC, e.g.:

CLOSELY + NP ← PII + N [STATE OF OBJECT]

20. *Pairwise comparisons of closely related species support this prediction. CRM 9925.*

Closely related species ← related species/

Virtually, adv. – ‘in fact or to all purposes; practically; almost but not quite; nearly’. There are 4331 cases in BNC, e.g.:

VIRTUALLY + NP [STATE]

21. *The British were dismayed but a further memorandum from the Americans in January 1943 was virtually a declaration of dissociation. B78 1220 .*

Virtually a declaration of dissociation ← a declaration of dissociation

VIRTUALLY + NP ← I + N [OBJECT]

22. *Virtually every plant that has grey leaves will press well (apart from the ones that are too fat in the leaf). CE4 28.*

Virtually every plant ← Virtually every plant.

Nigh, adv. – ‘near in place, time, or relationship —often used with on, onto, or unto; neary, almost’. There are 100 cases in the BNC, e.g.

NIGH + NP ← NUM + N [TIME]

23. *In this poem he thanks his benefactor for obtaining his release after ‘Well nigh sev'n years’ of captivity.’ CFX 1091.*

Nigh sev'n years ← nigh sev'n years

Standard Gricean pragmatic explanations of the use of language assumes that communication is a cooperative affair. In such a situation it never does any harm to be as precise as possible (disregarding processing costs). Thus, being vague can never be advantageous. This is in accordance with a standard game theoretical result saying that messages with precise meanings can be communicated successfully only in case the preferences of speaker and listener coincide.

Approximators limiting vagueness of meaning expressed by the following nouns, adjectives and adverbs [Bellert 1977: 337–35] can model the Semantic domain of ‘Approximation’ in English: *nearly, almost, practically, almost but not quite nearly, around, by, near, hard, in, nearby, nigh, almost but not quite, nearly identical, to the least extent, almost, nearly; in a close or intimate manner, closely, nearly about, approaching, close to, virtually, practically, roughly, all but, just about, not quite, on the brink of, not far from, approximately, well-nigh, nearly all, almost all, ahead, anticlockwise, around, clockwise, anticlockwise around, clockwise, up,; direct, counterclockwise, crosscountry, down, downwind, eastbound, homewardadvancing, oncoming, ahead, forward, into towards, bound for something, from all sides, almost, on all sides, around, in rotation, around the outside; here and there, in the vicinity, near, in the opposite direction’.*

Some of these expressions can turn vague expressions in complex expressions that are less vague. A measure phrase is a prototypical example (turning ‘tall’ into ‘3 feet tall’). Other expressions have the opposite effect: while ‘2 o’clock’ is not vague, when we combine it with a hedging expression like ‘*approximately*’, ‘*about*’, ‘*almost*’, ‘*roughly*’, etc. it becomes vague. G. Lakoff [Lakoff 1973: 458–508] gives a list of more than 60 hedging expressions, and discusses in what sense they differ in meaning. The adverbs: *approximately, nigh, virtually, closely, nearly, near, about, almost, most, and around* are used by the author to introduce an aspect of vagueness and to approximate precise to express the state of the characters, the state of things, the state of the society, and the state of the community.

Conclusions and further research

Concept analysis is a formal linguistic exercise to determine certain defining attributes. The basic purpose of concept analysis is to clarify ambiguous concepts in a theory, and to propose a precise operational definition which reflects its theoretical base [Langacker 1987: 56–59]. A final reason why vague expressions are so prevalent in natural language might be that vague expressions are very useful to make value judgments [Franks Veltman, 2002].

As universals, concepts may be treated under any of the traditional accounts of universals in general. Realism about concepts (considered as universals) is the view that concepts are distinct from their instances, and nominalism is the view that concepts are nothing over and above, or distinct from, their instances. Conceptualism with respect to concepts holds that concepts are mental entities, being either immanent in the mind itself as a sort of idea, as constituents of complete thoughts, or somehow dependent on the mind for their existence (perhaps by being possessed by an agent or by being possessible by an agent). Vagueness in linguistics is a problem about the meaning of linguistic expressions. It seems natural to assume that to be a competent speaker of English one has to know what it means for ‘John came’ to be true or false [Rooij 2011: 3]. Different agents can possess, grasp, or understand the same concept, though such possession might come in degrees. Approximators are

mainly used to partially devague the meaning of nouns, adjectives, and adverbs representing semantic domains of time, place, and quantity.

It is standardly assumed that the existence of vagueness in natural language is unavoidable in ordinary discourse. Our powers of discrimination are limited and come with a margin of error, and it is just not always possible to draw sharp borderlines [Rooij 2011: 6–7]. Though professional discourse must avoid vagueness and its approximators which may incur willful distortion of meaning in the legal discourse these issues need a thorough investigation.

LITERATURE

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вежбицкая. – М. : Языки славянских культур, 2011. – 568 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
2. Bellert I. On Semantic and Distributional Properties of Sentence Adverbs / I Bellert // *Linguistic Inquiry*. – 1977. – Vol. 2. – No. 2. – Pp. 337–351.
3. Black M. Vagueness: An Exercise in Logical Analysis / M. Black // *Philosophy of Science*. – 1937. – 4. – Pp. 427–455.
4. Hersch H. A Fuzzy Set Approach to Modifiers and Vagueness in Natural Language / H. Hersch, M. Caramazzo // *Journal of Experimental Psychology*. – 1976. – Vol. 105. – Issue 3. – Pp. 254–276.
5. Indurkha B. Approximate Transference: A Computational Theory of Metaphors and Analogies / B. Indurkha // *Cognitive Science*. – 1987. – Vol. 11. – Issue 4. – Pp. 445–480.
6. Iranmanesh Z. An Approach for Semantic Web Query Approximation Based on Domain Knowledge and User Preferences / Z. Iranmanesh, R. Piri, H. Adolhasani // *Advances in Computer Science and User Preferences*. – Berlin : Springer Berlin Heidelberg, 2009. – Pp. 443–452.
7. Jaszczolt K. *Semantics and Pragmatics: Meaning in Language and Discourse* / K. Jaszczolt. – London : Pearson Education, 2002. – 407 p.
8. Lakoff G. A Note on Vagueness and Ambiguity / G. Lakoff // *Linguistic Inquiry*. – 1970. – Vol.1. – Pp. 357–359.
9. Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts / G. Lakoff // *Journal of Philosophical Logic*. – 1973. – Vol. 2. – Pp. 458–508.
10. Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar* / R.W. Langacker // Vol. 1: *Theoretical Prerequisites*. – Stanford : Stanford University Press, 1987. – 540 p.
11. Martin Th.B. A Typology of Ambiguity as it Relates to Natural Language Processing / B.Th. Martin. – Ann Arbor : Quest, 2007. – 210 p.
12. Mykhaylenko V.V. Conceptual Analysis: Componential Analysis / V.V. Mykhaylenko // *Науковий вісник Чернівецького університету : зб. наук. пр.* – Чернівці : Родовід, 2014. – Вип. 720: Германська філологія. – С. 77–86.
13. Putnam H. *The Meaning of Meaning* / H. Putnam // K. Grunderson (Ed.).

Language, Mind, and Knowledge. (Minnesota Studies in the Philosophy of Science. –7). – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1975. – Pp. 131–193.

14. Rooij R. van. Vagueness and Linguistics / R. van Rooij // Logic, Epistemology, and the Unity of Science. – 2011. – Volume 19. – Pp. 123–170.
15. Rowe R. Approximation Semantics and Expressive Predicate Assignment for Object-Oriented Programming (Extended Abstract) / R. Rowe, Van S. Bakel // Conference Abstracts. – London, UK : Imperial College, 2011. – Pp. 229–230.
16. Santos D. The Relevance of Vagueness for Translation: Examples from English to Portuguese / D. Santos // TradTerem. – 1998. – Vol. 5. – Issue 5. – Issue 1. – Pp. 71–98.
17. Thomason R.H. A Semantic Theory of Adverbs / R.H. Thomason, R. Stalnaker // Linguistic Inquiry. – 1973. – Pp. 195–220.
18. Wierzbicka A. Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Expanded 2-nd Edition / A. Wierzbicka. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2003. – 502 p.
19. Wierzbicka A. Lexicography and Conceptual Analysis / A. Wierzbicka. – Ann Arbor : Karoma, 1985. – Pp. x + 390.
20. Wierzbicka A. Precision in Vagueness: The Semantics of English Approximators / A. Wierzbicka // Journal of Pragmatics. – 1986. – 10 (2). – Pp. 597–613.
21. Wright C. The Epistemic Conception of Vagueness / C. Wright // TSouthern Journal of Philosophy. 2010. – Vol. 33. – Issue 1. – Pp. 133–160.

REFERENCES

- Wierzbicka, A. (2011). Semanticheskie universalii I bazisnye koncepty [Semantic universals and basic concepts]. – M. : Yazyki sllavianskih kultur.
- Bellert, I. (1977). On Semantic and Distributional Properties of Sentence Adverbs. *Linguistic Inquiry*, 2, #. 2, 337–351.
- Black, M. (1937). Vagueness: An Exercise in Logical Analysis. *Philosophy of Science*, 4, 427–455.
- Hersch, H. A. (1976). Fuzzy Set Approach to Modifiers and Vagueness in Natural Language. *Journal of Experimental Psychology*, 105, # 3, 254–276.
- Indurkha, B. (1987). Approximate Transference: A Computational Theory of Metaphors and Analogies. *Cognitive Science*, 11, #4, 445–480.
- Iranmanesh, Z. (2009). An Approach for Semantic Web Query Approximation Based on Domain Knowledge and User Preferences. In: Z. Iranmanesh, R. Piri, H. Adolhasani (eds.). *Advances in Computer Science and User Preferences*. Berlin: Springer Berlin Heidelberg. pp. 443–452.
- Jaszczolt, K. (2002). *Semantics and Pragmatics: Meaning in Language and Discourse*. London : Pearson Education.
- Lakoff, G. (1970). A Note on Vagueness and Ambiguity. *Linguistic Inquiry*, 1, 357–359.

- Lakoff, G. (1973). Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *Journal of Philosophical Logic*, 2, 458–508.
- Langacker, R.W. (1987). *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites*. Stanford: Stanford University Press.
- Martin, Th.B. (2007). *A Typology of Ambiguity as it Relates to Natural Language Processing*. Ann Arbor: Quest.
- Mykhaylenko, V.V. (2014). Conceptual Analysis: Componential Analysis. *Naukovy Visnyk Chernivetskogo univertytetu. – Chernivtsy University Messenger*, 720: *Germanic philology*, 77–86.
- Putnam, H. (1975). The Meaning of Meaning. In: K. Grunderson (d.). *Language, Mind, and Knowledge. (Minnesota Studies in the Philosophy of Science, 7)*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Rooij, R. van. (2011). Vagueness and Linguistics. *Logic, Epistemology, and the Unity of Science*, 19, 123–170.
- Rowe, R. (2011). Approximation Semantics and Expressive Predicate Assignment for Object-Oriented Programming (Extended Abstract). *Conference Abstracts*. London, 229–230.
- Santos, D. (1998). The Relevance of Vagueness for Translation: Examples from English to Portuguese. *TradTerem*, 5, # 1, 71–98.
- Thomason, R.H. (1973). A Semantic Theory of Adverbs, *Linguistic Inquiry*, 5, 195–220.
- Wierzbicka, A. (2003). *Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Expanded 2-nd Edition*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Wierzbicka, A. (1985). *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor: Karoma.
- Wierzbicka, A. (1986). Precision in Vagueness: The Semantics of English Approximators. *Journal of Pragmatics*, 10 (2), 597–613.
- Wright, C. (2010). The Epistemic Conception of Vagueness. *TSouthern Journal of Philosophy*, 33, 1, 133–160.

Mykhaylenko Valery Vasyliovich – Doctor of Philology, Full Prof., Bukovyna State Institute of Finance and Economics (Shtern st., 1, Chernovtsy, 58000, Ukraine); e-mail: mykhailenko@mail.ru

УДК 811.111-26

**ИРОНИЯ В РАБОТАХ Ч. ДАРВИНА:
 КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД
 О.И. Опарина (Москва, Россия)**

О.И. Опарина. Ирония в работах Ч. Дарвина: комплексный подход. В статье предпринимается попытка рассмотреть иронию в научном дискурсе на примере работ Ч. Дарвина, объединив три основных подхода: интерпретационный, коммуникативный и стилистический. Выбор текстов Ч. Дарвина обусловлен популярностью созданного им мировоззрения, разнообразием жанров его произведений и прекрасным языком изложения материала. Для выражения иронии используется ряд способов, как то стилистически маркированная лексика, метафоры, сравнения и сравнительные обороты, основанные на контрасте и парадоксе, картины-зарисовки, интертекстуальные фрагменты. Подход с позиций интерпретации выявил и «одноступенчатую», и «двухступенчатую» трактовку в распознавании иронии. К первой следует отнести популярные, известные образы, клишированные выражения, ссылки на мнения других ученых с использованием стилистически маркированной лексики. О «двухступенчатой» интерпретации следует говорить при инференции и картинах-зарисовках. Коммуникативный аспект обусловлен пониманием времени создания текста, целевыми установками автора на создание равноправных уважительных отношений с читателем. Адресат воспринимается изначально как «свой», что обусловило представление материала. Текст Ч. Дарвина не содержит стратегии «нападения» или «защиты», это «ролевая игра», где роли меняются в рамках текстового фрагмента. Примененный в статье комплексный подход изучения иронии позволяет рассмотреть языковую личность создателя текста и способы представления информации в полном объеме.

Ключевые слова: Дарвин, интерпретационный подход, инференция, интертекстовый фрагмент, ирония, картина-зарисовка, коммуникативный подход, контраст, стилистически маркированная лексика, «ролевая игра», языковая личность, языковые средства.

О.І. Опаріна. Іронія в роботах Ч. Дарвіна: комплексний підхід. Ця стаття є спробою розглянути іронію в науковому дискурсі на прикладі робіт Ч. Дарвіна, об'єднавши три основні підходи: інтерпретаційний, комунікативний та стилістичний. Вибір текстів Ч. Дарвіна зумовлений популярністю світогляду, автором якого є вчений, різноманітністю жанрів його творів і прекрасною мовою викладу матеріалу. Для створення іронії застосовано ряд способів, як то стилістично маркована лексика, метафори, порівняння та порівняльні звороти, засновані на контрасті й парадоксі, картини-замальовки, інтертекстуальні фрагменти. Інтерпретаційний підхід виявив як «одноступінчате», так і «двухступінчате» розпізнавання іронії. До першого слід віднести популярні, відомі образи, клішовані вирази, посилання на думки інших вчених з використанням стилістично маркованої лексики. Про друге слід говорити за наявності інференції та картин-замальовок. Комунікативний аспект обумовлений розумінням часу створення тексту, цільовими установками автора на створення рівноправних поважних відносин з читачем. Адресат сприймається як «свій», що зумовило подання матеріалу. Тексти Ч. Дарвіна не містять ні стратегії «нападу», ні «захисту», радше ця стратегія – «рольова гра», де ролі міняються в рамках текстового фрагмента. Застосований

у статті комплексний підхід до вивчення іронії дозволяє всебічно розглянути мовну особистість творця тексту і способи подання ним інформації.

Ключові слова: Дарвін, інтерпретаційний підхід, інтертекстовий фрагмент, інференція, іронія, картина-замальовка, комунікативний підхід, контраст, мовна особистість, мовні засоби, стилістично маркована лексика, стратегія «рольової гри».

O.I. Oparina. Irony in Ch. Darwin's works: a complex approach. The article attempts at a complex approach to irony in scientific discourse by Ch. Darwin through combining three perspectives of irony studies: interpretational, communicative and linguistic stylistic proper. The object of consideration is Ch. Darwin's texts as suggested by the popularity of the world view created by the scientist, a great variety of genres and the brilliant English language of his works. Irony in his books is created by a number of means and models: stylistically marked vocabulary, metaphors, comparisons and comparative constructions based on contrast and paradox, picture-sketches, intertextual fragments. The use of interpretational approach reveals both "one-stage" and "two-stage" interpretations of ironie. The former is implied by popular fixed images, clichés, and references to other scientists' opinion using stylistically marked vocabulary. The latter involves inference and picture-sketches. Communicative approach includes several issues: the knowledge of the epoch of text creation, author's goals of setting respectful and equal relations with his readers. The addressee is regarded as a "non-alien" which corresponds to the means of presenting the material. Darwin's textual strategy is neither "aggression" nor "defense", it is rather a "role-play" strategy where roles can be changed within text fragments. The complex approach used in the article allows a concise consideration of author's linguistic personality and his ways of presenting information.

Keywords: Darwin, interpretative approach, inference, intertextual fragment, irony, sketch-picture, communicative approach, contrast, stylistically marked vocabulary, "role play", linguistic identity, linguistic means.

Ирония – существенная составляющая любого текста. Согласно определению, ирония – «это троп, состоящий в употреблении слова или выражения в смысле обратном буквальному с целью насмешки» [Розенталь, Теленкова 1985]. Современная наука конституирует иронию как «модус художественности», в поле действия которого все эмоционально-ценностные ориентиры, вся система мировоззрения человека. Ирония по своей сути антидогматична, она дает свободу выражения, размышления и выводов в зависимости от фоновых знаний адресата и его картины мира.

Суть иронии в семантической амбивалентности, заключающейся в создании атмосферы абсурдности для описания некой реальности и ее принципов. Сам подход дает возможность выбора: ирония может подтолкнуть к решению об истинности или предполагаемой неистинности реальности.

Как правило, исследования иронии касались художественной литературы. Многие литературные течения использовали иронию как основополагающий принцип доведения своих идей до читателя. Так, романтики пытались раскрыть суть жизни посредством смерти, играя на противопоставлении. В различные эпохи ирония в большей или меньшей степени присутствовала в научном дискурсе, выполняя как собственно функции когниции, так и прагматические, и коммуникативные. Примером могут служить диалоги Платона, одним из действующих лиц которых выступает Сократ. Принцип диалога – обмен

мнением, спор, столкновение различных точек зрения на проблему. Сократ должен убедить участвующего в дискуссии человека в своей точке зрения. Соответственно оппонента надо убедить в истинности или убедительности своих доводов. Сократ соглашается с собеседником, но, строя доказательство от обратного, подводит к ощущению шаткости первоначальных воззрений, а, возможно, и собственной неправоты. Такой принцип убеждения и построения доказательств от обратного базируется на кажущемся единомыслии с элементами абсурдности в повествовании. При такой подаче материала в центре внимания оказывается сам процесс мышления, логических выводов в процессе поиска истины.

На современном этапе развития науки можно выделить несколько основных подходов к изучению иронии, затрагивающих ее различные аспекты.

Первый рассматривает механизм интерпретации получаемой информации. Соответственно, интерпретация может быть «одноступенчатая» и «двухступенчатая». В случае с «одноступенчатой» интерпретацией процесс обработки и осмысления идет параллельно, то есть одновременно обрабатываются вербальные и невербальные сигналы. Такой подход предполагает наличие контекстуальных ключей, которые помогают воспринимать высказывание как не прямое, имеющее скрытые смыслы, тем самым исключая вероятность прямого, буквального значения сказанного. Ирония и буквальное значение неотделимы. «Одноступенчатая» интерпретация характерна для устной речи во всем многообразии стилей и регистров. В письменных текстах данный подход используется при противопоставлении сказанного ранее (понятие метафоры «эха» [Шилихина 2008]) и авторского отношения к этому.

«Двухступенчатая» интерпретация знаний подразумевает разделение восприятия, по крайней мере, на два этапа: интерпретация с опорой на буквальное значение – осознание факта иронии – ее трактовку как скрытое отрицание буквального значения. «Двухступенчатая» интерпретация иронии характерна для письменных текстов, когда отсутствуют явные контекстуальные ключи. Кроме того, такой способ предоставления информации включает момент «соразмышления», погружая адресата в рассматриваемую проблему, предоставляя несколько точек зрения, делая соавтором выводов, что, несомненно, весьма существенно в создании доказательной базы научной теории.

Второй подход – коммуникативный. Он сконцентрирован на взаимодействии адресанта и адресата, или «пишущего»/«читающего», «говорящего»/«случающего».

Адресант готовит сообщение, вкладывая в него смысл и ставя определенные задачи. Среди задач может быть критическое отношение к объекту иронии, проверка возможности распознавания истинных смыслов адресатом, создание необходимой атмосферы коммуникации. Поставленные задачи позволяют говорить о функциях иронии в рамках данного подхода.

Создание необходимой атмосферы коммуникации предопределяет различные стратегии поведения адресанта. Так, возможны две базовые стратегии: «нападения» и «защиты». В соответствии с намерениями и прагматическими задачами, стоящими перед ним, автор выбирает манеру и способ подачи материала. Эффект иронии может возникать и помимо воли адресанта, так как скрытый смысл проявляется в результате интерпретации высказывания адресатом.

На основе исходного характера взаимодействия «говорящего» и «слушающего» возникает еще одна функция иронии с коммуникативной точки зрения: распознать «своих» и «чужих». Сигналом к дифференциации служит способность выявить скрытый смысл за буквальным. Таким образом, очерчивается круг «посвященных», которые способны заметить завуалированность высказывания и правильно его интерпретировать.

Если отталкиваться от утверждения [Шилихина 2008], что ирония не является готовым продуктом, а создается усилиями говорящего и адресата, то иронический эффект обусловлен конкретным контекстом, ситуацией. Механизм – это возникновение противоречий между «ожидаемым» и «полученным». Любой текст и по жанру, и по смысловому наполнению подводит к некоторому речементальному сценарию, задавая определенные ожидания будущего развертывания событий, стиля и манеры изложения, выбора слов и композиции. Противоречие между пресуппозицией и реальностью вызывает распознавание иронии и ее правильную интерпретацию.

Третий подход – вопрос о фиксированности и клишированности иронии. Главный вопрос, который задается исследователями: является ли ирония «готовым инструментом» или она дискурсивно обусловлена? В рамках данного подхода ирония изучается как троп. Анализ текста позволяет выделить наиболее распространенные языковые способы создания иронического эффекта, которые в силу их частотности образуют ряд моделей. Список таких моделей позволяет говорить о стереотипности и фиксированности средств создания иронического эффекта [Походня 1989].

При этом возникает вопрос о конструкциях, вызывающих иронический эффект, присущий конкретному тексту и не зависящий от автора и адресата, или, согласно другой позиции, иронический смысл есть результат взаимодействия участников коммуникации с учетом их фоновых знаний [Hutcheon 2005]. Второй случай демонстрирует дискурсивную обусловленность иронии, опирающуюся на контекст, экстралингвистическую реальность, пресуппозицию и характеристику языковой личности автора, не исключая особенности предполагаемого адресата.

Исходя из изложенных теоретических положений, **целью** данной статьи является изучение иронии в научном дискурсе на **материале** работ Ч.Р. Дарвина. **Задачи** исследования предполагают рассмотрение методов создания иронического эффекта сквозь призму трех представленных ранее

теорий. Предложенные подходы выступают как этапы анализа текста: от изучения собственно языковых конструкций и средств (третий подход), через способы интерпретации и понимания смыслов (первый) к коммуникативному эффекту (второй). Применение их в совокупности позволяет изучить тексты во всей полноте, учитывая различные аспекты.

Важным моментом является объединение текстов по языковой личности автора. Выбор Ч.Р. Дарвина обусловлен рядом факторов.

1. Теория Дарвина изменила мировоззрение людей на всю систему мироздания. Во многих обобщающих монографиях в разных областях обязательно фиксируется 1859 год, дата издания «Происхождения видов», а в некоторых и публикации более ранних работ. Предложенный Дарвиным подход вдохновил ученых в иных областях на его применение в других отраслях знания (Г. Спенсер – философия, психология, социология, теория стиля). Таким образом, картина мира и ключевые понятия теории Дарвина радикально изменили взгляд части человечества на мир.

2. Во многом популярности теории Ч. Дарвина способствовала манера изложения материала и талант ученого как блестящего стилиста. Все его работы написаны простым, ясным и живым языком, что отмечено О.Э. Мандельштамом («К проблеме научного стиля Дарвина», 1932 год) [Мандельштам 1932].

3. Работы Ч. Дарвина – это яркие и разнообразные по жанру произведения научного дискурса. Во многом, в силу их популярности и обсуждаемости в мире тогда и сейчас, они стали своего рода образцами, объединившими научную глубину, достоверность, логичность, четкую структурированность и коммуникативную направленность (изложение материала, имея в виду возможные варианты его восприятия читателем), о чем сам ученый писал в автобиографии («The Development of my Mind and Character»).

Языковые средства, используемые Ч. Дарвиным для создания иронического эффекта. Ироничный подход ко всему, умение посмеяться над увиденным и над самим собой присутствуют во всех работах ученого. Особо ярко они проявились в «Путешествии на корабле *Бигль*». Выбранный жанр *путешествия* дал автору неограниченную свободу для выражения собственных впечатлений, эмоций от увиденной красоты природы и детальное описание научных фактов и сведений. Говоря об иронии, следует выделить ряд основных способов ее выражения.

Первый – стилистически маркированная лексика.

Обратимся к тексту.

There we saw two kinds of birds – the booby and the noddy. The former is a species of the gannet, and the latter a tern. Both are of a tame and stupid disposition, and are so unaccustomed to visitors, that I could have killed any number of them with my geological hammer. / ... various arts to escape detection/ ...difficulty which these animals have in carrying their heads

В первом примере ироничный эффект достигается за счет использования оценочных слов (*stupid*). Помимо оценочных слов, Дарвин играет и стилистически. Так, *disposition* и *unaccustomed, to escape detection* относятся к официальному регистру, но ситуация их употребления и сочетаемость не имеет ничего общего с формальностью. Выражение *various arts* также употреблено в чуждом регистре. Последний пример иллюстрирует, на первый взгляд, метафорическое употребление, однако контекст проясняет ситуацию. Абсурдность заключается именно в прямом значении, противопоставляется величина головы и размеры туловища. В этом случае, глагол *carry* имеет прямое значение, но визуальная картинка, реконструируемая с помощью воображения, создает парадокс. Таким образом, иронический эффект достигается за счет сочетания несочетаемого, или стилистического парадокса.

В качестве второго способа следует назвать метафоры и олицетворения, которыми богат текст. Приведу ряд примеров:

... *village boasts of a little organ, which sent forth most singularly inharmonious cries. .../ It is to this violence of the rain .../ crab large and active ...stole the fish from the side of the nest ...*

Окружающие предметы оживают, им приписываются человеческие пороки (хвастовство, воровство, свирепость дождя). Даже орган, которым гордится деревня, издает совсем не гармоничные звуки, тем самым обращая на себя внимание путешественников. В глазах Дарвина все движется, живет, борется за существование, приспосабливается к среде. В этой борьбе используются различные методы, согласно примерам, в основном с негативными коннотациями.

Поведение животных и коренных жителей обозначается одним словом – *habits*. Подобное употребление ставит в один ряд привычки людей и инстинкты животных. Позднее в своей научной карьере Дарвин посвятил статью проблеме сравнения эмоций человека и животных, где подробно рассматривал эмоции и способы их выражения, приходя к выводу об их идентичности.

Третий способ – использование сравнений. Сравнение происходит с помощью сравнительных оборотов с союзами *as ...as* и *like*, а также глаголами *resemble, remind, seem*. Примеры:

They avoided us, like partridges on a rainy day in September, running with their heads cocked up .../ ... men, women, children were as black as jet .../ We then returned, as fast as the ponies would go, to Porto Praya./ ... remaining for a time motionless, it would then advance an inch or two, like a cat after a mouse. /They resembled me an old couple ... (говорится о насекомых) / radiated fibres resembling aragonite .../ ... with the rapidity of an arrow.

Сравниваются два мира: мир животных и мир человека, они пересекаются. Опираясь на пресуппозицию и реконструируя образы, адресат легко представит людей, спешащих, как пони, или сидящих, тесно прижавшись, иногда отодвигаясь, двух жуков, напомнивших ученому пожилому пару. Сравнения активизируют фоновые знания, делая текст многослойным.

Использование сравнений также раскрашивает текст работы, делает описание красочным и живым.

Особую группу составляют сравнения, противопоставляющие «свое – чужое». Дарвин сопоставляет природу Англии, знакомые природные явления или животных, традиции, принятые в его стране с тем, что он наблюдает. Введение таких сравнений не принижает «чужие» страны, но «своё», естественно, ближе ученому. Оно также служит отправной точкой, основанием для пояснения увиденного во время путешествия. Соответственно, все, связанное с Англией, выступает как нейтральный элемент при сравнении.

I tried to find shelter under a tree, which was so thick that it would never been penetrated by common English rain, but here, in a couple of minutes, a little torrent flowed down the trunk.

Во многих примерах очевидна авторская ирония, основанная на противопоставлении.

In England any person fond of natural history enjoys in his walks a great advantage, by always having something to attract his attention; but in those fertile climates, teeming with life, the attractions are so numerous that he is scarcely able to walk at all.

В данном примере оппозиционируются *by always having something to attract his attention – the attractions are so numerous, enjoys in his walks a great advantage – is scarcely able to walk at all, England – fertile climates, teeming with life.*

Следует обратить внимание на авторское разрушение фразеологического выражения *teeming with rain* 'дождь льет как из ведра', которое замещается на *teeming with life* 'жизнь бьет ключом', что усиливает выразительность, увеличивает контраст «умеренность Англии» – «богатство, изобилие новых мест» и создает иронический эффект.

Несмотря на то, что Ч. Дарвин, прежде всего, ученый, далекий от общественной и политической деятельности, увлекающийся Natural History и рассказывающий о ней, ряд моральных и этических проблем не ускользают от его внимания, в частности, вопрос рабства. В тексте «Путешествия» этой теме посвящены ироничные авторские замечания, отражающие его мнение о проблеме и стереотипы местного населения. Так, рассказывая об одной женщине, которая предпочла броситься с горы, но не стать рабыней, Дарвин пишет, высмеивая и европейское мировоззрение, и взгляды коренных жителей:

In a Roman matron this would have been called the noble love of freedom; in a poor negress it is mere brutal obstinacy.

Автор строит свою иронию на стилевом и лексическом противопоставлении: *Roman matron – poor negress; noble love – mere brutal; freedom – obstinacy.* В этом сравнении предстают два мира: европейский с его традиционной системой ценностей, закрепленной в стереотипных языковых штампах (*noble love of freedom*) и мировоззрение коренных народностей. Столкновение в данном случае двух картин мира не предполагает оценочных

выводов. Читателю дается право на самостоятельный выбор в определении своей позиции.

Четвертый способ близок по принципу создания парадоксального эффекта первому.

Дарвин начинает рассказ об увиденном, как правило, в стилистике художественной литературы. Красочное описание, выполненное с помощью положительных эпитетов, затем неожиданно прерывается, и концовка противоречит большему по объему фрагменту, представленному ранее.

Fuentes is a pretty village, with a small stream; and every thing appeared to prosper well, excepting, indeed, that which ought to do so most – its inhabitants.

Знаком в данном примере выступает слово *excepting* и следующая за ним конструкция с модальным глаголом *ought to* и превосходной степенью прилагательного, которые увеличивают напряжение, подводят к кульминации.

Интересно обратить внимание на использование знаков препинания для подчеркивания смысла предложения, тире останавливает повествование и после паузы помещается смысловая кульминация, тем самым создавая парадокс.

Пятый способ – создание картинок-зарисовок.

Как правило, основным героем таких зарисовок является или сам ученый, или представители животного мира.

While looking for marine animals, with my head about two feet above the rocky shore I was more than once saluted by a jet of water, accompanied by a slight grating noise [21].

Иронический эффект поясняется зарисовкой позы, в которой ученый находится, наблюдая за морскими животными. При этом комизм ситуации состоит в том, что он смотрит на себя со стороны, давая читателю полюбоваться картинкой.

Второй пример:

During the meals it was the employment of a man to drive out of the room sundry old hounds and dozens of little black children, which crawled in together at every opportunity [38].

Дарвин следует приему совместить несовместимое: официальное слово *employment*, возвышающее деятельность этого мужчины, и обыденность ситуации; *old hounds* и *little black children*, *to drive out* и *crawl in*; единичность обслуживающего их мужчины и многочисленность собак и детей. Следует отметить, что первый пример основан на экспликации. Второй предполагает домысливание, то есть импликацию.

Часто зарисовки становятся интертекстуальными небольшими рассказами, вставками, прерывающими последовательность повествования, возможно, нарушающие связность дискурса, но погружающие читателя в атмосферу, ощущаемую автором.

On first arriving it was our custom to unsaddle the horses and give them their Indian corn; then, with a low bow, to ask the senhôr to do us the favour to give us something to eat.

“Anything you choose, sir,” was his usual answer.

For the few first times, vainly I thanked Providence for having guided us to so good a man. The conversation proceeding the case universally became deplorable.

“Any fish can you do us the favour of giving?” – “Oh, no, sir.” “Any soup?” – “No, sir.” “Any bread?”

– “No, sir.”

“Any dried meat?”

– “Oh, no, sir.”

If we were lucky, by waiting a couple of hours, we obtained fowls, rice and farina [35].

В данном случае эффект иронии достигается стилистическим противопоставлением и несовпадением описываемого и реальности (*I thanked Providence for having guided us to so good a man, to do us the favour to give us something to eat* и обыденностью ситуации), а также отрицанием (вопрос – отрицательный ответ).

На таком же принципе основан и следующий отрывок.

Nature, in these climes, chooses her vocalists from more humble performers than in Europe. A small frog, of the genus Hyla, sits on a blade of grass about an inch above the surface of the water, and sends forth a pleasing chirp: when several are together they sing in harmony on different notes.

Дарвин отдает право выбора Природе, она отбирает певцов. Причем следует обратить внимание на еще одну оппозицию: «природа – Европейский уклад жизни», где на данный момент «своим» является *Европа*. С целью создания парадокса противопоставляются *chirp – harmony, vocalists – humble performers*. Серьезность изложения материала, введение научной терминологии нарушается подобными оппозициями, делая текст живым и привлекательным для прочтения и легким для ментальной и эмоциональной интерпретации.

Примеры инференции, нарушая связность, не разделяют текст, а объединяют его личной позицией автора. Именно в таких интертекстуальных включениях проявляется его самобытность, широкий кругозор и характер.

Интерпретация иронии Ч. Дарвина. Как отмечалось в теоретической части, для письменных текстов характерна двухступенчатая интерпретация, обусловленная отсутствием контекстуальных ключей. Читателю трудно, видя текст перед глазами, сразу воспринимать и одновременно обрабатывать высказывание как не прямое, интерпретируя сразу скрытый смысл. Однако в ряде средств выражения иронии это возможно. В частности, когда речь идет о клишированных выражениях, ассоциируемых с четко определенными образами (*Roman matron, Gingerbread man*). В этом случае, образ в первом примере и персонаж детских сказок во втором, наделяются характерными

чертами, что закреплено в сознании изначально. Адресат, видя выражение, распознает его как сигнал, совпадающий со стереотипным образом, хранящимся в памяти. При этом, «одноступенчатой» интерпретация может быть только в ситуации совпадения фоновых знаний, обусловленных общим культурным, историческим, национальным, религиозным, социальным опытом и образованием. Важным моментом, также является «незабывание» образов и связанных с ними ассоциаций, что может возникать, если время создания произведения отделяет от адресата небольшой промежуток времени или использованная метафора достаточно распространены.

Еще одним примером «одноступенчатой» интерпретации могут служить сравнения. Сравнения сами по себе являются сигналом, объединяющим буквальный смысл и иронию. Порой за выбираемыми автором лингвистическими средствами отчетливо проявляется его личное отношение к предмету повествования. Ярким примером может служить начало «Автобиографии» Ч. Дарвина.

I know that it would have interested me greatly to have read even so short and dull a sketch of the mind of my grandfather, written by himself, and what he thought and did, and how he worked. I have attempted to write the following account of myself, as if I were a dead man in another world looking back at my own life.

Ученый отталкивается от автобиографических заметок своего деда, называя их *short and dull a sketch of the mind*, тем самым принижая, уменьшая их пафосность. Свои воспоминания Дарвин называет словом *account of myself* (отчет), также стремясь нейтрализовать их значение, иронично рассматривая себя со стороны, о чем сказано в следующем предложении, построенном на сравнении и противопоставлении себя живого / мертвого, мира реального и другого (*another world*). Подобная позиция Дарвина – это своего рода сценарий, предложенный самим автором, дальнейшей интерпретации материала, где буквальное значение и ирония соединены.

К «одноступенчатой» интерпретации следует отнести и типичные для научного дискурса ситуации, когда автор ссылается на то, что было сказано ранее и одновременно выражает свое отношение к сказанному. В этом случае, ирония – способ уйти, дистанцироваться от озвученной точки зрения. Интересной иллюстрацией данного случая интерпретации является следующий пример.

The differences of Mr. Matthew's views from mine are not of much importance: he seems to consider that the world was nearly depopulated at successive periods, and then restocked; and he gives as an alternative, that new forms may be generated "without the presence of any mold or germ of former aggregates." I am not sure that I understand some passages; but it seems that he attributes much influence to the direct action of the conditions of life. He clearly saw, however, the full force of the principle of natural selection.

Приведенная цитата начинается с упоминания имя ученого и изложение сути его взглядов с вставкой в виде цитаты. Второе предложение – это уже точка зрения Дарвина, оно начинается с выражения открытой позиции, которая не укладывается в рамки: согласен / оппонирую. Фраза *I am not sure that I understand some passages* создает некоторую иерархию, где Дарвин сам ставит себя ниже Мистера Мэтью и сигнализирует о своем непонимании, несогласии с позицией последнего. Далее глаголы *seems* (кажется), рассказывающий о восприятии теории Дарвиным, и *saw* (отчетливо видит), характеризующий видении Мэтью, совместно создают ироническую ситуацию, позволяющую четко разделить взгляды двух натуралистов и охарактеризовать отношение Дарвина к изложенной Мэтью точке зрения. Парадокс ситуации состоит в том, что научная теория не допускает восприятия «мне кажется, что он говорит ...». А предложение *He clearly saw* носит оценочный характер, что меняет положение в иерархии, заявленной ранее. Адресат воспринимает эту ситуацию без каких-либо сложностей в трактовке.

Двухступенчатая интерпретация, то есть переход от этапа трактовки буквального смысла к скрытому вследствие несовпадений, парадокса или контраста, как при употреблении стилистически маркированной лексики в примерах приведенных выше.

Интертекстуальные включения также можно расценивать как образец двухступенчатой интерпретации изначально, так как они выступают как чуждые элементы внутри текста, относящегося к определенному жанру. Каждый фрагмент является отдельным произведением малой формы. Он несет в себе прямое, буквальное значение, и одновременно косвенное. Соотношение этих двух значений и порождает неявное отрицание. Внутри каждого из отрывков возможно присутствие иронии. Например, в отрывке, приведенном выше, рассказывающем о добродушном и готовом оказать всяческие услуги местном жителе, при этом в действительности, на любую просьбу, отвечающим отрицанием. Внутреннее построение диалога в данном фрагменте также основано на «двухступенчатой» интерпретации.

К двухступенчатой интерпретации следует отнести и картинко-зарисовки, которые создают образные ситуационные фрагменты, накладываемые в качестве второго шага на контекст ситуации. Приведенные примеры зарисовок взяты из «Путешествия на корабле Бигль». Они представляются как наиболее очевидные примеры иронического употребления. Однако, если обратиться к произведению другого жанра, к монографии (трактату), то подобный прием встречается и в строго научном тексте.

I have associated with several eminent fanciers, and have been permitted to join two of the London Pigeon Clubs. The diversity of the breeds is something astonishing. Compare the English carrier and the short-faced tumbler, and see the wonderful difference in their beaks, entailing corresponding differences in their skulls. The carrier, more especially the male bird, is also remarkable from the wonderful development of the carunculated skin about the head, and

this is accompanied by greatly elongated eyelids, very large external orifices to the nostrils, and a wide gape of mouth. The short-faced tumbler has a beak in outline almost like that of a finch; and the common tumbler has the singular inherited habit of flying at a great height in a compact flock, and tumbling in the air head over heels. ... (“The Origin of Species”).

Ирония очевидна в первом предложении благодаря употреблению глагола *permit*, намекающего на иерархию. Следующее предложение содержит прямое обращение к читателю, призывая его вспомнить и представить породы голубей, активизируя его воображение (*Compare*). А дальше читателю предлагается красочное описание различных пород голубей опираясь на сравнения, иногда поясняющие название породы (*has a beak in outline almost like that of a finch, tumbler ... and tumbling in the air head over heels*). Смещение стилей, типичное для научного стиля Дарвина, и доброжелательная ирония делают текст понятным и легким для восприятия.

Коммуникативный подход при рассмотрении иронии. Как правило, в рамках данного подхода изучаются намерения автора и создаваемые взаимоотношения между адресантом и адресатом. Как отмечалось выше, в область исследования с данных позиций входит рассмотрение следующих проблем:

- является ли ирония готовым продуктом или создается совместными усилиями автора и читателя / слушателя;
- ирония создает противопоставление свой / чужой, которое базируется на критерии, способен ли адресат распознать и правильно интерпретировать иронию;
- создание атмосферы общения, установить взаимоотношение адресанта и адресата, определение функций иронии и выяснение стратегии автора.

Если обратиться к примерам, приведенным выше, то они служат доказательством совместных усилий в создании иронического эффекта и автора, и читателя. Спрятанный, домысливаемый адресатом смысл и его несоответствие являются результатом определенных фоновых знаний и пресуппозиции, что предполагают совместное знание обеих сторон.

С точки зрения иронии как готового продукта, следует заметить, что для каждого периода времени характерны свои наиболее распространенные шутки и области иронизации. Так, век путешествий и научных исследований различных уголков земного шара привел к увеличению шуток, связанных с сравнением двух «миров»: нашего / европейского и ненашего / неевропейского. Ключевыми понятиями для сравнения становятся, как показано выше, популярные и обсуждаемые моменты (*freedom*, религия).

Второй областью, допустимой для иронических замечаний, исходя из текста Ч.Дарвина, становится воспитание и образование. Например, отрывок из «Автобиографии» Ч.Дарвина:

This was the best part of my education at school, for it showed me practically the meaning of experimental science. The fact that we worked at chemistry

somehow got known at school, and as it was an unprecedented fact, I was nicknamed "Gas." I was also once publicly rebuked by the head-master, Dr. Butler, for thus wasting my time on such useless subjects; and he called me very unjustly a "poco curante," and as I did not understand what he meant, it seemed to me a fearful reproach.

Данный пример оценивает систему получения знаний через личный опыт ученого. «Я» рассматривается как элемент системы, где главное не сама структура, а насколько значима она была в формировании интереса к познанию и методов получения информации. Ирония базируется на противопоставлении: *the best part of my education at school – wasting my time on such useless subjects, we worked at chemistry – known at school, did not understand what he meant – seemed to me a fearful reproach*. Самое лучшее в образовании становится в глазах руководства тратой времени, а интерес и внеурочные занятия химией вместо одобрения и поощрения необходимо скрывать. Парадоксальные оппозиции подталкивают читателя к осознанию иронического содержания высказывания. Следует заметить, что понимание иронии вытекает из абзаца, который выступает целостной единицей в донесении смысла.

В тексте Дарвина часто встречается ирония на глобальные темы через личностное «я», особенно ярко это проявляется в «Автобиографии» и «Путешествии», то есть менее регламентированных жанрах.

As I was doing no good at school, my father wisely took me away at a rather earlier age than usual, and sent me (Oct. 1825) to Edinburgh University with my brother, where I stayed for two years or sessions. My brother was completing his medical studies, though I do not believe he ever really intended to practise, and I was sent there to commence them.

Как и в предыдущем отрывке, эффект достигается на противопоставлении: плохие успехи в школе – послал в университет, брат заканчивал обучение – Чарльз начинал. Наряду с оппозициями употреблены и стилистически маркированные слова: *wisely took me away*.

Структура любого произведения Дарвина, принадлежащего к различным жанрам, базируется на дихотомии: мир ученого – мир оппонента, коллеги, брата. При выборе стратегии изложения отдается предпочтение принижению собственной значимости, за которой скрывается уважение к другому человеку (соответственно иронические замечания о собственной персоне) или намеренное принижение собственной значимости, чтобы посредством приводимых в дальнейшем аргументов и доказательств убедить читателя в своей точке зрения. Примером, подтверждающим первое положение, может служить следующий отрывок.

In the other classes of the Articulata I have been able to collect still less information. With spiders, Mr. Blackwall, who has carefully attended to this class during many years, writes to me that the males from their more erratic habits are more commonly seen, and therefore appear more numerous. This is actually the case with a few species; but he mentions several species in six

genera, in which the females appear to be much more numerous than the males.

Подчеркнутая фраза имплицитно, что сам автор не часто посещал занятия, не был прилежным учеником, следовательно, не является хорошим специалистом в данной области.

Ироничное отношение к себе отражено и сравнительными оборотами, понижающими Дарвина, и словами, обозначающими негативные качества человека (тщеславие).

This must have been chiefly due to his perceiving that I listened with much interest to everything which he said, for I was as ignorant as a pig about his subjects of history, politics, and moral philosophy. To hear of praise from an eminent person, though no doubt apt or certain to excite vanity, is, I think, good for a young man, as it helps to keep him in the right course.

Рассказывая об известных людях того времени, некоторые из которых были в юности кумирами ученого, Дарвин умело выравнивает негативное оценочное отношение, ставя себя изначально ниже человека, о котором идет речь.

I once met at breakfast at Sir R. Murchison's house the illustrious Humboldt, who honoured me by expressing a wish to see me. I was a little disappointed with the great man, but my anticipations probably were too high. I can remember nothing distinctly about our interview, except that Humboldt was very cheerful and talked much.

Таким образом, ироничное отношение к себе позволяет смягчить оценочное суждение, создать доброжелательную и легкую атмосферу.

Если учитывать, что, как правило, выделяется два вида стратегии: «нападения» и «защиты», то произведения Ч.Дарвина представляются некоторым исключением. Его коммуникативный посыл нельзя назвать ни агрессивным (даже в эпизодах спора с оппонентами), ни защитой. Как продемонстрировали примеры, даже оценка дается посредством унижения персоналии автора. Подобная стратегия соответствует ролевой игре, где создатель текста оставляет за собой право на маневр. В центре конечной интерпретации стоит адресат, а писатель подталкивает его к нужному пониманию, уменьшая свою значимость, объективность, однако подразумевая именно ее. В результате читатель и автор оказываются равноправными участниками общения, диалога. Цель Дарвина – не отдалить своего условного собеседника, а приблизить, сделать единомышленником, другом, ввести в условный круг «своих», подчеркнуть, что они равны. За этим стоят две задачи: не делать предмет и способ иронии непонятным для восприятия, и создать подобие ситуации неформального общения с минимальной дистанцией адресант / адресат, или *chatty style*. Прагматический эффект от такого стиля изложения – адаптация научных текстов к массовому прочтению и быстрому освоению информации, изложенной в них.

Выводы. Ирония присутствует во всех работах Ч. Дарвина в той или иной степени. Однако наиболее очевидно ее наличие в «Путешествии» и «Автобиографии», что предопределено жанровой свободой и авторским участием в тексте.

Рассмотрение языковых средств, используемых для создания иронического эффекта, позволяет выделить несколько способов; в частности, можно назвать стилистически маркированную лексику, метафоры, сравнения и сравнительные обороты, противопоставления, создание картинок – зарисовок, интертекстуальные фрагменты, демонстрирующие личность автора, широту его взглядов и интересов.

Говоря об интерпретации иронии, следует отметить как «одноступенчатую», так и «двухступенчатую». «Одноступенчатая» интерпретация возможна при популярности и клишированности иронии. Как правило, это фиксированные, известные образы, понятные людям, принадлежащим к одной эпохе и имеющим схожие фоновые знания и опыт; сравнения, понятные для трактовки и восприятия, имеющие ссылки на повседневный опыт. В текстах, принадлежащих к строго научным жанрам (трактат, монография), ссылки на мнения других ученых, иллюстрируемые цитатами, также можно отнести к «одноступенчатой» интерпретации. О «двухступенчатой» интерпретации следует говорить в случаях инференции, картинок – зарисовок, требующих поэтапной обработки информации. Это более сложный процесс постижения скрытого смысла, заключенного в ироническом высказывании.

Коммуникативный аспект. Восприятие иронии как готового продукта возможно при хорошем знании актуальных и популярных тем для иронии в эпоху создания текста. Так, ирония – продукт авторский, выявляющий особенности лингвистической личности создателя текста. Авторская позиция предопределяет и стратегию установления отношений адресант / адресат. Рассмотрение иронии в произведениях Ч. Дарвина позволяет заключить, что его стратегия сходна с ролевой игрой, которая дает свободу авторского взаимодействия с читателем, создавая дружескую атмосферу равноправного общения без давления на читателя, часто принижая собственное «я», тем самым, приглашая читателя к диалогу. Такой выбор стратегии поведения устраняет проблему разграничения «свой / чужой». Выбор лексических средств, прямой и скрытый смысл иронии определяется не только авторским стилем, но и стремлением встать на позицию адресата, учитывая его возможности интерпретации и эффект воздействия. Ч. Дарвин воспринимает читателя как изначально «своего», стремясь сократить дистанцию, преследуя цель донести знания в наиболее легкой, понятной и приятной форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров А. Сообщительность иронии / А. Бочаров // Вопросы литературы. – 1980. – № 12. – С. 74–114.

2. Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии / С.И. Походня – Киев : Наук. думка, 1989. – 126 с.
3. Литературная энциклопедия. Ирония / Литературная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/2097/.
4. Мандельштам О.Э. К проблеме научного стиля Дарвина / О.Э. Мандельштам [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.rvb.ru/mandelstam/01text/vol_3/03prose/3_247.htm
5. Розенталь Д.Э. Словарь – справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – Москва : Просвещение, 1985. – 357 с.
6. Шилихина К.М. Современные теории вербальной иронии: основные проблемы / К.М. Шилихина // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж : ВГУ, 2008. – С. 24–32.
7. Шилихина К.М. Интертекст как средство создания иронии / К.М. Шилихина // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2008 – № 3. – С. 152–157.
8. Шишкина Т.А. Прагматика иронии / Т.А. Шишкина // Логико-семантические и прагматические проблемы текста. – Красноярск, 1990 – С. 83–90.
9. Attardo S. Irony As Relevant Inappropriateness / S. Attardo // *Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader* ; [ed. by H.L. Colston and R.W. Gibbs]. – New York, London : Lawrence Erlbaum Associates, 2007. – С. 135–172.
10. Colston H.L. A Brief History of Irony / H.L. Colston, R.W. Gibbs // *Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader* ; [ed. by H.L. Colston and R.W. Gibbs]. – New York, London : Lawrence Erlbaum Associates, 2007. – С. 3–24.
11. Darwin Ch. Complete Works [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://darwin-online.org.uk/>.
12. Giora R. Irony: Graded Salience and Indirect Negation / R. Giora // *Metaphor and Symbol* – 13 (2), 1998. – С. 83–101.
13. Hutcheon L. Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony / L. Hutcheon. – New York : Routledge, 2005. – 248 с.
14. Searle J. Expression and Meaning / J. Searle. – Cambridge : Cambridge University Press, 1979. – 197 с.
15. Wilson D. On Verbal Irony / D. Wilson, D. Sperber // *Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader* ; [ed. by H.L. Colston & R.W. Gibbs]. – New York, London : Lawrence Erlbaum Associates, 2007. – С. 35–56.

REFERENCES

Attardo, S. (2007). Irony As Relevant Inappropriateness. In: H.L. Colston and R.W. Gibbs (eds.). *Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader*. New York, London: Lawrence Erlbaum Associates, 135-172.

- Bocharov, A. (1980). Soobshhitel'nost' ironii [Irony informaty]. *Voprosy literatury.* – *Literature Issues*, 12, 74-114 (in Russian)
- Colston, H.L. (2007). A Brief History of Irony Irony in Language and Thought. H.L. Colston and R.W. Gibbs (eds.). *A Cognitive Science Reader*. New York, London: Lawrence Erlbaum Associates, pp. 3-24.
- Darwin, Ch. (2015). Complete Works *Complete Works* – Darwin On-Line. Available at: <http://darwin-online.org.uk/>. (Accessed 27 March 2015)
- Giora, R. (1998). Irony: Graded Salience and Indirect Negation. *Metaphor and Symbol*, 13 (2), 83-101.
- Hutcheon, L. (2005). *Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony*. New York: Routledge Publ.
- Literaturnaja jenciklopedija. Ironija [Literature Encyclopedia]. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/2097/ (Accessed 2 April 2015)
- Mandel'shtam, O.Je. (1932). K probleme nauchnogo stilja Darvina [On scientific Darwin's style]. Available at: http://www.rvb.ru/mandelstam/01text/vol_3/03prose/3_247.htm(Accessed 30 March 2015)
- Pohodnja, S. I. (1989) *Jazykovye vidy i sredstva realizacii ironii [Linguistic means and ways of irony realization]* Kyev: Nauk. dumka Publ.
- Rozental', D.Je., Telenkova, M.A. (1985). *Slovar' – spravochnik lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]*. Moscow: Prosveshhenie Publ.
- Searle, J. (1979). *Expression and Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shilihina, K. M. (2008). Intertekst kak sredstvo sozdanija ironii [Intertext as the means of irony creation]. *Vestnik VGU. Serija «Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija»*. – *VGU Newsletter. Linguistics and International Communication*, 3, 152 – 157 (in Russian)
- Shilihina, K. M. (2008). Sovremennye teorii verbal'noj ironii: osnovnye problemy [Modern verbal irony theories] *Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda. – Language, Communication, Social Environment*, 24 – 32 (in Russian)
- Shishkina, T.A. (1990). Pragmatika ironii [Irony pragmatics]. *Logiko-semanticheskie i pragmaticheskie problemy teksta. – Logic Semantical and Pragmatic Problems of the Text*, 83-90. (in Russian)
- Wilson, D. (2007). On Verbal Irony. H. L. Colston & R. W. Gibbs (Eds.). *Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader*. New York, London: Lawrence Erlbaum Associates, pp.35-56.

Опарина Ольга Игоревна – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры английского языка факультета вычислительной математики и кибернетики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Ленинские горы, 3, Москва, 119991, Российская федерация); e-mail: oloparina@yandex.ru

УДК 811.11.112

РОЛЬ ОЦЕНКИ В ФОРМИРОВАНИИ КАРТИНЫ МИРА

А.И. Приходько (Запорожье, Украина)

А.И. Приходько. Роль оценки в формировании картины мира. Статья посвящена рассмотрению роли оценочных явлений в формировании картины мира. Подчеркивается, что оценочная деятельность человека носит когнитивно-прагматический характер.

Ключевые слова: картина мира, когнитивность, оценка.

А.І. Приходько. Роль оцінки у формуванні картини світу. Стаття присвячена розгляду ролі оцінних явищ у формуванні картини світу. Підкреслюється, що оцінна діяльність людини носить когнітивно-прагматичний характер.

Ключові слова: картина світу, когнітивність, оцінка.

A.I. Prihodko. The role of evaluation in the formation of the worldview. This article is devoted to the role of evaluation phenomena in the formation of the worldview. It is emphasized that evaluative human activity is of cognitive-pragmatic character.

Key words: cognition, evaluation, worldview.

Постановка проблемы в общем виде, ее актуальность и связь с научными задачами. Проблемы становления и функционирования понятийных категорий с точки зрения их роли в раскрытии когнитивной природы языка являются весьма актуальными для современного языкознания. Их исследование имеет не только лингвистическое, но и общенаучное значение. Одной из них является категория оценки. Оценка охватывает широкий диапазон разноуровневых языковых единиц, исследование которых представляет несомненный интерес, так как соотношение и взаимодействие семантики и прагматики – одна из центральных проблем лингвистики.

Анализ последних исследований и публикаций. Оценивание – это процесс, который имеет место в любой науке. Подтверждением этого служит тот факт, что ценностная ориентация во многих случаях оказывала содействие развитию целого ряда направлений не только в лингвистической области, но и в компьютерной технике, генной инженерии и других, что свидетельствует о стойкой интеграции научных знаний в рамках когнитивной парадигмы, которая, согласно предшествующему определению, формировалась как междисциплинарная (когнитивная) наука.

Важно отметить, что оценочная деятельность является не только когнитивной, но и прагматической по своей сущности, то есть ее изучение, в особенности путем прагматического анализа, необходимо осуществлять

с учетом такого ее аспекта, как модели мира, которые содержатся в сознании коммуникантов. Вполне уместным для исследования оценки является положение о свойствах моделей познания, в частности, о динамическом развитии когнитивных моделей в филогенезе, онтогенезе и социогенезе, поскольку оценка детерминирована социально, экономически, политически, духовно и этнокультурно.

Обращенность современных лингвистических исследований к прагматической стороне языкового знака, отражая осмысление языка как продукта и инструмента человеческой деятельности, не означает, что структурно-семантическая парадигма лингвистики уступает место прагматической.

Прагматика и семантика не могут быть жестко противопоставлены одна другой как два типа взаимоисключающих значений. Наоборот, они представляют собой такое функциональное единство, в котором первая выступает как практическая семантика, а вторая принадлежит той стороне речевой деятельности, которая, создавая знаковые аналоги мира, служит осуществлению речевых актов [Никитин 1996: 722].

Будучи учением о детерминированных социальным контекстом условиях применения человеческого языка, прагматика не может использовать то, что не предлагается системой языка, в том числе и семантической. И напротив, когнитивно-семантические концепты языка будут лишними, если они не задействованы в речевой практике.

Непротивопоставленность семантики и прагматики полностью согласовывается со взглядом современной лингвистики на распределение сфер их компетенции (семантика изучает значение языковых единиц вне контекста, а прагматика – в контексте). Таким образом, существует закономерность: что не заложено в языковой единице на довербальном уровне, того не может быть в режиме ее коммуникативного применения.

В оценке семантический и прагматический аспекты неразделимы. Все стороны ее функционирования отражают слияние семантики (собственного значения языковых единиц) и прагматики (условий реализации процесса коммуникации, оценку языковой компетенции слушателя, отношение говорящего к сказанному, влияние адресанта на адресата и т.п.). В данном случае абсолютно справедливым является высказывание Дж. Лича о том, что "и семантика, и прагматика связаны со значением языкового знака, но различие между ними трактуется с точки зрения разных пониманий глагола "значить" (*to mean*). Семантика отвечает на вопрос "Что означает?" Прагматика отвечает на вопрос "Что вы хотите сказать, употребив слово?" [Leech 1983: 5–6].

В процессе коммуникации происходит актуализация языковой системы, причем не какой-то абстрактной, а реально существующей в сознании коммуникантов, но вне общения не материализующейся.

В связи с этим на первый план выдвигается вопрос комплексного изучения языка, как одной из первооснов человеческих отношений. Решение

его возлагается на коммуникативную лингвистику, изучающую язык на всех его уровнях и в разнообразнейших функциональных проявлениях, которые оказывают содействие обеспечению взаимопонимания между людьми.

Возможность вербальной коммуникации всегда реализуется в конкретной ситуации, в определенном контексте, который является внутренней характеристикой коммуникации. Коммуникативный аспект языка означает наличие единой структуры языковых единиц, скрепленных связью содержательных и формальных сторон.

Считаем нужным подчеркнуть важность того, что оценка скрыта в самом языке, поскольку свойства единиц содержат потенциальные возможности не только называть какое-то явление, но и характеризовать его. А одним из средств характеристики и является оценка. Итак, процесс номинации протекает не прямо, а через осмысление номинатором (субъектом) объекта окружающей действительности, то есть процесс номинации имеет опосредованный, во многих случаях латентный характер.

Оценка – сложная категория мировоззрения, привлекавшая внимание исследователей еще со времен античности. Неослабевающий интерес к исследованию квалификативных феноменов связан со становлением в языкознании когнитивно-коммуникативной парадигмы, переходом к всестороннему изучению языка, смещением фокуса внимания на рассмотрение языка в коммуникации и в тесной связи с ментальными процессами.

В данной статье основное внимание уделяется выяснению вопросов актуализации закономерностей когнитивно-дискурсивного потенциала категории оценки; выражения и описания оценочных концептов, а также особенностей их дискурсивного проявления, что способствует максимально широкому теоретическому освещению единой языковой картины мира. Таким образом, в центре предложенного исследования находятся проблемы познания и понимания человеком языковой картины мира в ее ценностном аспекте.

Изложение основного материала. Современное языкознание, определяя свою парадигму как когнитивно-дискурсивную, признает доминирующими два направления в исследовании языковых единиц – когнитивно-семантическое их описание и их дискурсивный анализ. При этом подчеркивается, что в таком определении парадигмы внимание исследователя должно фокусироваться на двух основных и давних проблемах языкознания: язык и мышление / сознание / знание (в широком понимании – предмет когнитивистики), язык как средство / инструмент коммуникации в социо-культурном континууме (предмет исследований в современном дискурсивном анализе).

Общим для этих моделей изучения и описания языка является признание его полифункциональной знаковой системой, выполняющей две основные функции – когнитивную (гносеологическую) и коммуникативную (дискурсивную), что и определяет два главных подхода к феномену «язык». В каждом из этих подходов сложилась своя собственная область исследования, вырисовалась своя проблематика, определились свои приоритеты.

В коммуникативной парадигме знания язык исследуется в связи с его ролью в реальной речевой деятельности, где на первое место выдвигается языковая личность (*homo loquens*) и ее социо- и психодискурсивная деятельность.

В когнитивной парадигме изучается человеческий интеллект, а язык признается главной ментальной составляющей всей инфраструктуры мозга, инструментом рече-мыслительных процессов, средством внегенетической передачи человеческого опыта.

Оба направления в развитии лингвистической науки, имея один и тот же объект исследования, сначала ставили разные цели и, соответственно, решали разные задачи, что в какой-то мере содействовало размежеванию взглядов и расхождению их позиций относительно места и роли языка в социуме. Вместе с тем, одним из ведущих принципов в каждом из этих направлений стал антропоцентризм, поскольку проблемы категоризации, фиксации, хранения, передачи знаний осуществляются человеком. Постановка человека в центр научных изысканий вызвала повышенный интерес к целому ряду лингвистических проблем, известных ранее как человеческий фактор в языке, а именно: языковая личность, адресанто-адресатная конфигурация коммуникативной ситуации, языковая картина мира.

Развитие смежных наук – философии, логики, социологии, психологии – способствовало переориентации научной мысли на интегральное рассмотрение когнитивных и коммуникативных аспектов речевой деятельности [Хабермас 2000; Apel 1999]. Основой такой ориентации становятся фундаментальные представления о неразрывной связи когнитивного и социального, когнитивного и коммуникативного, коммуникативного и индивидуального.

Синтез этих двух базовых функций языка с позиций лингвофилософских взглядов на его роль и место в социуме как раз и определяет в основных своих чертах интегральную парадигму (систему, модель) современного языкознания. В данном случае принято говорить об интегральной модели, поскольку речь идет о взаимосвязи прагматического аспекта с когнитивным, психологическим, риторическим, социальным, аксиологическим.

Изучение и описание языка с позиций интегрального понимания его природы и функций становится ведущим принципом лингвистических исследований современного языкознания, определяющим в основных своих чертах типовой образ современной лингвистики, в котором отражаются, как пишет Г.А. Золотова, "системные свойства языковых единиц, их соучастие в коммуникативном процессе" [Золотова 1999: 14].

В русле очерченной проблематики наше исследование мыслится как освещающее феномен оценки с учетом ее многоаспектности, ее способность дать полную и всестороннюю характеристику объекта, устанавливающуюся на основе таких факторов, как "уровень конкретности восприятия, фоновые предположения и ожидания, относительное выделение конкретных единиц и выбор точки зрения (перспективы) на сцену, которая описывается" [КСКТ 1996: 73–74].

Интегральное когнитивно-коммуникативное понимание языка позволяет рассматривать его единицы как такие, которые обеспечивают коммуникантов запасом определенных символических ресурсов, с помощью которых они (коммуниканты) могут строить и оценивать высказывания благодаря заданной способности к принятию решений и к категоризации [Langacker 1988]. Язык рассматривается в таком ракурсе как результат разнообразных концептуализаций, ориентированных на анализ ментальных репрезентаций языковых форм. При этом под концептуализацией понимают "определенный способ обобщения человеческого опыта, который говорящий реализует в высказывании" [Рахилина 2000: 7].

Интегральная когнитивно-коммуникативная модель подразумевает рассмотрение языка как феномена когнитивного порядка, который используется в коммуникативной деятельности и имеет для этого необходимые единицы, структуры, категории, механизмы. В этой модели как раз и усиливается синтез двух ведущих парадигм современной науки – коммуникативной и когнитивной. Преодолев изоляционизм в интерпретации базовых функций языка, современное языкознание возвращается к методологически выверенному принципу его изучения и описания – от частного (когниция, коммуникация) к общему (гносеокоммуникация), результатом которого становится понимание языка и его природы в неразрывном единстве его познавательных и функциональных основ.

Благодаря интегративному подходу к описанию функционирования тех или иных участков языковой системы, можно получить довольно убедительные данные относительно механизмов вербализации онтологии внеязыковой действительности. Интегральная когнитивно-коммуникативная модель изучения языка, усиливаясь традиционными системо- и антропоцентрическим подходами, подводит нас к осознанию того, что человек выступает как существо, которое неизбежно систематизирует и структурирует свой жизненный мир тем или другим способом, фиксирует полученные результаты в виде разнообразных знаний (понятий, концептов, картин мира, фреймов, информации) и репрезентирует их с помощью семиотического вербального кода – номинативных и предикативных единиц.

Аргументами в пользу когнитивно-коммуникативной модели изучения языковых явлений являются: а) секвенциональность устройства языковых единиц (в системе «форма – содержание – функция»); б) функциональность языка и телеологичность речевой деятельности; в) существование набора изофункциональных (альтернативных) языковых способов для выражения одного и того же содержания, выбор которых диктуется интенциональными установками говорящего; г) понимание феномена общения как двустороннего процесса, участники которого пользуются одинаковым кодом; д) тесная взаимосвязь интра- и экстралингвистических факторов, влияющих на процессы порождения и понимания высказывания; е) взаимодействие разных типов знаний, активизируемых в процессе порождения и понимания высказывания.

Перечисленные признаки позволяют утверждать, что главной интегральной чертой когнитивной и дискурсивной парадигм языкознания является тот факт, что они обе не ограничиваются описательным методом, а представляют собой холистическую модель объяснения функционирования языковой системы. Это означает, что структура и функции языка не могут рассматриваться изолированно, а потому данная модель (в отличие, скажем, от генеративного направления) предполагает широкое использование достижений смежных научных дисциплин – философии, логики, социологии, психологии и др.

Философски-гносеологическое восприятие мира человеком, подчеркивает Г.А. Золотова "получает свое подтверждение в языковых структурах, в системности их грамматико-семантических взаимосвязей" [Золотова 1999: 15]. Для интегральной когнитивно-коммуникативной модели принципиальным является вопрос о последовательности конструктивных элементов системы «форма – содержание – функция».

Обращение к этой трихотомии находится в центре внимания любого лингвистического исследования, но для когнитивного подхода будет характерным признание первичности содержательной стороны речевого акта, тогда как для коммуникативного первичным будет его цель и мотив. Как известно, когнитивное содержание языковой единицы формируется путем отображения окружающей действительности (денотат как объект) в (де) кодирующем сознании субъекта [Огуй 1999: 54]. Это и будет *значением* языковой единицы, закрепленным в языковом опыте определенной лингвокультурной общности и тем самым в системе языка.

В дискурсе же концептуальное содержание всегда сопровождается различного рода пресуппозициями – невербализованным компонентом высказывания, который называется *смыслом*. Невербализованная информация характеризуется тем, что она способна передаваться по каналам связи только при наличии вербализованной. Смысл – это, прежде всего, информация интенционального порядка, которая дополняет значение знака и которая возникает в речи и только в речи, а потому смысл суть значение, отягощенное разного рода коннотациями, одинаково понимаемыми и адресантом, и адресатом.

Значение имеет коррелятивные связи с формой языковой единицы, а смысл – с ее функцией. Тем самым, содержание, являясь как бы связующим звеном между формой и функцией, обеспечивает стабильность языковой системы, ее перманентное существование в ритме живого речепроизводства «зачем – что – как (я говорю)».

При осмыслении содержания оценки необходимо учитывать ее динамический аспект (связанный с представлением о назначении оценки, то есть об ее потенции) и статический (связанный с представлением о результате). На наш взгляд, эти два аспекта интегрированы в функции оценки.

Отметим, что мы придерживаемся понимания функции

как реализованного назначения, достигнутой в речи цели и, вслед за А.В. Бондарко [Бондарко 1999: 42], выделяем два ее аспекта – потенциальный и результативный. Таким образом, функцию можно рассматривать как предназначения, которые выступают, с одной стороны, как потенции (функция-потенция – $\Phi_{п}$), обуславливающие определенные типы функционирования, а с другой – как речевые реализации, результаты (функция-реализация – $\Phi_{р}$). В первом случае функция языковой единицы проявляется когнитивно (роль, цель и предназначение в речи), а во втором – коммуникативно (переменная величина, меняющаяся в зависимости от дискурсивного окружения). Таким образом, в когнитивно-коммуникативной модели функция рассматривается одновременно и как потенция, и как реализация языковой единицы, то есть как феномен, который имеет прямые коррелятивные связи с ее формой и с ее содержанием.

Категория оценки, обнаруживаясь на всех уровнях языка, фокусирует разноуровневые средства своего проявления в речи, что и дает нам основания говорить об оценке как о категории, которая имеет собственный **КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ**.

При этом **КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОЦЕНКИ** мы трактуем как арсенал средств ее реализации, который весьма разнообразен: от лексических (на уровне языка) до дискурсивных (на уровне речи), то есть переход от функции-потенции к функции-результату включается в процесс трансформации языковых единиц в единицы речи и в его конкретные проявления в высказываниях и дискурсах. Формы выражения оценки разнообразны в пространстве и времени, они варьируются от эксплицитных до имплицитных.

Общеизвестно, что все воспринимаемые человеком явления окружающей среды имеют в нашем сознании определенную ценность, то есть их можно оценить. Оценивание выступает как неотъемлемый компонент познания, в основу которого положен ценностный подход к явлениям природы и общества, без которого невозможны ни деятельность, ни сама жизнь человека как существа, имеющего разнообразные потребности, интересы и цели. Следовательно, объективный мир оценивается человеком с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, правды и лжи, справедливости и несправедливости, пользы и вреда, красоты и уродства, допустимого и запретного.

Деятельность человека – понятие прагматическое, так как она целесообразна лишь тогда, когда направлена на те явления и свойства, из которых можно добыть что-нибудь полезное, ценное. Как справедливо замечает Н.Д. Арутюнова, природа оценки всегда отвечает природе человека, поскольку "оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку и человечеству" [Арутюнова 1999: 181].

Оценка всегда когнитивна по своей природе, а поэтому логико-предметна. Оценочная и гносеологическая функции языка тесно

взаимосвязаны. И в то же время они равноправны, поскольку в процессе оценивания трансформируется познание, а в процессе познания постоянно присутствует оценка. Соотношение познания и оценки, имеющих очень сложный характер, принадлежит к сфере исследования когнитивной лингвистики, проблематика которой охватывает природу процедур, регулирующих и структурирующих речевое восприятие.

Таким образом, именно когнитивный подход, который опирается на взаимодействие языка и мышления, является наиболее релевантным для рассмотрения категории оценки, поскольку изучает ее в контексте познавательной деятельности человека.

Напомним, что аксиологическая понятийная категория оценки является результатом синтеза оценочной деятельности субъекта. Эта деятельность, основываясь на ценности предмета или явления, имеет объективный характер, но в то же время всегда включает определенную долю субъективности, обусловленную индивидуальными особенностями восприятия предметов или явлений, находящих свое отображение в знаках одобрения / неодобрения субъектом объекта оценки. Языковой аспект этой аксиологической реальности принято трактовать как особую категорию – категорию оценочности.

Оценочность как языковая категория, опирающаяся в своей семантике на аксиологическую категорию оценки, с формальной стороны представляет собой выражение с помощью разноуровневых языковых средств обобщенного инвариантного значения одобрение / неодобрение кого-нибудь или чего-нибудь. Итак, статус оценочности можно определить как закрепленные в языковых единицах общие понятия о добре и зле, которые используются в процессе познавательной активности человека, отображают наиболее важные связи объективной реальности и выражают ценностное отношение индивида к окружающему миру.

Как и каждая языковая категория, оценка имеет свои параметры, существенные характеристики: а) универсальность; б) инвариантность; в) дифференцированность; г) способность создавать диады и триады в системе языка; д) лабильность; е) динамичность; ё) креативность [Вольф 2009: 9].

Эти параметры являются своеобразной компенсацией лимитированности человеческой памяти. В силу лабильности и креативности понятийного плана возможности памяти с точки зрения оценивания могут быть использованы не полностью.

Сущность оценки не исчерпывается категориальными параметрами, поскольку она является релятивной (операционной) по своей природе, то есть такой, что устанавливает "соответствие между миром и его идеализированной моделью" [Арутюнова 1999: 182], сообщая нам о том, что оппозиция "хорошо / плохо" имеет свой аналог в идеализированной картине мира, отображенный в сознании конкретного индивида – представителя определенной социальной группы.

Оценка, таким образом, должна изучаться комплексно и исчерпывающе как категория высокого уровня абстрагирования, которая принадлежит к числу тех категорий, которые заданы общественной, физической и психической природой человека, обуславливающей его отношение к другим индивидам и предметам окружающей действительности.

Кроме тех сущностных характеристик, которые уже были указаны, оценке присущи также такие, как: а) особая форма отношения человека к окружающей среде; б) регуляция поведенческой активности индивида, социального субъекта; в) "схватывание", синтезирование единства сущности во всем многообразии (сигнификативная функция); г) демаркация качественно разных атрибутов социального бытия человека (добра и зла, прекрасного и безобразного, истины и лжи и т.п.); д) поиск истинного знания, истины самого существования человека; формирование идеалов, норм сосуществования в обществе; е) осуществление интегрирующей функции в социуме.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Перечисленные выше параметры свидетельствуют о том, что оценка является следствием осмысления и отображения действительности через призму ее восприятия человеком. Но функция оценки не сводится только к положительной или отрицательной реакции субъекта на тот или иной фрагмент объективной реальности. Лингвистическое содержание понятия оценки шире этого понятия в логике и философии. Оно имеет достаточную содержательную вместительность и реализуется с помощью разнообразных языковых средств, обозначающих квалификацию в разных аспектах и на разных основаниях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – I–XV. – 896 с.
2. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени / А.В. Бондарко. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 260 с.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М. : Едиториал УРСС, 2009. – 280 с.
4. Золотова Г.А. О путях и возможностях грамматической науки (приглашение к дискуссии) / Г.А. Золотова // Вопросы филологии. – 1999. – № 3 – С. 13–18.
5. КСКТ: Краткий словарь когнитивных терминов / Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М. : МГУ, 1996. – 243 с.
6. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб : Научн. центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
7. Огуй О.Д. Значення: цілісність чи окремішій аспект? (фізіологічно-психологічні основи формування значення та полісемії) / О.Д. Огуй // Мовознавство. – 1999. – № 6. – С. 46–54.

8. Рахилина Е.В. О тенденциях развития когнитивной семантики / Е.В. Рахилина // Изв. РАН: Сер. лит-ры и языка. – 2000. – Т. 59, № 3. – С. 3–15.
9. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; [пер. с нем. под ред. Д.В. Скляднева]. – СПб : Наука, 2000. – 380 с.
10. Apel K.-O. The Transcendental-Pragmatic Foundation of Discourse Ethics / K.-O. Apel // Апель К.-О. Вибрані твори. – К. : Укр. філос. фонд, 1999. – С. 52–69.
11. Langacker R.W. A View of Linguistic Semantics / R.W. Langacker // Topics in Cognitive Linguistics / B. Rudzka-Ostyn (ed.). – Amsterdam : Benjamins, 1988. – P. 49–90.
12. Leech G.N. Principles of Pragmatics / G.N. Leech. – L. and N.Y. : Longman, 1983. – 250 p.

REFERENCES

- Arutjunova N.D. (1999). *Jazyk i mir cheloveka [Language and People's World]*. Moscow : Jazyki russkoj kul'tury.
- Bondarko A.V. (2009). *Osnovy funkcional'noj grammatiki: Jazykovaja interpretacija idei vremeni [The basis of Functional Grammar: Linguistic Interpretation of Time]*. SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Volf E.M. (2009). *Funkcional'naja semantika ocenki [Functional semantics of evaluation]*. Moscow : Editorial URSS.
- Zolotova G.A. (1999). О putjah i vozmozhnostjah grammaticheskoi nauki (priglasenie k diskussii) [On the perspectives and possibilities of Grammar (invitation for a discussion)]. In: *Voprosy filologii*, 3. (In Russian)
- KSKT (1996): *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov [A short glossary of cognitive terms]*. E.S. Kubrjakova, V.Z. Dem'jankov, Ju.G. Pankrac, L.G. Luzina (eds.). – Moscow: MGU Publishers.
- Nikitin M.V. (1996). *Kurs lingvisticheskoi semantiki [A Course of Linguistic Semantics]*. SPb : Nauchny centr problem dialoga.
- Oguy O.D. (1999). Znachennja: cilisnist' chi okremij aspekt? (fiziologichno-psihologichni osnovi formuvannja znachennja ta polisemii) [Meaning: a unity or a separate aspect? (physiologic and psychologic bases of meaning and polisemy)]. In: *Movoznavstvo*, 6. (In Ukrainian))
- Rahilina E.V. (2000). О tendencijah razvitija kognitivnoj semantiki [On the tendencies of the development of cognitive semantics]. In: *Izvtstia RAN: Ser. lit-ry i jazyka. – Russian Academy of Sciences Messenger: Literature and language series*, 59, 3. (In Russian)
- Habermas Ju. (2000). *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie [Moral conscience and communicative action]*. – SPb: Nauka.
- Apel K.-O. (1999). The Transcendental-Pragmatic Foundation of Discourse Ethics. In: *Apel K.-O. Vybrani tvory [Selected works]*. Kyiv: Ukr. filos.fund.

- Langacker R.W. (1988). A View of Linguistic Semantics. In: B. Rudzka-Ostyn (ed.). *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam: Benjamins.
- Leech G.N. (1983). *Principles of Pragmatics*. L. and N.Y.: Longman.

Приходько Анна Ильинична – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Запорожского национального университета (ул. Жуковского, 66, Запорожье, 69600, Украина); e-mail: anna.prihodko.55@mail.ru

УДК 81 '41

ТРАДИЦИОННЫЙ ОБРЯД И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ

Е.Е. Стефанский (Самара, Россия)

Е.Е. Стефанский. Традиционный обряд и лингвокультурный концепт. В статье рассматривается генезис чешского концепта «*Lítost*» и его связь с традиционным чешским обрядом *Jízda králů* на материале художественного дискурса романа М. Кундеры «Шутка». Автор доказывает, что описанный в романе традиционный обряд восходит к мифологическому обряду инициации, а в основе семиотики обоих обрядов лежит идея смерти и возрождения. На основе данной семиотики сформировался чешский концепт «*Lítost*», обозначающий 'возникающее в результате унижения чувство острой жалости к самому себе, которое вызывает ответную агрессию'. Анализируя характеры центральных героев романа «Шутка», автор статьи показывает доминирование в их сознании эмоции *lítost*.

Ключевые слова: ключевые концепты культуры, королевские обряды, Милан Кундера, мифологические ментальные структуры, обряд инициации, социальная матрица, тоталитарный дискурс.

Е.Е. Стефанський. Традиційний обряд і лінгвокультурний концепт. У статті розглянуто генезис чеського концепту «*Lítost*» та його зв'язок з традиційним чеським обрядом *Jízda králů* на матеріалі художнього дискурсу, представлений романом М. Кундери «Жарт». Автор дослідження доводить, що описаний у романі традиційний обряд сягає мифологічного обряду ініціації – в основі семиотики обох обрядів лежить ідея смерті та відродження, що слугувало базисом формування чеського концепту «*Lítost*», який позначає 'почуття гострої жалості до самого себе, яке виникає в результаті приниження та породжує відповідну агресію'. У процесі аналізу характерів головних героїв роману «Жарт» дослідник вирізняє емоцію *lítost*, як домінуючу в їхній свідомості.

Ключові слова: ключові концепти культури, королівські обряди, Милан Кундера, мифологічні ментальні структури, обряд ініціації, соціальна матрица, тоталітарний дискурс.

E. Stefanski. Traditional rite and linguistic-cultural concept. The present paper is focused on the genesis of the concept of the Czech «*Lítost*» and its relationship with the traditional Czech rite *Jízda králů*. The analysis is based on fiction discourse represented by the novel M. Kundera "The Joke". The author of the article proves that the traditional rite described in the novel goes back to the mythological rite of initiation – the basis of semiotics of both ceremonies is the idea of death and rebirth. The Czech concept «*Lítost*», denoting 'a sense of acute self-pity as the result of humiliation, which causes a reciprocal aggression' was formed on the same semiotic basis. In the process of analyzing the main characters of the novel "The Joke" the researcher stresses the dominance of the emotion *lítost* in their mentality

Key words: initiation rite, Milan Kundera, mythological mental structures, royal rites, social matrix, the key concepts of culture, totalitarian discourse.

Проблема соотношения лингвокультурных концептов, существующих в современном сознании, и древних мифологических ментальных структур, существующих на его периферии, является весьма **актуальной** для интенсивно ведущихся сегодня лингвокогнитивных исследований. Эта актуальность определяется тем, что такой подход к исследованию концептов предполагает диахроническое изучение историко-культурных корней и процесса формирования того или иного концепта.

Многие исследователи культурных концептов используют в качестве рабочего определения концепта дефиницию Ю.С.Степанова, который рассматривает данный феномен как «сгусток культуры», в виде которого она входит в ментальный мир человека [Степанов 2001: 43]. Это определение вполне приемлемо, если считать культуру чем-то неизменным или достаточно стабильным. Если же культура рассматривается в достаточно протяженных временных рамках, то возникает вопрос: существуют ли в сознании современного человека такие основополагающие концепты древности, как, скажем, «тотемное животное», «мировое дерево», «трикстер»? Ответить на этот вопрос однозначно невозможно. С одной стороны, они не существуют в современном сознании, потому что не составляют его мировоззренческих основ. Например, русские или испанцы знают, что они не произошли от медведей или быков, что ни одно дерево не связывает подземный, срединный и верхний миры, что шутник не может подорвать своими шутками основы мироздания. И вместе с тем многие древние модели мышления, преломляясь, продолжают жить в современной культуре. Так, русские восхищаются человекоподобным поведением медведей в цирке, испанцы регулярно воспроизводят негуманный с точки зрения современного сознания ритуал убиения тотемного животного во время корриды. Весь мир на Новый год наряжает мировое дерево и воспроизводит древний танец, объясняющий мироустройство. Образ трикстера продолжает жить в библейском блудном сыне, в героях плутовских романов. А если из эфира уходят некоторые сатирические программы, то у тех, кто принимает такие решения, по-видимому, срабатывает древнее отношение к трикстеру как к десакрализующей деструктивной силе.

Эти древние модели мышления, мифологические ментальные структуры в древности формировались, по-видимому, на ритуальной основе. Ритуал был не инструкцией (которую невозможно было вербализовать из-за отсутствия или неразвитости естественного языка), а своеобразным тренингом, культурным сценарием поведения в важных для коллектива ситуациях. Эти древние ментальные структуры передаются через культуру и в трансформированном виде (в терминологии В.Ю. Михайлина (2005) – в виде *социальных матриц*) сохраняются на периферии современного сознания – в виде суеверий, обычаев, запретов, которые никак логически не объясняются, но неукоснительно соблюдаются («не нами заведено, не нам и отменять»). Среди них можно назвать строгую регламентацию современного похоронного и поминального

обряда, запрет показывать пальцем и здороваться через порог, примету, что разбившееся в доме зеркало предвещает смерть одного из членов семьи и т.п. В определенных социальных условиях эти социальные матрицы могут актуализироваться.

Например, в повести А.И. Куприна «Поединок» особенно часто это происходит с поручиком Бек-Агамаловым, черкесом по национальности, в «варварской душе» которого, по словам автора, «тайно дремала старинная, родовая кровожадность». Таким образом, можно, перифразируя эту цитату, сказать, что мифологические ментальные структуры – это древние концепты «сценарного» типа, которые «дремлют» в коллективном сознании определенного социума, но в некоторые моменты исторического развития, в отдельных субкультурах, при наступлении определенных социальных условий или психологических ситуаций актуализируются и нередко определяют логику человеческого поведения.

Материалом для настоящего исследования послужил художественный дискурс романа чешского писателя Милана Кундеры «Шутка». В центре романа – традиционный чешский обряд *Jizda králů* (Н. Шульгина переводит его как *Конница королей*). Этот обряд выполняет в романе несколько функций.

Во-первых, он композиционно связывает все семь частей романа, написанных от имени разных героев и относящихся к различным временным отрезкам их жизни.

Во-вторых, что для понимания произведения важны не только и не столько воспроизводимые автором фрагменты данного ритуала, сколько его семиотика, на подсознательном уровне понятная носителям чешской культуры и актуализирующая многие общечеловеческие проблемы.

В-третьих, с генезисом обряда связаны многие ключевые концепты чешской лингвокультуры, актуализированные в романе, в частности концепт «*Lítost*», который является **объектом** настоящего исследования.

Цель настоящего исследования – рассмотрев генезис указанного концепта в истории чешского языка и культуры, установить его связь с традиционным чешским обрядом *Jizda králů*.

Яркой особенностью художественного дискурса произведений М. Кундеры является то, что, стремясь донести до читателей тот или иной чешский этноспецифичный концепт, писатель пытается воспроизвести в художественном дискурсе типичный сценарий, в котором данный концепт реализуется. В ряде своих романов он создает лингвокультурологические этюды, посвященные таким чешским концептам, как *lítost* («Книга смеха и забвения»), *soucítí* («Невыносимая легкость бытия»), *stesk* («Неведение»).

«С лингвистической точки зрения, – отмечает Анна А. Зализняк, – тексты М. Кундеры интересны необычайной чувствительностью писателя к значению слов и обилием оригинальных и метких металингвистических рассуждений, по существу весьма близких к тому, что лингвисты называют “концептуальным анализом”». По словам исследовательницы, «метаязыковая техника Кундеры

состоит в том, что для ключевых понятий формулируется некоторое определение, каковое может быть без потерь переведено на другой язык, после чего нужное слово используется уже как вторичный знак, то есть как означающее этого определения; а такую функцию вполне адекватно может выполнять любой приблизительный эквивалент данного слова в иностранном языке» [Зализняк 2006: 374–375].

Традиционный чешский обряд *Конница королей* относится к числу так называемых посвятительных обрядов, характерных для традиционной культуры. Эти обряды, по словам этнографов, включали в себя: «1) демонстрацию неопитами навыков, касающихся их будущих социальных ролей и профессиональной деятельности (например, для парней – умение косить, для молодой жены – печь хлеб, убирать дом, носить воду); 2) участие посвящаемых в некоем публичном обряде или празднике; 3) испытание физической ловкости и умений (например, танцевать), проводимые в форме состязаний (залезание на столб, бег наперегонки), часто во время тех же публичных обрядов; 4) поношения, шутки, издевательства и физическое насилие со стороны старших; 5) угощение, организуемое неопитами для всей группы, в которую они вступают; 6) доведение до сведения всего сообщества свершившегося перехода неопита в старшую группу, его чествование» [СД: IV; 189].

Выборы временного «короля» на период праздника продолжают аналогичную западноевропейскую традицию. Обряды, сходные с *Конницей королей*, в Чехии и Моравии были обычно приурочены к Троице. Показательно, что по-чешски неделя перед Троицей называлась «королевской» – *Králový týždeň*, а воскресенье перед праздником Св. Духа – *Králová neděle*. Интересно, кроме того, что в чешском языке словом *král* называется не только король, но и – метонимически – атрибуты троичских королевских обрядов: самое высокое и красивое дерево, установленное в середине села на Троицу, а также антропоморфное чучело, укрепленное на майском дереве. [СД: II; 609].

Однако перечисленные ритуалы традиционной культуры – это лишь глухой отголосок культуры доисторической, первобытной, мифологической. Кундера и его герои справедливо полагают, что *Конница королей* восходит к языческим временам и является памятью об обрядах, когда мальчиков посвящали в мужчин.

По словам В.Я. Проппа, обряд инициации, или посвящения, был одним из институтов, свойственных родовому строю и имел целью приобщение юношей к родовому объединению. Пройдя этот обряд, юноша становился статусным мужем и приобретал право вступать в брак. Формы обряда инициации, как отмечает В.Я. Пропп, «определялись его мыслительной основой. Предполагалось, что мальчик во время обряда умирал и затем вновь воскресал уже новым человеком». Эта временная смерть достигалась либо имитацией пожирания и извержения испытываемого тотемным животным, либо путем телесных испытаний. Во время обряда «мальчик проходил более или

менее длительную и строгую школу. Его обучали приемам охоты, ему сообщались тайны религиозного характера, исторические сведения, правила и требования быта и т. д. Он проходил школу охотника и члена общества, школу плясок, песен, и всего, что казалось необходимым в жизни» [Пропп 1998: 150].

Различия между обрядами мифологической и традиционной культуры заключаются в следующем (см. табл. 1):

Таблица 1

**Различия между обрядами
мифологической и традиционной культуры**

Обряды мифологической культуры	Обряды традиционной культуры
1. Возникли в первобытную эпоху.	1. Возникли в эпоху Средневековья.
2. Основаны на мифологическом сознании.	2. На первобытный миф наложилось христианство.
3. Участники обряда уверены в реальности происходящего.	3. Участники обряда действуют, потому что «так положено».

Этнографы отмечают, что при встрече двух дружин из соседних сел (как мужских, так и женских процессий), проводивших *Конницу королей*, неизбежно происходило кровавое столкновение [СД: II; 610]. Нередко такое сражение заканчивалось похищением или пленением одного из «королей». В этом случае родители должны были его выкупить. Пленение «короля» было большим позором для допустившей это сельской общины.

Уже наличием нескольких Конниц (и соответственно нескольких «королей») из разных сел легко объяснить множественное число в названии *Jízda kralů*. Однако причины, думается, лежат глубже. Обряд инициации никогда не проводился в индивидуальном порядке. Как и любой ритуал, он был коллективным действием, следовательно, через него проходила группа подростков-«королей». Чешский язык зафиксировал в форме множественного числа память о коллективном характере ритуала

Следует отметить, что, наряду с названием *Jízda kralů*, существует и ряд других именовании этого обряда, где слово *král* «король» употребляется в единственном числе. См.: *honit krála* «гнать короля», «охотиться на короля», *voditi krála* «водить короля», *stínání krála* «обезглавливание короля», *chodit s králem* «ходить с королем», *hledat krála* «искать короля» [СД: III; 609].

В этих названиях особый интерес представляют глаголы и отглагольные существительные, обозначающие действия, направленные на короля. Легко заметить, что король в этих названиях является не субъектом, а объектом обряда. Более того, объектом над которым нередко совершается насилие.

Объяснение такого рода названиям можно найти в элементе королевского обряда, о котором не упоминается в романе «Шутка». По свидетельству этнографов, мужские королевские обряды у западных славян заканчивались символической казнью «короля» и купанием «короля», имевшим целью

вызывание дождя. В Южной Чехии избранного «короля», босого и без сабли, вели к пруду и бросали в воду его корону, которую он должен был выловить. Возможно, Кундера не упоминает об этом элементе обряда *Jízda králů* потому, что в Южной Моравии он превратился в самостоятельный обряд под названием «Купание короля». В нем участвовал маленький мальчик, с которым сначала трижды объезжали пруд на плужных колесах, затем «палач» сбрасывал с головы «короля» соломенную шапочку в воду (что символизировало обезглавливание «короля»), а «король» должен был ее выловить. С этого времени можно было купаться [СД: III; 611].

Легко увидеть, что в данном случае мы встречаемся с обрядом увенчания–развенчания шутовского короля, восходящим к средневековым карнавалам, римским сатурналиям, греческим дионисиям и в конечном счете к ритуальному убиению и воскресению юноши в процессе обряда инициации.

Интересно, что, размышляя о семиотике чешского обрядового фольклора, герой романа «Шутка» фольклорист Ярослав приходит к выводу, что его истоки восходят по меньшей мере к античным временам:

«Мы ломали голову над одним загадочным текстом народной песни. В ней поется о хмеле в какой-то неясной связи с возом и козой. Кто-то влез на козу, кто-то едет на возу. И на все лады расхваливается хмель, который якобы дев превращает в невест. Даже народные певцы, что пели песню, не понимали текста. Лишь инерция старинной традиции сохранила в песне сочетание слов, которое уже давно утратило вразумительность. В конце концов нашлось единственно возможное объяснение: древнегреческие празднества Дионисии. Сатур на козле и бог, держащий тирс, увитый хмелем.

Античность! Нельзя было в это даже поверить!» [Ш: 184].

В связи с этим примечательно, что одним из главных объектов вождения в соответствующих славянских обрядах была именно коза, точнее, ряженный, переодетый козой. При этом на заключительном этапе обхода разыгрывалась сценка «умирания» или «убийства» животного. При вождении же антропоморфного ряженого «его поведение отличалось пассивностью, он молчал или нарочито изменял голос; его лицо было закрыто (маской, платком, спущенными на лицо волосами, зеленью венка) или вымазано сажей; знаком ряжения могли быть распущенные волосы, венок на голове» [СД: I; 391].

Налицо сходство королевских обрядов с обрядами вождения. Таким образом, «король» в таких обрядах мыслится как ряженный (об этом говорит женская одежда, ленты, а также искусственные цветы, которыми украшен конь), а его развенчание (в форме ритуального убийства) предполагалось в финале обряда.

Основные соотношения между элементами первобытного обряда инициации [см. подробнее Пропп 1998] и чешским обрядом *Jízda králů* [об обряде см. подробнее СД: IV; 189] приведены в табл. 2.

Таблица 2

**Соотношение между важнейшими компонентами
обрядов инициации и обряда *Конница королей***

Элементы обряда инициации	Их отражение в <i>Коннице королей</i>
1. Прохождение испытаний.	1. Состязания, избиравшие «короля».
2. Участники – дети до наступления половой зрелости.	2. «Король» – мальчик-девственник.
3. Детей на инициацию уводил отец, женщинам присутствие на ней запрещалось.	3. Коня, на котором сидел «король», обычно вел его отец.
4. Травестирование посвящающих и посвящаемых.	4. Женский наряд «короля» и сопровождающих его пажей.
5. Юноша, прошедший посвящение, должен был хранить глубокое молчание обо всем, что он видел и слышал.	5. Ритуальная немота «короля» связана с запретом разглашения тайны ритуала и полученных в ходе него сакральных знаний.
6. Коллективный характер обряда инициации (обряд не проводился для одного человека).	6. Чешский язык зафиксировал в форме множественного числа (<i>Jízda králů</i> – <i>Конница королей</i>) память о коллективном характере ритуала.
7. Ритуальное убиение и воскресение юноши в процессе обряда инициации.	7. Ритуальная казнь «короля», которая должна была обеспечить общине блага (плодородие, дождь, защиту) – в конечном счете, жизнь.

В сущности вся жизнь главного героя романа «Шутка» Людвика Яна строится как цепь увенчаний и развенчаний «короля». Так же, как «король» в обходном обряде или жених в обряде свадебном, по словам Ярослава, «никогда не был субъектом свадьбы. Был ее объектом. Не он женился. Его женили. Свадьбой опутывали его, и он уже плыл по воле ее мощных волн», – так и Людвик, по его собственному признанию, «был скорей объектом, нежели субъектом всей своей истории». Жизнь Людвика – это синусоида, в которой каждый минимум или максимум строится на оппозиции «смешное-серьезное» [см. Стефанский 2013].

С генезисом обряда *Jízda králů* (и в конечном счете с генезисом обряда инициации и постинициационных мужских коллективов) связаны многие ключевые концепты чешской лингвокультуры, актуализированные в романе.

Герои романа – молодые люди, только входящие в жизнь. В этом, по мысли Кундеры, заключается их трагедия:

«Молодость страшна: это сцена, по какой ходят на высоких котурнах и во всевозможных костюмах дети и произносят заученные

слова, которые понимают лишь наполовину, но которым фанатически преданы» [Ш: 122].

Герои Кундеры осознают, что во многих случаях действуют не осознанно, по навязанным им обществом моделям поведения:

«Молодые люди неповинны в том, что любят играть; не готовые к жизни, они поставлены ею в готовый мир и должны действовать в нем как готовые личности. Поэтому они поспешно хватаются за общепринятые формы, примеры и образцы, которые их устраивают и им к лицу, – и играют» [Ш: 121].

Так, сокурница Людвика Маркета готова «играть роль спасительницы, роль, позаимствованную из дурного фильма-однодневки». На строгую мораль этого же фильма «Суд чести» ссылаются товарищи Людвика, исключавшие его из партии. Играет перед своими подчиненными мальчик-командир из части для неблагонадежных, предварительно репетируя свои речи перед зеркалом. По фольклорным моделям строит свою жизнь Ярослав, видя в своей властной Власте, происходящей из достаточно зажиточной семьи «бедную девчоночку». Да и сам Людвик спустя много лет признается себе:

«А я сам? Разве не было у меня даже нескольких ролей, меж которыми я суматошно метался, куда меня, мечущегося, не зацапали?» [Ш: 122].

Если в современной культуре эти «формы, примеры и образцы», – проще говоря, модели поведения в различных типовых ситуациях человек получает из разных источников (книг, кинофильмов, реалити-шоу, рассказов и поучений друзей и старших), то в первобытную эпоху такими источниками были только миф и обряд. Проходя через серию ритуалов, юноша не только путем своеобразного тренинга осваивал модели поведения в определенных ситуациях, но и учился социализировать свои эмоции, подчинять их интересам коллектива.

Вводя понятие *ключевых идей языковой картины мира*, Анна А.Зализняк, И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев отмечают, что достаточным основанием для того, чтобы считать некую идею ключевой в той или иной лингвокультуре, является факт, что «эта же идея повторяется в значении других слов и выражений, а также иногда синтаксических конструкций и даже словообразовательных моделей, а с другой стороны – тем, что именно эти слова хуже других переводятся на иностранные языки». Ключевыми идеями связываются ключевые концепты той или иной картины мира. Слова, в которых такие концепты обычно вербализуются, являются лингвоспецифичными, поскольку для них трудно найти эквиваленты в других языках [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 10].

Одним из таких ключевых концептов чешской лингвокультуры, актуализированным в романе «Шутка», является концепт «*LÍTOST*».

Чешские толковые словари выделяют два основных значения соответствующей лексемы: ‘грусть, печаль, скорбь’ и ‘сочувствие, жалость’.

Однако эти чувства особого рода: это печаль от обиды, это жалость к самому себе из-за унижения, рождающие ответную агрессию.

Этому чешскому концепту Кундера посвятит целый лингвокультурологический этюд в романе «Книга смеха и забвения». «*Литость*, – пишет Кундера, – это мучительное состояние, порожденное видом собственного, внезапно обнаруженного убожества» [КСиЗ: 178]. Очень точно толкует семантику этой чешской лексемы Анна А.Зализняк: ‘чувство острой жалости к самому себе, возникающее как реакция на унижение и вызывающее ответную агрессию’ [Зализняк 2006: 273].

В романе «Книга смеха и забвения» (в данном случае приводится перевод на русский язык фрагмента из первого издания романа на чешском языке, вышедшего в Канаде, который был снят в последующих изданиях) Кундера подчеркивает, что значение этого слова складывается из значений многих вышеупомянутых эмоций и может варьироваться:

Оно означает беспредельное, как растянутый аккордеон, чувство, которое является синтезом многих чувств: печали, сочувствия, угрызений совести и тоски <...> При определенных обстоятельствах, однако, литость, наоборот, имеет значение очень узкое, особое, точное и утонченное, как острый нож [КСаЗ: 172].

Показательны в этом отношении эмоции Людвика в тот момент, когда, наладив отношения с товарищами по армейской части, он пытается общаться с девицами легкого поведения, но вскоре начинает испытывать к ним отвращение. Чувство, которое он при этом испытывает, автор называет *литостью*:

*Возможно, я был более чуток, чем другие, и мне опротивели проститутки? Вздор: меня пронзила **печаль** (*lítost*). **Печаль** (*lítost*) от ясновидческого осознания, что все случившееся было не чем-то исключительным, избранным мной из пресыщения, из прихоти, из суетливого желания изведать и пережить все (возвышенное и скотское), а основной, характерной и обычной ситуацией моей тогдашней жизни. Что ею был четко ограничен круг моих возможностей, что ею был четко обозначен горизонт моей любовной жизни, какая отныне отводилась мне, что эта ситуация была выражением не моей свободы (как можно было бы воспринять ее, случись она хотя бы на год раньше), а моей обусловленности, моего ограничения, моего осуждения. И меня охватил **страх** (*strach*). **Страх** (*strach*) перед этим жалким горизонтом, **страх** (*strach*) перед моей судьбой. Я чувствовал, как моя душа замыкается в самой себе, как отступает перед окружающим, и одновременно ужасался тому, что отступить ей некуда» [Ш: 86].*

В отличие от типичной печали, вызываемой обычно разлукой, описываемое чувство героя рождено несправедливым осуждением. Если печаль – это обычно светлое чувство, в процессе которого печалющийся, пусть

мысленно, но обретает чувство единения с теми, кого он покинул, то в данном случае печаль вызвана обидой и усугубляется страхом.

Особенности значения этой чешской лексемы связаны как с семантической историей слова, так и с происхождением соответствующего концепта в истории культуры. Чешское слово *lítost* этимологически родственно русскому слову с прямо противоположным значением: *лютость* 'жестокость'.

Праславянский концепт **l̥jutostь*, по-видимому, синкретически совмещал в себе две несовместимых с точки зрения современного сознания эмоции – 'жестокость' и 'жалость', и формировалось это чувство в процессе древнейшего обряда инициации и последующего воспитания в так называемом юношеском «песье-волчьем» коллективе. Психологический смысл такого воспитания заключался в обучении неопита социализировать свою агрессию. Получение прав «статусного мужа» на психологическом уровне означало, что человек обладает способностью к психологическому «переключению кодов», проявляя жестокость по отношению к врагам в «диком поле», тогда как по отношению к членам своей общины его агрессивность оборачивается другой стороной – милосердием, жалостью.

Праславянское **l̥jut* на индоевропейском уровне восходит к **l̥eu-* 'камень' (ср. в русском языке заимствованное слово *литосфера* с этим корнем). В монографии «Миф в слове: продолжение жизни» мы вместе с С.З.Агранович выдвинули гипотезу о том, что это связано с материалом, из которого изготавливались все древнейшие колюще-режущие предметы, а позднее (с возникновением металлического оружия) все ритуальные орудия, использовавшиеся в обряде жертвоприношения (показательно в связи с этим, что во многих южнославянских языках слова с корнем **l̥jut* получили значение 'острый, режущий, смертоносный') [см. ЭССЯ: XV, 231-236]. На основе этого обряда, по-видимому, и возник миф о сотворении мира первосуществом из кусков собственного тела. Жестокий, лютый акт расчленения, разрубания тела каменным ножом или топором был одновременно и животворящим актом структурирования, организации обитаемого человеческого мира. Эта двойственность, синкретичность и отразилась в праславянском **l̥jut* [см. подробнее Агранович, Стефанский 2003: 119-121].

Поскольку «*Lítost*», как и многие другие концепты, существует в виде культурных сценариев, Кундера в романе «Книга смеха и забвения» прибегает к описанию ситуаций, в которых возникает эта эмоция, и рассматривает варианты реакций индивида на *lítost*.

В одном случае молодой человек испытывает *lítost*, обнаружив перед любимой девушкой свое неумение хорошо плавать. Он избавляется от этого чувства внезапной агрессией:

«Уязвленный и униженный, он ощущал неодолимое желание ее ударить. «Что с тобой?» – спросила его студентка, и он попенял ей: она же прекрасно знает, что на другой стороне реки водовороты, что он запретил ей туда плавать, что она могла утонуть, – и дал ей пощечину.

Девушка расплакалась, и он, видя на ее лице слезы, проникся к ней сочувствием, обнял ее, и его литость рассеялась» [КСиЗ: 177].

В данном случае говорящие по-русски назвали бы эмоцию, испытываемую молодым человеком, *завистью*. Однако это такая зависть, при которой желание уничтожить успех другого рождает мгновенную ответную агрессию.

В другом случае, когда противник сильнее, *litost* снимается провокацией, путем удара исподтишка. Например, ребенка, обучающегося игре на скрипке, учитель попрекает за ошибки, а тот начинает делать их намеренно, чтобы вывести учителя из себя:

«Мальчик так долго выводит на скрипке фальшивый звук, что учитель не выдерживает и выкидывает его из окна. Мальчик падает и на протяжении всего полета радуется, что злой учитель будет обвинен в убийстве» [КСиЗ: 218].

Этот вариант *литости* более близок к русской эмоции *обида*. Однако порожденная ею претензия к другому включает механизм ответной агрессии.

Интересно в этом отношении сравнение *литости* с двухтактным двигателем, приводимое Кундерой: «*Литость* работает как двухтактный мотор. За ощущением страдания следует жажда мести. Цель мести – заставить партнера выглядеть таким же убогим» [КСиЗ: 179]. Эта аналогия весьма показательна. В ней очень емко заключен древний синкретизм семантики слова **ljutostь*. Первый такт – жалость к самому себе вследствие чьей-то агрессии, второй такт – жажда мести, рождающая ответную агрессию.

Рассуждая о *литости* в романе «Книга смеха и забвения», Кундера пишет, что это чувство характерно «для возраста неопытности», что «это одно из украшений молодости» [КСиЗ 179]. Именно поэтому соответствующий концепт актуализирован в романе «Шутка». Многие поступки его героев совершаются именно по культурному сценарию этой эмоции.

Кундера очень точно уловил, что *литость* «никогда не обходится без патетического лицемерия» [КСиЗ: 179], иными словами, человек, испытывающий ее, лишь одному себе признается в истинных причинах неожиданной вспышки своей агрессии.

За 12 лет до «Книги смеха и забвения» Кундера смоделировал ситуацию *литости* в своем первом романе – «Шутка»:

*Я по-прежнему лежал на кровати голый, распростертый и неподвижный, а Люция сидела рядом и гладила меня шершавыми руками по лицу. И во мне росли **неудовольствие и гнев (nelibost a hněv)**: я мысленно припоминал Люции все опасности, которым подвергал себя, чтобы встретиться с ней сегодня; припоминал ей (опять же мысленно) всевозможные наказания, которыми грозил мне сегодняшней побег. Но это были лишь поверхностные укоры (поэтому – пусть молча – я и поверял их Люции). **Истинный источник гнева был гораздо глубже** (я постыдился бы открыть его): я думал о своей **убогости (ubohosti)**,*

о печальной **убогости** (*ubohosti*) незадачливой молодости, **убогости** (*ubohosti*) бесконечных недель без утоления любовной жажды, об унижающей бесконечности неисполненных желаний; вспоминалось мое напрасное домогание Маркеты, уродство блондинки, восседавшей на жнейке, и вот снова – столь же напрасное домогание Люции. **И хотелось мне в голос завывать**: почему во всем я должен быть взрослым, как взрослый судим, исключен, объявлен троцкистом, как взрослый послан на рудники, но почему же в любви я не вправе быть взрослым и вынужден глотать все унижения незрелости? **Я ненавидел** (*nenáviděl jsem*) Люцию, **ненавидел** (*nenáviděl jsem*) ее тем сильнее, что знал: она любит меня, и потому ее сопротивление было еще бессмысленнее, непонятнее, ненужнее и доводило меня **до бешенства** (*k zběsilosti*). <...>

Вдруг меня охватило **безотчетное бешенство** (*perpřičetný vztek*). Мне казалось, какая-то сверхъестественная сила стоит поперек дороги и всякий раз вырывает у меня из рук то, ради чего я хочу жить, о чем мечтаю, что мне принадлежит, что это та самая сила, которая отняла у меня партию, и товарищей, и университет, которая каждый раз все отнимает и каждый раз ни за что ни про что, без всякого повода. **И теперь эта сверхъестественная, противоборствующая сила воплотилась в Люции**. Люция стала орудием этой нечеловеческой силы, и я **ненавидел** (*nenáviděl jsem*) ее; **я ударил ее по лицу** – мне казалось, это не Люция, а именно та вражья мощь; я кричал, что **ненавижу** (*nenávidím*) ее, не хочу ее видеть, что уже никогда не захочу ее видеть, уже никогда в жизни не захочу ее видеть [Ш: 154-156].

Ни разу не употребив название данной эмоции, писатель очень точно объясняет повод и подлинную причину, породившие ее в сознании героя. Поводом становится отказ Люции переспать с ним, подлинной же причиной, вызвавшей *lítost*, оказывается ощущение собственной убогости из-за обрушившихся ударов судьбы. Показательно, что в русском языке для обозначения подобного культурного сценария возникла фразеологическая единица **сорвать (выместить) злость (на ком-то)**.

В приведенном фрагменте автор подробно описывает динамику эмоций, сопровождающих *lítost*: ощущение убогости и жалость к себе → неудовольствие → гнев → ненависть → безотчетное бешенство, выливающееся в пощечину. В сущности герой «Шутки» теряет способность социализировать свои эмоции: он почти по-звериному хочет завывать. В этом отношении показательны фонетические ассоциации писателя, связанные с чешским словом *lítost*, которые он приводит в «Книге смеха и забвения»: «*Литость* – чешское слово, неперебиваемое на другие языки. Его первый слог, произнесенный под ударением и протяжно, звучит как стон брошенной собаки» [КСиЗ: 176].

С таким же патетическим лицемерием, поссорившись с женой, бьет посуду Ярослав. Он смертельно обижен, что его сын попросту сбежал

с *Конницы королей*. На самом же деле он видит крушение созданного им иллюзорного мира и злится не столько на жену, сколько на самого себя:

«Я бросал на пол свой дом. Дом, который я любил, к которому тянулся душой. Дом, в котором я чувствовал ласковую власть своей бедной девчоночки. Дом, который я заселил сказками, песнями и добрыми гномиками» [Ш: 400].

Не чужд такого же патетического лицемерия и доктор Костка, гонимый отовсюду за свои религиозные убеждения и оправдывающий свое нежелание всерьез связывать свою жизнь с кем-либо из любящих его женщин, Божьим промыслом. На самом же деле и «охота к перемене мест», и стремление вести холостяцкий образ жизни объясняется его неудачным браком:

«Я не любил своей жены, что на шесть лет была старше меня. Я не выносил ни ее голоса, ни ее лица, так же, как и размеренного тиканья домашних часов» [Ш: 326].

Во многом аналогичны причины *литости* Гелены. Ее муж Павел Земанек женился на ней в результате партийной проработки. Их брак очень скоро исчерпал себя, и оба стали искать связи на стороне. Однако всю свою злобу за неудачное супружество Гелена, демагогически используя клише коммунистического морализаторства, изливает на своих коллег, завязывающих служебные романы. Оправдывая существующую в ее сознании двойную мораль, Гелена рассуждает:

«Я строга к людям именно потому, что по своему опыту знаю, каково быть несчастной в браке, не из ненависти к ним я строга, а из любви, из любви к самой любви, из любви к их дому, к их детям, потому что хочу им помочь, ведь у меня тоже ребенок и дом, и я так дорожу этим!» [Ш: 31].

Тоталитарные государства «сталинского» типа, возникшие сразу после Второй Мировой войны в Восточной Европе, намеренно ритуализуют жизнь общества, стремясь по той же древней модели подчинить своим интересам мысли и поступки каждой личности. Людвик, пожалуй, единственный герой романа, способный нарушать неписаные сценарии поведения, причем источник всех его бед – именно в этом стремлении нарушать сценарии. Так, он берет под защиту доктора Костку, которого на партсобрании собираются изгнать из университета за его религиозные убеждения. Причем этот шаг для него вполне естествен. Мы узнаем об этом не со слов Людвика, а со слов Костки. И если Людвик заступился за постороннего для него человека, то тем более сильным ударом для него стало то, что за его исключение из партии и университета проголосовали его близкие друзья.

Людвик понимает, что, следуя сценарию спасительства и раскаяния, по которому хочет продолжать их отношения Маркета, он сможет добиться давно желаемой близости с ней. Но это для него неприемлемо:

«Желанная цель – Маркетино тело – была совсем близко, и все-таки столь дорогой ценой я не мог овладеть им, не мог признать свою вину»

и подписаться обеими руками под невыносимым приговором; я не мог допустить, что близкий мне человек считает меня виноватым, а этот приговор – справедливым» [Ш: 62].

У Людвика остается шанс не быть исключенным из университета, когда на партсобрании ему предлагается следующий изуверский сценарий покаяния:

Как ты думаешь, что бы сказали на твои изречения те товарищи, которых мучили в гестапо и которые приняли смерть?» <...> Девушка с косой добивалась, чтобы воображаемыми устами погибших товарищей я вынес себе суровый приговор [Ш: 268].

Людвик прекрасно осознает необходимость следования жанру *проработки* в рамках тоталитарного дискурса [см. подробнее Данилов 2011], понимая, что поведением прорабатываемого является не чем иным, как «исполнением роли», суть которой заключается в покаянии. Однако он отказывается играть эту роль,

«которая обычно исполнялась на сотнях и сотнях собраний, на сотнях дисциплинарных обсуждений, а в скором времени и на сотнях судебных разбирательств: роль обвиняемого, который обвиняет сам себя и страстностью своего самообвинения (полнейшим единодушием с обвинителями) испрашивает для себя пощады» [Ш: 268].

Причиной нарушения сценария также является *литость*. «Тому, кто отвергает компромисс, – пишет Кундера в романе «Книга смеха и забвения», – в конце концов придется смириться с наихудшим вариантом поражения. Но этого хочет именно *литость*» [КСиЗ: 216].

В сознании Людвика включается второй такт «двухтактного двигателя *литости*»:

«Но меня вдруг обдала волна бешенства, бешенства совсем непредсказуемого, неожиданного, и я, восстав против многонедельных покаянных заявлений, сказал: «Они стояли на грани жизни и смерти. Они определенно не были мелочны. Если бы они прочли мою открытку, они, возможно, и посмеялись бы над ней» [Ш: 268]

Рассуждая о провокативном снятии *литости*, М. Кундера считает, что подобный вариант встречается и в истории человечества:

«Вероятно, все то, что наши наставники называли героизмом, было не чем иным, как формой литости, проиллюстрированной мною на примере мальчика и учителя по классу скрипки. Персы завоевывают Пеллопонес, и спартанцы совершают одну военную ошибку за другой. И так же, как мальчик отказывался взять верный звук, они, ослепленные слезами бешенства, отказываются предпринять что-либо разумное, не способные ни воевать успешнее, ни сдаться, ни спастись бегством, они во власти литости позволяют перебить себя всех до одного» [КСиЗ: 219].

Кундера высказывает и гипотезу о том, почему концепт «*LITOST*» вербализовался именно в чешском языке:

«Вовсе не случайно понятие литости родилось в Чехии. История чехов, эта история вечных восстаний против сильнейших, череда знаменитых поражений, во многом определивших ход мировой истории и обрекших на гибель собственный народ, и есть история литости» [КСиЗ: 219].

Приведенные рассуждения писателя еще раз убедительно доказывают, что «LÍTOST» является одним из ключевых концептов чешской лингвокультуры.

Подведем **итоги**.

1. Описываемый в романе М. Кундеры «Шутка» традиционный обряд *Jízda králů* восходит к древнейшему обряду инициации мифологической эпохи. В основе семиотики обоих обрядов лежит идея смерти и возрождения.

2. Сформировавшийся на основе данной семиотики чешский концепт «*Litost*» обозначает 'чувство острой жалости к самому себе, возникающее как реакция на унижение и вызывающее ответную агрессию'. Данный концепт является структурообразующим в характерах центральных героев романа «Шутка».

3. «*Litost*» является одним из ключевых концептов чешской лингвокультуры и вербализовался в ней потому, что история чехов, связанная с поражениями от сильных врагов и восстаниями против них, привела к тому, что соответствующий культурный сценарий не раз коллективно переживала вся чешская нация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агранович С.З. Миф в слове: продолжение жизни / С.З. Агранович, Е.Е. Стефанский – Самара : Изд-во СаГА, 2003. – 168 с.
2. Данилов С.Ю. Речевой жанр *проработки* в тоталитарной культуре: АКД / С.Ю. Данилов. – Екатеринбург : УрГУ, 2001. – 16 с.
3. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления / Анна А. Зализняк. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
4. Зализняк Анна А. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. / Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
5. Михайлин В.Ю. Тропа звериных слов / В.Ю. Михайлин. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 540 с.
6. Пропп В.Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 1998. – 512 с.
7. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов ; [изд 2-е, испр. и доп.]. – М. : Академический Проект, 2001. – 990 с.
8. Стефанский Е.Е. Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах) : монография / Е.Е. Стефанский. – Самара : Самар. гуманитар. акад., 2008. – 316 с.

9. Стефанский Е. Роман М. Кундеры «Шутка» сквозь призму семиотики обряда «Конница королей» / Е. Стефанский // Мир человека на гранях языка : междунар. сб. науч. тр. – Самара : Самар. гуманит. акад., 2013. – С. 39–54.

СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ

10. СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 томах. – М. : Международные отношения, 1999 – 2012.
11. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. – М. : Наука, 1980 – 2008.

РОМАНЫ М. КУНДЕРЫ

- КСиЗ – Кундера, М. Книга смеха и забвения / Пер. Н. Шульгиной. – СПб. : Азбука-классика, 2003. – 336 с.
- Ш – Кундера, М. Шутка / Пер. Н. Шульгиной. – СПб : Азбука-классика, 2003. – 416 с.
- KSaZ – Kundera, M. Kniha smíchu a zámomnění / M. Kundera. – Toronto : Sixty-Eight Publishers, 1981. – 328 s.
- Ž – Kundera, M. Žert / M. Kundera. – Brno : Atlantis, 1996. – 328 s.

REFERENCES

- Agranovich, S. Z. and Stefanski, E. E. (2003). *Mif v slove: prodolzhenie zhizni [Myth in the word: the continuation of life]*. Samara: SaGA Publ. (in Russian).
- Danilov, S. Ju. (2001). *Rechevoj zhanr prorabotki v totalitarnoj kul'ture* Diss. kand. filol. nauk. [Speech genre of up-bringing talks in a totalitarian culture]. Ekaterinburg. – 220 p. (in Russian).
- Zaliznjak, Anna A. (2006). *Mnogoznachnost' v jazyke i sposoby ee predstavlenija [The ambiguity in the language and methods of its presentation]*. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur Publ., 2006. (in Russian).
- Zaliznjak, Anna A., and Levontina I. B., and Shmelev A. D. (2005). *Ključevye idei russoj jazykovoj kartiny mira [The key ideas of Russian linguistic worldview]*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ. (in Russian).
- Mihajlin, V. Ju. (2005). *Tropa zverinyh slov [The trail of animal words]*. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (in Russian).
- Propp, V. Ja. (1998). *Morfologija <volshebnoj> skazki. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [The morphology of fairy tale. The historical roots of the fairy tale]*. Moscow: Labirint Publ. (in Russian).
- Stepanov, Ju. S. (2001). *Konstanty: Slovar' russoj kul'tury [Constants: Dictionary of Russian culture]*. The second edition. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ. (in Russian).
- Stefanski, E.E. (2008). *Emocional'nye koncepty kak fragment mifologičeskoj i sovremennoj jazykovyh kartin mira (na materiale konceptov, oboznachajushhijh negativnye emocii v russoj, pol'skoj i cheshskoj lingvokul'turah) [Emotional*

concepts as a fragment of a mythological and contemporary linguistic worldview (based on the concepts denoting negative emotions in Russian, Polish and Czech linguistic cultures)]. Samara: SaGA Publ. (in Russian).

Stefanski, E. (2013). Roman M.Kundera «Shotka» skvoz' prizmu semiotiki obrjada «Konnica korolej» [M. Kundera's Novel "The Joke" through the Lens of Semiotics of the Rite "Kings Ride"] // *Mir cheloveka na granjah jazyka – World of man on the faces of the language*. Samara: SaGA Publ. – P. 39-54. (in Russian).

DICTIONARIES AND ENCYCLOPEDIAS

СД – *Slavjanskije drevnosti: Etnolingvisticheski slovar': v 5 tomah. [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]* – Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1999 – 2012. (in Russian).

ЭССЯ – *Etimologicheski slovar' slavjanskijh jazykov [Etymological dictionary of Slavic languages]* / Ed. O.N.Trubachev. Moscow: Nauka Publ., 1980-2008. (in Russian).

NOVELS BY M. KUNDERA

КСиЗ – Kundera, M. *Kniga smeha i zabvenija [The Book of Laughter and Forgetting]* / Translated by N.Shul'gina. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2003. (in Russian).

Ш – Kundera, M. *Shotka [The Joke]* / Translated by N.Shul'gina. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2003. (in Russian).

КСаZ – Kundera, M. *Knih smichu a zâpomnĕnĕ [The Book of Laughter and Forgetting]*. Toronto: Sixty-Eight Publishers, 1981. (in Czech).

Ž – Kundera, M. *Žert [The Joke]*. Brno: Atlantis, 1996. (in Czech).

Стефанский Евгений Евгеньевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Самарской гуманитарной академии (ул. Стара Загора, 134, кв. 44, Самара, 443114, Россия); e-mail: estefanski@rambler.ru.

УДК 811.111'42

СООТНОШЕНИЕ ИНФОРМАТИВНОЙ И ФАТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИЙ КАК ПРОБЛЕМА ЭКОЛИНГВИСТИКИ

И.С. Шевченко (Харьков)

И.С. Шевченко. Соотношение информативной и фатической функций как проблема эколингвистики. Информативная и контактная (фатическая) функции речи, выделяемые в традиционной лингвистике, составляют диалектическое единство – основу речевой коммуникации. Первая нацелена на получение новых, существенно значимых сведений, вторая обеспечивает процесс информационного обмена *per se*, создавая чувство социальной солидарности. В фатическом дискурсе включенного и автономного типов фатика и информатика коррелируют в рамках синтетической и аналитической моделей сочетания. В реализации стратегии вежливости, преимущественно дистанцирования, фатические высказывания стимулируют обмен когнитивно значимой информацией. В рамках экологической лингвистики, в частности, ее социолингвистического и когнитивного направлений, соблюдение баланса информатики и фатики служит фактором оптимизации общения. Это позволяет рассматривать интерфейс фатика – информатика как регулятивный фактор экологии дискурса.

Ключевые слова: коммуникация, оптимизация, референция (информатика), фатика (контакт), функции речи, экология дискурса.

І.С. Шевченко. Співвідношення інформативної та фатичної функцій як проблема еколінгвістики. Інформативна та контактна (фатична) функції мовлення, що виділяються в традиційній лінгвістиці, складають діалектичну єдність – основу мовленнєвої комунікації. Перша націлена на отримання нових, істотно значущих відомостей, друга забезпечує процес інформаційного обміну *per se*, утворюючи почуття соціальної солідарності. У фатичному дискурсі включеного та автономного типів фатика та інформатика корелюють у межах синтетичної та аналітичної моделей поєднання. У реалізації стратегій ввічливості, переважно дистанціювання, фатичні висловлення стимулюють обмін когнітивно значущою інформацією. В рамках екологічної лінгвістики, зокрема, її соціолінгвістичного і когнітивного напрямків, дотримання балансу інформатики та фатики служить фактором оптимізації спілкування. Це дозволяє розглядати інтерфейс фатика – інформатика як регулятивний фактор екології дискурсу.

Ключові слова: екологія дискурсу, комунікація, оптимізація, референція (інформатика), фатика (контакт), функції мовлення.

I.S. Shevchenko. The correlation of the informational and phatic functions a problem of ecolinguistics. In traditional linguistics, the referential (informational) and phatic (contact) speech functions constitute a dialectical unity as the base of linguistic communication. The former

is aimed at obtaining new, essentially important information, the latter provides a process of information exchange *per se*, creates the feeling of social solidarity. In the phatic discourse of included and autonomous types, the phatic and the informational functions correlate according to synthetic and analytical combination models. Implementing politeness strategies, mainly negative politeness, phatic utterances stimulate the exchange of cognitive meaningful information. Viewed in ecological linguistics, in particular, its sociolinguistic and cognitive approaches, the balance of the informational and phatic functions serves a factor of communication optimization. This allows us to consider the interface ‘the phatic – the informational’ as a regulatory factor of discourse ecology.

Key words: communication, discourse ecology, optimization, phatic (contact), referential (informational), speech functions.

1. Вступление

За два последних века своего развития, когда лингвистика становится полипарадигмальной, в ней появляются самые разные антропоцентрические подходы от психологизма XIX в. до социо- и прагмалингвистики XX в. Сегодня эколлингвистика, как ни один другой подход, демонстрирует максимальную близость наукам о человеке и обществе, о чем свидетельствуют работы Трима и др., посвященные социальному контексту и языковым изменениям (*societal context and change*) [Haugen 1971; Trim 1959]. Хотя нередко эколлингвистика (экологическая лингвистика, *language ecology, the ecology of language*) служит лишь модным термином, акцентируя интерес к контексту и языковому окружению, к проблемам микро- и макросоциоллингвистики, в рамках эколлингвистики уже сформировались четыре относительно самостоятельных подхода: семиотический, нейробиологический, социокультурный, когнитивный [Steffensen 2003].

Социокультурное направление эколлингвистики в исследованиях речевого взаимодействия рассматривает дискурс как средство формирования социальных отношений и одновременно их продукт. Определенная ограниченность традиционных социо- и прагмалингвистики, дискурс-анализа отмечается в том, что в своих исследованиях они отталкиваются от системы правил, в то время как проблемы эколлингвистики гораздо шире [van Lier 2002: 145]. Отличающий эколлингвистику акцент на контексте, на взаимодействии приводит к пониманию того, что языковые значения не существуют сами по себе – это лишь потенциал, который, будучи реализован в определенном контексте, конструируется коммуникантами в ходе их взаимодействия, тем самым социокультурная эколлингвистика объединяет экологическую теорию перцепции Гибсона, теорию знака Пирса, теорию языка Бахтина, теорию когнитивного развития ребенка Выготского [van Lier 2002: 151].

Социокультурный ракурс изучения речи появился гораздо раньше эколлингвистики: представление о языке как средстве не только референции, но и контактирования, человеческого общения как такового, впервые было сформулировано Б. Малиновским еще в первой четверти XX века, а три четверти века назад в своей последней лекции в Йельском университете в ноябре 1941 года Бронислав Малиновский, один из самых знаменитых

антропологов мира, не случайно прозванный отцом-основателем прагматики несмотря на его молодость, утверждал, что истинное изучение языка – это изучение речевых событий в их ситуативных контекстах (context of situation) [Young 2011].

Как и современные эколлингвисты, Б. Малиновский призывал изучать речь (речевые события) в контексте (для него это «контекст ситуации»), тем самым снимая противопоставление языка и речи: «язык не может оставаться самостоятельным и самодостаточным объектом изучения, если мы признаем, что это лишь норма речевой деятельности человека» [Malinowski 1937: 172]. Исследователь подвергает сомнению приоритет семантики слова и в результате наблюдений за речью в ее контактной функции утверждает, что наиболее релевантная единица для осознания того, что сегодня мы назвали бы конструированным смыслом, – это предложение: «В фатическом общении (phatic communion) слова используются не для того, чтобы нести определенное значение; скорее путем обмена словами осуществляется социальная функция «связывания слушающего и говорящего узлами социальной общности (a tie of some social sentiment)». Тем самым речь – это то, что слово «делает» (what words do) [Malinowski 1926: 78-79]. (Отметим, что Остин сформулирует свое «How to do things with words» лишь 40 лет спустя!).

Великий антрополог отстаивает положение о прагматической функции как основной функции речи, предназначенной направлять, управлять и регулировать человеческую деятельность (to direct, to control and to correlate human activities) [Malinowski 1937: 172]. Эти идеи, оставаясь актуальными для современной науки, определили цель данной статьи – уточнить понимание информативной (референтной) и контактной (фатической) функций и установить их корреляцию в дискурсе с точки зрения эколлингвистики.

Гипотезой служит тезис о диалектическом единстве принципиально противоположных информативного и контактного смыслов, конструируемых в определенных контекстах и ситуациях, о двух моделях их совмещения в рамках гиперонимов – мыслительной и прагматической функций речи и о важности их баланса в общении для достижения экологичности дискурса. Материалом анализа служат образцы англоязычного художественного дискурса.

2. Функции речи

В научной литературе пока нет единства мнений по вопросу о количестве и сущности функций языка. Большинство исследователей (Мартине, Якобсон, Ярцева и др.) представляют функции языка, выделяемые по телеогическому, интенциональному принципу, как иерархическую систему, включающую базовые, главенствующие функции, и функции более низких уровней [Аврорин 1975; Martinet 1955; Ярцева 1998; Киселева 1978].

Так, на первом, наивысшем ярусе, помещают главнейшие коммуникативную и когнитивную (мыслительную, познавательную) функции.

На втором, более низком ярусе, находятся их разновидности: соответственно, прагматическая (эмоционально-регулятивная) и интеллектуально-информативная функции [Киселева 1978].

На третьем уровне прагматической функции соответствуют более дробные: фатическая (контактная, контактоустанавливающая), эмотивная (выражение чувств и эмоций), экспрессивная (самовыражение), волюнтаристическая (побудительная), эстетическая (отношение к прекрасному) и др.; в то время как с интеллектуально-информативной функцией связаны номинативная, дейктическая, регулятивная функции [Киселева 1978: 47].

В телеологической модели Ю. Хабермаса также противопоставлены информатика (соответствует рациональному целенаправленному действию) и фатика – коммуникативное, ритуализованное, «драматургическое» действие [Habermas 1984: 85].

По иному принципу – по направленности на один из шести факторов коммуникации Р. Якобсон [Jakobson 1960: 356] выделяет следующие функции:

(1) направленная на фактор контекста – референционная функция (*The Earth is round*),

(2) на адресанта – эмотивная функция (*Yuck! Bah! Oh!*),

(3) на адресата – конативная функция (*Come here!*, приказы),

(4) на контакт – фатическая функция (*Hello?*, средства проверки контакта),

(5) на код общения – метаязыковая функция (*What do you mean by 'krill'?*, дефиниции),

(6) на сообщение (message) – поэтическая функция (*Smurf*).

В научной литературе эти функции называют также:

1. денотативная, когнитивная, репрезентативная, информативная;

2. экспрессивная;

3. апеллятивная, императивная, директивная;

4. реляционная, контактная;

5. метасемиотическая;

6. эстетическая, риторическая.

Эти названия свидетельствуют, что при всей разности методологических подходов, исследователи не подвергают сомнению базовые функции, в частности, и лингвисты, и философы единодушны в том, что речевое взаимодействие «может быть информативным либо фатическим» [al-Qinai 2011: 23; Habermas 1984 и др.], подчеркивая важность их баланса для развития общества.

3. Информативная и фатическая функции

Деление коммуникации на информативную и фатическую основано на понятии информации. **Информация** – существенно новые и важные сведения, конструируемые в процессе общения; в узком смысле – это факты,

предписания, а в широком – т.н. «эстетическая» информация, а также изменение количества и качества информации, которой обладают участники деятельности, которое приводит к изменению их поведения.

Теория информации разделяет количественную и качественную сторону информации – значимость и ценность, сущность информации, зависящую от состояния системы, воспринимающей информацию. Количественный (математический) подход к измерению информации текста предложен вероятностно-статистической теорией К. Шеннона. В ней информация рассматривается как «снимаемая неопределенность», мерой которой является энтропия. В информатике этим термином обозначают случайную величину с конечным числом исходов. Математическое определение энтропии К. Шеннона использует понятия вероятности и математической статистики: получение какого-либо количества информации равно потерянной энтропии [Shannon 1948], а количество информации является мерой уменьшения неопределенности знания при получении информационных сообщений. То есть, к информации относят лишь те сведения, которые уменьшают неопределенность, служат семантически значимой информацией.

Будучи ориентированной на количественный анализ сообщений, теория информации Шеннона практически не применима для семантики и прагматики естественного языка, где на первый план выходят семантическая и/или прагматическая ценность информации. Этот критерий наиболее разработан в теории информации А.Д. Урсула, где «ценность измеряется степенью достижения цели. Близость реализованного к поставленной цели – вот самый общий критерий ценности» [Ильин, Урсул 2009: 151-152]. По А.Д. Урсулу, который рассматривает ценность информации как отношение субъекта ↔ информации ↔ цели, информация выступает как объективный фактор, как носитель ценности, тогда как субъект является субъективным фактором ценности, а сама ценность информации – результат взаимодействия субъективного и объективного факторов.

В дискурсе информация как таковая присутствует в двух типах речевых актов: в квеситивах, чья иллокутивная цель – запрос информации, и в констативах, где иллокутивная цель – сообщение информации. Определение типов РА включает набор прагма-семантических параметров, среди которых важнейший – ситуация и контекст. Так, в квеситиве говорящему не известна запрашиваемая им информация (1.1), в констативе говорящий искренне намерен сообщить слушающему рациональную информацию (1.0, 1.2), например:

(1.0) LADY CAROLINE. *It is not customary in England, Miss Worsley, for a young lady to speak with such enthusiasm of any person of the opposite sex. English women conceal their feelings till after they are married. They show them then.*

(1.1) HESTER. *Do you, in England, allow no friendship to exist between a young man and a young girl?*

(1.2) LADY CAROLINE. *We think it very inadvisable.* (O. Wilde)

Чем более та или иная информация способствует достижению цели, тем более она ценна. То есть, ценность информации (семантической, когнитивной) влияет на принятие управленческих решений, что особенно важно для понимания эволюции глобальных процессов, для кризисной коммуникации [Ильин, Урсул 2009].

В **фатической** функции речь, как считали Б. Малиновский, Э. Бенвенист и др., предназначена «не для передачи информации, а для установления связи между людьми в процессе их деятельности» [Benveniste 1966], «при этом не преследуя цели передачи мыслей, идей, информативных сообщений» [Malinovsky 1937] (ср.: «язык в этой функции выступает не в качестве орудия мысли, а в качестве способа действия» [Пименов 1975: 33-34]). Здесь на первый план выходит прагматическая ценность, самодавлеющая значимость речи (еще Э. Сепир, не употребляя термина *фатика*, писал о роли речи в установлении контакта между людьми, как того требует ситуация (например, во время приема гостей) [Sapir 1921], что позже будет описано Р. Якобсоном и Дж. Лайонзом как создание уз общности путем «пустого обмена словами» [Jakobson 1960: 386], как поддержание чувства социальной солидарности и социального самосохранения [Lyons 1977]. С позиций радикальной прагматики Дж. Лич подчеркивал, что фатическая коммуникация – общение без сообщения – создает комфорт в быту и поддерживает коммуникацию на заданной идеологической волне (например, инаугурационные речи президентов). Такая коммуникация характеризуется избыточностью и концентрацией штампов [Leech 1977].

Большинство исследователей фатики, которые стоят на позициях прагмалингвистики и рассматривают коммуникацию в терминах речеактовых актов (далее – РА), то есть с позиций интенции, целеполагания, подчеркивают ее основополагающую ориентированность на кооперативное общение. Фатические РА – прагмасемантические разновидности экспрессивов, ограниченные в силу своей природы областью кооперативного дискурса [Матюхина, Шевченко, 2003]. Вместе с тем, в современной лингвистике, в частности, в жанристике, опирающейся на идеи М. Бахтина, допускается отнесение отдельных речевых событий к «диссонансным» фатическим жанрам – «издевке, оскорблению, обвинению, ссоре» [Дементьев 2010: 215]. Очевидно, что в теории РА оскорбление, обвинение и под. относятся не к числу фатических РА, а к числу экспрессивов конфронтативной направленности в соответствии с их ведущей интенцией – словесно актуализировать (и тем самым снять) негативное эмоциональное напряжение говорящего, его неприятие собеседника, а также намеренно нанести урон эмоциональной сфере недруга-слушающего.

Исходя из «фактора речевого контакта», под которым Р. Якобсон понимал состояние общения, совместного времяпровождения и установление/поддержание дружеских отношений [Jakobson 1960], он видел

основное назначение фатической функции в том, чтобы установить контакт, проверить, работает ли канал связи, привлечь внимание собеседника и убедиться, что тот слушает внимательно. Якобсон отмечал, что фатическая функция направлена на контакт как физический план и психологическую связь между адресантом и адресатом, обуславливающие возможность установления и поддержания коммуникации.

Позже Г.Г. Почепцов детализирует понимание фатики (через метакоммуникативную функцию) как включение/переключение, поддержание на нужном уровне внимания адресата для передачи сообщения и размыкание речевого контакта [Почепцов 1981: 52-59]: например, Луиза знакомит свою сестру со своим другом:

(2.0) *“You haven’t met John, have you, Sarah?”* said Louise (2.1) *“This is John Connell, John, this is my little sister Sarah”*.

(2.2) *“How do you do”*, I said.

(2.3) *“How do you do”*, he said (M. Drabble)

В приведенном примере ситуация спрашивания отсутствует: высказывание Луизы вопросительной формы (2.0) не запрашивает информацию, что подтверждает контекст – Луиза делает представление (2.1) в рамках одного хода, не ожидая ответа на (2.0). Имеет место ситуация установления контакта (представления и знакомства) и далее Сара и Джон обмениваются приветствиями–клише (2.2; 2.3). Все эти высказывания имеют интенцию контактоустановления и выступают фатическими РА, их ценность – не в количестве рациональной (когнитивной) информации, а в ее прагматической ценности: эти РА способствуют достижению целей коммуникации в начальной фазе общения, а значит – они являются прагматически (коммуникативно) ценными.

В фатике проявляются свойства метакоммуникации в целом, направленной «на самое себя, на общение в целом и его различные аспекты: языковую ткань дискурса, его стратегическую динамику <...>, представление тем, взаимодействие с контекстом, регуляцию межличностных и социальных аспектов взаимодействия, нормы общения, процессы обмена информацией и ее интерпретации, эффективность канала коммуникации» [Макаров 2003: 197; Почепцов 1981].

Разноуровневость функций предполагает их иерархию, в частности, существуют разные типы фатики, что проявилось в истории названий этой функции в лингвистике: контактоустанавливающая [Ахманова 2007: 508; Драздаускене 1970], речеконтактная, фатическая метакоммуникативная [Почепцов 1981; Чхетиани 1987], метаречевая [Алексеев 1990: 5], контактная [Формановская 2003] – “предназначенность языковых средств для установления и поддержания социально-массового и индивидуального контакта, в известной мере определяющая поведение адресата” [Киселева 1978: 45]; причем средства речевого контакта трактуются как речевые акты, реже – высказывания – «контактивы» [Сюй Хунчен 2007].

Сообразно с целями, достигаемыми в различных коммуникативных ситуациях, Г.Г. Почепцов подразделяет данную функцию на три разновидности: речь, направленная на «включение/переключение внимания адресата на сообщение, поддержание на нужном уровне внимания адресата в период передачи сообщения и, наконец, на размыкание речевого контакта» [Почепцов 1981: 52]. Им соответствуют фатические метакоммуникативы «инхоативной, процессной, финитивной прагмасемантических разновидностей», функционирующие, соответственно, в ситуациях установления, продления и размыкания речевого контакта [Матюхина 2004: 13].

Фатическая метакоммуникация в целом воплощается в фатическом метадискурсе – среде регулирования речевого взаимодействия в соответствии с требованиями коммуникативных принципов вежливости и кооперации. По критерию типа РА и целей дискурса система фатического метадискурса охватывает включенный и автономный типы [Матюхина 2004: 12]. В первом случае (включенный тип) фатический РА включен в дискурсивный обмен (transaction / exchange, микродиалог) разнородных РА; во втором – служит частью более широкого собственно фатического метакоммуникативного автономного речевого события (speech event), в котором общая цель регулирования речевого воздействия осуществляется в ритуализованной форме, и который характеризуется самоценностью, упорядоченностью, состязательностью, преобладанием социально-регулятивной информации, игровым и эстетическим компонентом [Матюхина 2004: 127] – как правило, это small talk, флирт и т.п. (в рамках теории речевых/коммуникативных жанров В.В. Дементьев рассматривает их как «фатические речевые жанры» [Дементьев 2010: 209]).

Модели сочетания информативной и фатической функций в дискурсе

Для эколлингвистики важна метафора О. Розенштока-Хюсси, видевшего в общении путь к миру в социуме, о тождестве «грамматики языка и грамматики общества»: «речь укрепляет временную и пространственную оси, на которых держится общество» [Rosenstock-Huessy 1970]. Предназначенность речи (дискурса) создавать и поддерживать баланс в обществе лежит, по нашему мнению, не столько в вычленении отдельных функций, сколько в их сочетаемости.

Сочетаемость функций – важнейшее конститутивное свойство дискурса, например, экспрессивной и конативной, поэтической и референционной функций (подробнее – [Hébert 2011]) или фатической функции с эмотивной и др.; их определенная иерархия в дискурсе (об этом см. [Jakobson 1960]) обусловлена подвижностью границ между типами информации, что и приводит к конвергенции функций речи.

Для выявления типов РА и их сочетаний в дискурсе воспользуемся моделью РА в составе семи аспектов: адресант, адресат, их интенции, аспект

контекста, ситуации, метакоммуникации (которая соответствует принципу вежливости и кооперации), локутивный, денотативный аспекты и результирующий аспект – иллюкуция [Шевченко 1998].

Индикаторы фатических РА – стереотипные речевые формулы, служащие целям речевого контакта: его «включения» (*Hello (Hallo, Hullo); How do you do?; How are you?; How do you feel?; How are you doing?; How are things with you?; How is it going?; How have you been?; Are you doing Okay?* и др.), продления (*Oh; hey; now; listen; look; you know, you see; I say; well; I mean; so to say; that is; hm; mm; er; eh...*), размыкания (*Be careful; Have a good time; Take care; Good bye; So long; See you* и т.п.).

Индикаторами информативно ориентированных РА (констативов и квеситивов, различающихся по семи приведенным выше параметрам РА, важнейший из которых – иллюкутивная сила) служат, прежде всего, семантика и синтаксис предложений.

Ситуативная природа прагматических смыслов обуславливает возможность параллельного существования нескольких иллюкутивных сил в РА, одна из которых – ведущая (первичная, доминирующая), вторая – сопутствующая, вторичная (термин, используемый для всякой иллюкуции, сопутствующей ведущей, независимо от числа таких сопутствующих сил – двух, трех и более).

Хотя в эвристических целях лингвисты, как правило, противопоставляют информативную и фатическую функции [al-Qinai 2011], в дискурсе наблюдается сочетание этих и иных функций. При этом, будучи членом оппозиции фатика – информатика, фатическая функция «естественным образом расширяет рамки объекта», охватывая также и конативную функцию элементарного содержания (вступление в контакт, его поддержка и проверка), область речевого этикета, бытовой диалог, художественное повествование, стилизованное под бытовое [Винокур 1993: 135].

По нашим данным, конфигурации сочетания функций различны в автономном и включенном типах фатического дискурса. Так, сочетание фатики и информатики в высказываниях, включенных в полифункциональный дискурс, и в автономных фатических речевых событиях – светская беседа, флирт, разговор по душам – осуществляется в пределах двух основных моделей сочетаемости:

- А.** наличие разноформленных прагма-семантических индикаторов фатики и информатики в пределах высказывания / речевого хода (аналитическая модель);
- Б.** ситуативное совмещение функций в высказывании (синтетическая модель).

Рассмотрим каждую модель подробнее, используя обозначения Ph-SA для фатических речевых актов (phatic speech act) и Info-SA для констативов и квеситивов.

Аналитическая модель сочетания функций:

A.1. Ph-SA+Info-SA: сочетание иллокуций фатички и информатики, реализованных соответствующими индикаторами, в прямых РА фатической и информативной направленности в пределах одного предложения:

(3.0) *“Hello, Alfred; (3.1) why didn't you send to say you wouldn't come?”*

(B. Shaw)

В ситуации установления контакта фатический индикатор (3.0) представлен клише и апеллятивом, за ним в рамках того же предложения следует квеситив (3.1) – запрос неизвестной говорящему информации, прямо реализованный специальным вопросом. В данном сложном РА первый (фатический) выступает способствующим для второго. Тем самым имеет место сложный квеситив, где ведущая иллокуция спрашивания усиливается вторичной иллокуцией контактоустановления.

В ситуации продолжения контакта (пример 4.0 –4.2) имеет место обмен когнитивной информацией (4.0, 4.1), а фатические индикаторы заполнения пауз *well, you know* (4.2) сигнализируют, что Габриэль затрудняется дать ответ (4.3) и хочет выиграть время, подобрать слова:

(4.0) *“The fact is,”* said Gabriel, *“I have just arranged to go – –”*

(4.1) *“Go where?”* asked Miss Ivors.

(4.2) *“Well, you know, (4.3) every year I go for a cycling tour with some fellows and so – “* (J. Joyce)

В последнем предложении *you know*, хоть и выступает главным в подчинительной сложной структуре, является относительно десемантизированным. Ведущим свойством индикаторов фатичности типа *you see, you know* является прагматическое значение обеспечения речевого контакта, что вместе с формализованностью структуры, устойчивостью и воспроизводимостью указывает на их прагматикализованность.

A.2. Ph-SA □ Info-SA: сочетание прямых РА фатической и информативной направленности в пределах одного речевого хода, состоящего из двух и более предложений:

(5.0) *“Oh, it's you, is it!”* said he. (5.1) *“Where 'ave you been?”* (Greenwood)

В примере (5.0) сегментированный вопрос функционирует в ситуации установления речевого контакта и служит цели привлечения внимания собеседника. Индикатором фатического РА в ситуации контактоустановления служит клише – т.н. подтверждающий сегментированный вопрос, в котором обе синтаксические части утвердительные; это высказывание занимает медиальную позицию в речевом ходе, что не характерно для квеситива. За ним в новом предложении (5.1) в пределах одного хода следует запрос информации – квеситив (ответ на него не известен говорящему).

Б. Синтетическая модель сочетания функций характерна для дискурсе автономного типа (small talk) и выражается формулой Σ (**Ph-SA+Info-SA**).

Согласно формуле суммы иллокуций совмещение функций в высказывании, лишенном прагмасемантических иллокутивных индикаторов, носит контекстуально-ситуативный характер. Например,

Лора болтает с Хилари во время традиционного вечернего чаепития:

(6.0) *“You like artichokes, don’t you, Hilary?”*

(6.1) *“They are an occupation. Like Meccano. I don’t call it eating”.*

(6.2) *This rubbish with Laura was so mechanical for both of us that I could carry it on, listening to Freddie and Clifford discussing the international monetary crisis, while busy the whole time with the most lurid private reflections* (I. Murdoch)

В ситуации светской беседы высказывание Лоры (6.0) реализует одновременно две иллокуции: это ведущая иллокутивная сила – поддержание дружеского общения на малозначительную тему (индикатор фатички – тема и семантика предложения) и сопутствующая – спрашивание, задаваемая структурой предложения, что указывает на контаминацию фатической и информативной функций в высказывании.

В соответствии со своей сопутствующей иллокуцией спрашивания РА Лоры (6.0) получает информативный ответ Хилари (три последующих предложения 6.1), который, в свою очередь, представляет собой разновидность синтетической модели сочетания функций: в ситуации светской беседы на фатическую предназначенность высказываний (6.1) указывает не только соответствующая интенция говорящего, но и их семантика (тривиальность, «салонность» темы), что делает иллокутивную силу поддержания коммуникации ведущей. Одновременно повествовательная структура простых предложений задает их сопутствующую иллокуцию сообщения рациональной информации (что поясняется в авторском тексте (6.2)).

Обе модели, при их относительной разности, демонстрируют сочетание функций в дискурсе, которое исходит из самой природы фатички как сопутствующей по отношению к когнитивной, оценочной и иным типам информации (ср.: контактное высказывание – это «носитель двойного информационного плана» [Киселева 1978: 25, 57]). Во многих случаях такое сочетание – дань принципу вежливости, когда для достижения целей кооперативного информативного общения используются фатические РА в качестве стратегий вежливости сближения (*positive politeness*) (далее приводимые по [Brown, Levinson 1987]):

- стратегия сближения «Проявляй внимание, заботу о нуждах, интересах, стремлениях, достоинствах слушающего» («Notice, attend to H (his interests, wants, needs, goods)») что прослеживается в комплиментах (7.1), произносимых, как правило, при установлении контакта вслед за фатическим РА (7.0.), например, общение лорда Генри с художником:

(7.0.) *“Hello, Basil!* (7.1) *It is your best work, the best thing you have ever done,” said Lord Henry languidly. “You must certainly send it next year to the Grosvenor.* (O. Wilde)

- стратегия использования маркеров принадлежности к группе («in-group markers») —различных обращений: титулов, имени собственного, терминов

родства, вплоть до разговорных ласкательных или сниженных форм, например, лорд Генри расспрашивает о портрете Дориана Грея:

Not send it anywhere? (8.0) My dear fellow, why?(8.1) Have you any reason? What odd chaps you painters are! You do anything in the world to gain a reputation. (O.Wilde)

В англоязычном фатическом метадискурсе, по данным Ю.В. Матюхиной за последних пять столетий [Матюхина 2004], доминируют стратегии дистанцирования (negative politeness) как проявление этикетного поведения (respect behaviour, rituals of avoidance [Brown, Levinson 1987: 117]). Наиболее частотны среди них:

- стратегия дистанцирования «Говори уклончиво, спрашивай» (Question, hedge) [Brown, Levinson 1987: 145] служит смягчению высказывания и воплощается вопросительными конструкциями, маркируется частицами *only, simply, just, merely* и т.п., комплексами типа *I mean, I guess*. В следующем фрагменте дистанцирование маркируют частица *only* (9.1) и риторический вопрос (9.1), смыслом которого служит смягченное отрицание (вопрос не ориентирован на спрашивание, контекст показывает, что он не имеет ответа, находится в середине речевого хода говорящего). Эти фатические средства стимулируют дальнейший запрос когнитивной информации (квеситив 9.2):

(9.0)My dear fellow, she tried to found a salon, and only succeeded in opening a restaurant. (9.1) How could I admire her? (9.2) But tell me, what did she say about Mr. Dorian Gray?(O. Wilde)

- стратегия «Демонстрируй почтительность» [Brown, Levinson 1987: 178-186] проявляется в тактике завышения значения адресата (в случае 10.1 это маркер *whatever*, который выделяется на фоне остальных откровенно ироничных информативных утверждений приятелей Дориана (10.0, 10.2, 10.3) о его будущей женитьбе):

...(10.0) Besides, every experience is of value, (10.1) and whatever one may say against marriage,(10.2) it is certainly an experience. (10.3) I hope that Dorian Gray will make this girl his wife, passionately adore her for six months, and then suddenly become fascinated by some one else. He would be a wonderful study. (O. Wilde)

Приведенные примеры убеждают, что фатика существенно облегчает информативный обмен, делает его более эмоциональным, способствует достижению целей. Тем самым сочетание функций высказываний в дискурсе – его неотъемлемая характеристика, важность которой видится минимум в двух аспектах.

С одной стороны, фатика – важный компонент коммуникативной компетенции личности. По Ю. Хабермасу, идея рационального развития общества (idea of rationality) коррелирует с коммуникативной компетенцией – владением не только набором языковых единиц и правил, но прежде всего умением соотносить их с миром, с собственными интенциями, употреблять

импликации и пресуппозиции, быть уместным, в том числе в плане соответствия социальному контексту [Habermas 1984: 56].

С другой стороны, в сочетании фатичности и информативности проявляется основополагающий философский принцип единства противоположностей как основы развития. Современная эколлингвистика, рассматривая социальные проблемы языка и культуры, подчеркивает, что разнообразие содержит потенциал для адаптации, способствует гибкости системы коммуникации в целом: сильны те экосистемы, которые наиболее разнообразны. «Разнообразие непосредственно связано со стабильностью; разнообразие является важным для долгосрочного выживания» [Baker 2001: 281].

Выводы

Сказанное позволяет сделать следующие выводы. Лингвистика как дискурсивная дисциплина и по методологии, и по предметной сфере анализа на новом этапе своего развития становится экологической наукой. Это означает придание нового фокуса интегрированному прагматическому, когнитивному подходу, характерному для анализа дискурса, а именно – акцентирование социокультурных, контекстных аспектов коммуникации. С точки зрения эколлингвистики дискурс – средство формирования социальных отношений и одновременно их продукт. Исследовательскому фокусу на взаимодействии и контексте, отличающему эколлингвистику, соответствует трактовка языковых значений как потенциала, который, будучи реализован в определенном контексте, конструируется коммуникантами в ходе их взаимодействия.

Предназначенность речи (дискурса) создавать и поддерживать баланс в обществе лежит, по нашему мнению, не столько в вычленении отдельных функций, сколько в их сочетаемости. Сочетаемость функций – важнейшее конститутивное свойство дискурса, оно обусловлено подвижностью границ между типами информации, что и приводит к конвергенции функций речи. В частности, противоположные по информационному, телеологическому и иным параметрам информативная и фатическая функции в дискурсе способны к сочетанию, причем фатика существенно облегчает информативный обмен, делает его более эмоциональным, способствует достижению целей.

Конфигурации сочетания функций фатичности и информативности различны в автономном (светская беседа и т.п.) и включенном (полифункциональном) типах фатического дискурса и осуществляется в двух основных моделях.

Аналитическая модель, типичная для полифункционального дискурса – наличие разнооформленных прагма-семантических индикаторов фатичности и информативности в пределах высказывания / речевого хода, имеет две разновидности: сочетание иллокуций фатичности и информативности, реализованных соответствующими индикаторами, в прямых РА фатической и информативной направленности в пределах одного предложения либо их сочетание в пределах

одного речевого хода, состоящего из двух и более предложений. Синтетическая модель – ситуативно-контекстное совмещение функций в высказывании, лишенном прагмасемантических иллюкутивных индикаторов – преобладает в автономном дискурсе.

Современная эколлингвистика, рассматривая социальные проблемы языка и культуры, подчеркивает, что разнообразие содержит потенциал для адаптации, способствует гибкости системы коммуникации в целом. Функциональное разнообразие высказываний служит основой эффективности коммуникации. В практическом плане неотъемлемая характеристика дискурса – сочетание функций высказываний стимулирует и развитие общества, будучи важной для развития коммуникативной компетенции, в частности, уместности высказываний в определенном социальном контексте. В теоретическом плане в сочетании фатика и информатики проявляется основополагающий диалектический принцип единства и борьбы противоположностей как основы развития.

Обнаруженные данные свидетельствуют о выходе дискурсологии за рамки оособленных социо- когнитивно- прагматических исследований и требуют анализа взаимодействия разноуровневых единиц дискурса, что обуславливает перспективность задач дальнейшего изучения баланса функций в отдельных речевых событиях в ракурсе эколлингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: к вопросу о предмете социоллингвистики / В.А. Аврорин. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. – 276 с.
2. Алексеенко Л.П. Речевые средства в завершающей фазе английского языка : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Л.П. Алексеенко. – К. : Киев. гос. ун-т, 1990. – 14 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : КомКнига, 2007. – 576 с.
4. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М. : Наука, 1993. – 171 с.
5. Дементьев В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.
6. Драздаускене М.-Л.А. Контактостанавливающая функция речи (на материале английского языка) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / М.-Л.А. Драздаускене. – М. : Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз., 1970. – 32 с.
7. Ильин И.В. Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов) / И.В. Ильин, А.Д. Урсул. – М. : Изд-во МГУ, 2009. – 232 с.

8. Киселёва Л.А. Вопросы теории речевого воздействия / Л.А. Киселёва. – М. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 160 с.
9. Кочерган М.П. Вступ до мовознавства : підручник / М.П. Кочерган. – К. : Академія, 2000. – 368 с.
10. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
11. Матюхіна Ю.В. Розвиток системи фатичної метакомунікації в англійському дискурсі XVI – XX ст. : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Юлія Володимирівна Матюхіна. – Харків : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2004. – 226 с.
12. Матюхіна Ю.В. Прагматические особенности фатической метакоммуникативной информации в дискурсе / Ю.В. Матюхіна, И.С. Шевченко // Матеріали міжнародної науково-методичної конференції “Треті Каразінські читання: методика і лінгвістика – на шляху до інтеграції”. – Харків : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2003. – С. 110–111.
13. Пименов А.А. Противоречивая сущность речевой деятельности и речевого действия / А.А. Пименов // Проблемы психолінгвістики. – М. : Прогресс, 1975. – С. 31–45.
14. Почепцов Г.Г. Фатическая метакоммуникация / Г.Г. Почепцов // Семантика и прагматика синтаксических единств. – Калинин : Изд-во Калинин. ун-та, 1981. – С. 52–59.
15. Сюй Хунчжен. Мовний контакт у сучасному російському спілкуванні: комунікативно-прагматичні і соціокультурні аспекти : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.02 / Сюй Хунчжен. – Харків : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2007. – 204 с.
16. Формановская Н.И. Социально-культурная сущность речевого этикета / Н.И. Формановская // Московский лингвистический журнал. – 2003. – Т. 7, № 2. – С. 9–20.
17. Чхетиани Т.Д. Лингвистические аспекты фатической метакоммуникации : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Чхетиани Тамара Дмитриевна. – К. : Киев. гос. пед. ин-т иностр. яз., 1987. – 210 с.
18. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения: английское вопросительное предложение XVI – XX вв. : монография / И.С. Шевченко – Харьков : Константа, 1998. – 168 с.
19. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / [гл. ред. В.Н. Ярцева ; 2-е изд.]. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
20. al-Qinai J. B.S. Translating phatic expressions / J. B.S. al-Qinai // Pragmatics. – 2011. – V.21, #1. – P. 23–39.
21. Baker C. Review of Tove Skutnabb-Kangas «Linguistic genocide in education – or worldwide diversity and human rights?» / C. Baker // Journal of Sociolinguistics. – 2001. – V. 5, # 2/. – P. 279–283.

22. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale / E. Benveniste. – Paris : N.R.F., Bibliothèque des sciences humaines, 1966. – 356 p.
23. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. – 345 p.
24. Habermas J. The theory of communicative action. Vol. 1. Reason and the rationalization of society / J. Habermas. – Boston : Beacon Press, 1984. – 562 p.
25. Haugen E. The ecology of language / E. Haugen // The Linguistic Reporter. Supplement. – 1971. – #. 25. – P. 19–26.
26. Hébert L. The Functions of Language [Электронный ресурс] / L. Hébert // Louis Hébert (dir.), *Signo* [online], Rimouski (Quebec) – 2011. – Режим доступа : <http://www.signosemio.com/jakobson/functions-of-language.asp>
27. Jakobson R. Linguistics and Poetics / R. Jakobson // T. Sebeok (ed.) *Style in Language*. – Cambridge, MA : M.I.T. Press, 1960. – P. 350–377.
28. Leech G. Semantics / G. Leech. – L. : Pellican, 1977. – 450 p.
29. Lier van L. An ecological-semiotic perspective on language and linguistics / L. Lier van // Kramsch C. (Ed.). *Language Acquisition and Socialization. Ecological Perspectives*. Continuum. – London, 2002. – PP. 140–164.
30. Lyons J. Semantics. Vol. 1 / J. Lyons. – Cambridge : CUP, 1977. – 897 p.
31. Malinowski B. Myth in primitive psychology / B. Malinowski. – London : Norton, 1926. – 105 p.
32. Malinowski B. The dilemma of contemporary linguistics. Review of «*Infant Speech: A Study of the Beginnings of Language*» by M.M. Lewis / B. Malinowski // *Nature*. – 1937. – July, 31. – P. 172–73.
33. Martinet A. Économie des changements phonétiques. *Traité de phonologie diachronique* / A. Martinet. – Berne : Editions A. Francke S.A., 1955. – 396 p.
34. Rosenstock-Huussy E. *Speech and Reality* / E. Rosenstock-Huussy. – Norwich, Vermont : Argo Books, 1970. – 201 p.
35. Sapir E. *Language: An Introduction to the Study of Speech* / E. Sapir. – New York : Harcourt, Brace, 1921. – 258 p.
36. Shannon C.E. A Mathematical Theory of Communication / C.E. Shannon // *Bell System Technical Journal*. – 1948. – V. 27. – P. 379–423, 623–656.
37. Steffensen S.V. Ecolinguistics: the state of the art and future horizons [Электронный ресурс] / S.V. Steffensen, A.Fill. *Language Sciences*. – 2013. – Режим доступа : <http://dx.doi.org/10.1016/j.langsci.2013.08.003>
38. Trim J.L.M. Historical, descriptive and dynamic linguistics / J.L.M. Trim // *Language and Speech*. – 1959. – # 1. – P. 9–25.
39. Young M.W. Malinowski's last word on the anthropological approach to language / M.W. Young // *Pragmatics*. – 2011. – # 21. – P. 1–22.

REFERENCES

- Ahmanova, O.S. (2007). *Slovar' lingvisticheskikh terminov [A dictionary of Linguistic terms]*. M.: KomKniga Publ. al-Qinai, J. B.S. (2011). Translating phatic expressions. *Pragmatics*, 21 (1), 23-39.

- Alekseenko, L.P.(1990). Rechevye sredstva v zavershajushhej faze anglijskogo jazyka: Avtoref. dis. kand. filol. Nauk [Linguistic means in the terminative phase in English. PhD philol. sci. dis. ref.]: Kiev. 14 p. (in Russian).
- Avrorin, V.A. (1975). *Problemy izuchenija funkcional'noj storony jazyka: k voprosu o predmete sociolingvistiki. [Problems of the functional aspects of language studies: to the question of the subject matter of social linguistics]*. L.: Nauka, Leningr. Publ.
- Baker, C. (2001) Review of Tove Skutnabb-Kangas «Linguistic genocide in education – or worldwide diversity and human rights?» *Journal of Sociolinguistics*, 5 (2), 279-283.
- Benveniste, E. (1966). *Problèmes de linguistique générale*. Paris: N.R.F., Bibliothèque des sciences humaines.
- Brown, P., Levinson, S. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Chhetiani, T.D. (1987). Lingvisticheskie aspekty faticheskoj metakommunikacii: Dis. ... kand. filol. Nauk. [Linguistic aspects of phatic metacommunication. PhD philol. sci. diss.] Kiev. 210 p. (in Russian).
- Dement'ev, V.V.(2010). *Teorija rechevyh zhanrov [Speech Genres Theory]*. M. Znak Publ.
- Drazdauskene, M.-L.A. (1970) Kontaktoustanavlivajushhaja funkcija rechi (na materiale anglijskogo jazyka). Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The contactive speech function (on the English language material. PhD philol.sci. diss. ref.]. Moscow. 32 p. (in Russian).
- Formanovskaja, N.I. (2003). Social'no-kul'turnaja sushhnost' rechevogo jetiketa [Social-cultural essence of speech etiquette]. *Moskovskij lingvisticheskij zhurnal – Moscow linguistic journal*.7 (2), 9-20 (in Russian).
- Habermas, J. (1984). *The theory of communicative action. Vol.1. Reasono and the rationalization of society*. Boston: Beacon Press.
- Haugen, E. (1971). The ecology of language. *The Linguistic Reporter. Supplement*, 25, 19-26.
- Hébert, L. (2011). The Functions of Language. In: Louis Hébert (dir.), *Signo* [online], Rimouski (Quebec): <http://www.signosemio.com/jakobson/functions-of-language.asp>
- Il'in I.V., Ursul A.D. (2009). *Jevoljucionnaja globalistika (konceptija jevoljucii global'nyh processov) [Evolutionary Globalistics (a concept of global processes evolution)]*. M.; MGU Publ.
- Jakobson, R. (1960). Linguistics and Poetics. In: T. Sebeok (ed.) *Style in Language*. Cambridge, MA : M.I.T. Press, pp. 350-377.
- Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' (1998). [Linguistics. A Concise Encyclopedic Dictionary]*. (Gl. red.) V.N. Jarceva. [Ed. V.N. Jarceva] 2-d edition. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija Publ.
- Kiseljova, L.A. (1978). *Voprosy teorii rechevogo vozdeystvija [Questions of the theory of linguistic influence]*. M. LGU Publ.

- Kochergan, M.P. (2000). *Vstup do movoznavstva: Pidruchnik. [An Introductio to General Linguistics: Textbook]*. K. : Akademija Publ.
- Leech, G. (1977). *Semantics*. L.: Pellican.
- Lier, van L. (2002). An ecological-semiotic perspective on language and linguistics. In: Kramsch C. (Ed.). *Language Acquisition and Socialization. Ecological Perspectives. Continuum*. London, pp. 140–164.
- Lyons, J. (1977). *Semantics. Vol.1* . Cambridge: CUP .
- Malinowski, B. (1926). *Myth in primitive psychology*. London: Norton.
- Malinowski, B. (1937). The dilemma of contemporary linguistics. Review of «Infant Speech: A Study of the Beginnings of Language» by M.M. Lewis, *Nature, July, 31*, 172-73.
- Makarov, M.L. (2003). *Osnovy teorii diskursa [The Foundatioons of Discourse Theory]*. M.: ITDGK «Gnozis» Publ.
- Martinet, A. (1955). *Économie des changements phonétiques. Traité de phonologie diachronique*. Berne: Editions A. Francke S.A.
- Matjuhina, Ju.V. (2004). Rozvitok sistemi faichnoï metakomunikacii v anglijs'komu diskursi XVI – XX st.: Dis. kand. filol. Nauk [The development of the phatic metacommunication system in the 16th – 20th centuries English discourse. PhD philol.sci.diss.]. Kharkiv. 226 p. (in Russian).
- Matjuhina, Ju.V., Shevchenko, I.S. (2003). Pragmatic properties of phatic metacommunicative information in discourse. *Materiali mizhnarodnoï naukovo – metodichnoï konferencii “Treti Karazins'ki chitannja: metodika i lingvistika – na shljahu do integracii”*. 4 Febr 2003 Kharkiv. [Proc. 3d Int. Conf. 4 Febr 2003, Kharkiv]. Kharkiv, 110-111.
- Pimenov, A.A. (1975). Protivorechivaja sushhnost' rechevoj dejatel'nosti i rechevogo dejstvija [A contradictore Essence of Speech Activities and Speech Actions]. *Problemy psiholingvistiki – Problems of Psycholinguistics*. 31-45. (in Russian).
- Pocheptsov, G.G. (1981). Faticeskaja metakommunikacija [Phatic metacommunication]. In: *Semantika i pragmatika sintaksicheskikh edinstv – Semantics and Pragmatics of syntactic units*. Kalinin: Kalinin. university Publ. pp. 52-59.
- Rosenstock-Huessy, E. (1970). *Speech and Reality* Norwich, Vermont : Argo Books.
- Sapir, E. (1921). *Language: An Introduction to the Study of Speech*. New York: Harcourt, Brace.
- Shevchenko, I.S. (1998). *Istoricheskaja dinamika pragmatiki predlozhenija: anglijskoe voprositel'noe predlozhenie XVI – XX vv. [Historical dynamics of the sentence pragmatics: an English interrogative sentence of the 16th – 20th centuries]*. Khar'kov: Konstanta Publ.
- Shannon, C. E. (1948). A Mathematical Theory of Communication, *Bell System Technical Journal*, 27, 379-423, 623-656.
- Sjuj, Hunchzhen. (2007). Movnij kontakt u suchasnomu rosijs'komu spilkuvanni: komunikativno-pragmatichni i sociokul'turni aspekti: Dis... kand. filol. nauk [Speech contact in Modern Russian communication: communicative-pragmatic

- and sociokultural aspects. PhD philol. sci. diss]. Kharkiv. 204 p. (in Russian).
- Steffensen, S.V. and Fill, A. (20013). Ecolinguistics: the state of the art and future horizons *Language Sciences*. [online]: <http://dx.doi.org/10.1016/j.langsci.2013.08.003>
- Trim, J. L. M. (1959). Historical, descriptive and dynamic linguistics, *Language and Speech*, 1, 9-25.
- Vinokur, T. G. (1993). *Govorjashhij i slushajushhij: Varianty rechevogo povedenija [The Speaker and the Hearer: Variants of Speech Behavior]*. М.: Nauka Publ.
- Young, M. W. (2011). Malinowski's last word on the anthropological approach to language, *Pragmatics*, 21 (1), 1-22.

Шевченко Ирина Семеновна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (пл. Свободы, 6, г. Харьков, Украина, 61022); e-mail: irina.shevchenko7@gmail.com

BOOK REVIEWS

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ Ж.Н. МАСЛОВОЙ «ВВЕДЕНИЕ В КОГНИТИВНУЮ ПОЭТИКУ»

(Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 250 с.)

Д.В. Минахин (Балашов, Россия)

Область когнитивных исследований художественного текста динамично развивается в современной науке и становится не только теоретической, но и учебной дисциплиной. Это подтверждается выходом в свет таких изданий как:

Stockwell P. *Cognitive Poetics: An Introduction* (2002); Gavins J., Steen G. *Cognitive Poetics in Practice* (2003) и др. В этом ряду «Введение в когнитивную поэтику» Ж.Н. Масловой представляет собой попытку определить основной круг необходимых понятий и методологию когнитивного анализа художественного текста через призму авторской концепции. В книге уделяется внимание предмету и задачам когнитивной поэтики, рассматривается ментально-языковая природа текста и проблема терминологического разграничения в понятиях концептуальная/языковая/художественная картина мира.

Пособие содержит подробную информацию о художественных концептах и художественных категориях, подробно рассмотрены процессы концептуализации и категоризации, применительно к исследованию текста. Отдельная глава посвящена вопросу когнитивного анализа художественного текста.

Своеобразие авторского взгляда определяется несколькими главными моментами. Во-первых, Ж.Н. Маслова отходит от понятия художественной ценности текста, оставляя его литературоведению. Как говорится в предисловии, во множестве поэтических текстов, представленных как массив данных, степень художественной ценности вторична. Главной целью анализа, в этом случае, становится возможность показать, что поэтическое творчество как вид деятельности определяется потребностью человека выразить в языке эмоционально-эстетический опыт и находить равновесие в отношениях с окружающим миром. «Поэтическое творчество обусловлено существованием целостной ментальной основы, которая включает как единицы специфического знания, так и механизмы его обработки» (с. 7-8). Следовательно, «поэтический

текст рассматривается как языковая репрезентация концептуальных структур индивидуального творческого сознания» (с. 14).

Во-вторых, автор пытается привести читателя к пониманию того, что языковые явления нужно рассматривать как феномены, существующие на стыке трех онтологий – онтологии мира, онтологии человека и онтологии языка. Онтологическая система определена «как некоторый фрагмент (область) реального или абстрактного мира, связную и/или упорядоченную совокупность объектов/понятий, представленных схожим образом и обеспеченных единством трактовки объектов/понятий заданной области» (с. 18). По мнению Ж.Н. Масловой в любом высказывании или тексте имеет место онтологический синтез. Понимание данного синтеза онтологических систем важно для когнитивных исследований, потому что необходимо различать онтологическую природу анализируемых объектов и описывать их в рамках той системы, которой они принадлежат.

Вслед за М. Хайдеггером, автор дает трактовку картины мира как следствия активной позиции человека по отношению к миру, сформировавшейся в XVIII веке. «Восприятие мира как картины свидетельствует о принципиальном изменении позиции мыслящего субъекта по отношению к миру и принципиальном изменении понимания истины» (с. 29). В данном контексте автор анализирует понятие концептуальной и языковой картин мира, а также, применительно к художественному тексту, понятия текстовых миров, художественного и поэтического миров. Рассуждения Ж.Н. Масловой сводятся к тому, что общепринятое понятие художественной картины мира не отражает принципиальной разницы, существующей между языком прозаического и поэтического художественного текста. Автор выделяет поэтическую картину мира, определяя ее как «континуальную систему смыслов, эстетически воспринятых и структурирующих творческую деятельность индивида по созданию и интерпретации альтернативной поэтической реальности, характеризующейся субъективностью, эмоциональной доминантой, я-центричностью, фрагментарностью» (с. 47). Функция поэтической картины мира, по мысли автора, состоит в организации и упорядочивании знаний, необходимых для осмысления и языковой репрезентации эмоционально-эстетического опыта, осуществляемого с участием различных компонентов знания.

Еще одним достоинством пособия является подробный обзор классификаций художественных концептов. Исходя из специфики художественного концепта и принципов взаимодействия ментального и языкового уровней, автор предлагает собственную типологию, в которой заложена идея о кодировании субъективного смысла на фонетическом, ритмическом, морфологическом, образно-лексическом, синтаксическом уровнях. Классификация Ж.Н. Масловой основана на том, что концептуальные структуры эксплицируются на разных языковых уровнях текста, в ней выделены звукоритмический концепт, предметный концепт, процессуально-

относительный концепт, событийный концепт, концепт-впечатление, иконический концепт (с. 96). Таким образом, удается преодолеть ограниченность ряда существующих методик когнитивного анализа художественного текста, где в фокусе оказывается преимущественно лексический уровень языка.

Пятая глава пособия посвящена художественной категоризации, где автор также не ограничивается обзором существующих точек зрения. Ж.Н. Маслова утверждает, что анализ поэтического языка обнаруживает разветвленную систему категоризации, где происходит объединение трех онтологических систем и образование категорий осуществляется на уровне поэтического дискурса, поэтического текста, элементов поэтического текста – поэтического языка. Особый интерес представляет рассмотрение процессов категоризации на уровне поэтического языка. Автор вводит понятие поэтического денотата – «совокупности некоторых устойчивых ассоциативных, эстетических и эмоциональных смыслов, закрепленных за конкретным объектом» (с. 115). Поэтический денотат представляет собой комплекс уникальных представлений, закреплённых за словом обыденного языка, который актуализируется при обращении к поэтическому тексту. Именно на основе данного различия между денотатом и поэтическим денотатом рассматривается явление лексической, грамматической и модусной категоризации.

Как разновидность оценочной категоризации, характерную для поэтического творчества, исследователь выделяет категоризацию на основе общего эмоционального впечатления (с. 127). В качестве обоснования возможности такого деления Ж.Н. Маслова ссылается на исследования по психологии, где доказано, что для человека действует закон общего эмоционального восприятия, т.е. впечатления и образы, имеющие общий эмоциональный знак, склонны объединяться между собой, хотя никакой связи между ними ни по сходству, ни по смежности не существует. Таким образом, кажущаяся случайной комбинаторика образов на самом деле не случайна.

Интересной в теоретическом плане является глава, посвященная анализу тропов (метафора, метонимия, символ) в когнитивном аспекте. Автор противопоставляет литературоведческую трактовку, где они представлены как средства художественной выразительности, когнитивному пониманию тропов. В концепции Ж.Н. Масловой метафора, метонимия и символ анализируются как когнитивные механизмы формирования смысла. Обзор когнитивной теории метафоры дополнен рассуждениями о проективном характере осуществляемых операций. В ходе анализа использования понятия проекция в зарубежных работах исследователь приходит к выводу о том, что объекты реального мира в сознании человека существуют в виде проекционных моделей и закодированы в ином информационном поле. Кроме того, объекты, созданные человеком в его сознании, при всей их уникальности, компилируются из частей ранее известных объектов реального мира (с. 136). Как следствие, конкретное и абстрактное состояния выступают в качестве двух принципиально разных

областей существования объектов в онтологии мира и в онтологии языка. На данном основании Ж.Н. Маслова рассматривает взаимодействие между миром реальных и абстрактных объектов как сложные и разнонаправленные явления и представляет ряд выделенных метафорических проекций: конкретное-абстрактное, абстрактное-конкретное, абстрактное-абстрактное, конкретное-конкретное. По мнению автора, таким образом, реализуется проективное взаимодействие трех онтологических систем.

Самым новаторским шагом в представленной книге «Введение в когнитивную поэтику» является постановка проблемы генезиса когнитивных механизмов формирования смысла и предложенный вариант решения. Ж.Н. Маслова утверждает, что при всем разнообразии в исследованиях феномена метафоры, метафора изучается как данность, нечто существующее в завершённом виде. Автор ставит вопрос о необходимости определения, что в метафоре приоритетнее: языковое или ментальное начало, т.е. существовала ли метафора изначально как факт мышления или ее появление вторично и метафора является языковым конструктом. Для решения данного вопроса автор привлекает работы по исторической поэтике (А.Н. Веселовский, О.М. Фрейденберг) и, интерпретируя их работы с позиции когнитивно-онтологического подхода, доказывает, что формирование развития и усложнение ментальных структур происходило уже в условиях архаичного сознания. Основной ментальной единицей знания архаичного человека являлся мифологический образ. Основываясь на работах по анализу древних памятников Ж.Н. Маслова рассматривает изначальноную слитность человека с космосом, природой и растительностью как нерасчлененность онтологических систем, которые существовали внутри онтологической системы мира. Данная система конструировалась из космических и тотемистических объектов, а затем из аграрных объектов. В этих условиях мифологический образ являлся неким первичным смысловым зерном, в котором многие, даже противоположные смыслы, еще слиты воедино (с. 159-160). Мифологический образ репрезентировался в форме мифологической метафоры, которая не имела развитой функции «перенесения». Ж.Н. Маслова говорит об универсальности мифологической метафоры для различных древних культур и литератур, подкрепляя это утверждение кратким анализом эддической поэзии. Мифологическая метафора фиксировала первичные связи, установленные человеком в мире.

Трансформации метафоры связаны с разрушением мифологического образа, как основной формы восприятия действительности. Именно на фоне формирования зачатков логического мышления появилась функция свободного уподобления двух объектов по общему основанию, которые являются сущностью современной метафоры. Исследователь уделяет много внимания описанию своеобразия мифологического мышления и определяет развитие онтологических систем в отношениях «подлинное-кажущееся», фокусируясь на

процессе отделения онтологии сознания человека от двух других онтологических систем.

Отдельная глава посвящена проблеме анализа художественного текста. Автор обобщает существующие виды анализа, подробно останавливаясь на методиках когнитивного анализа. В пособии предложена авторская методика «Анализа когнитивной основы текста». В основе методики лежит идея о том, что основной смысл, логика текста формируются через грамматические элементы, дополнительный смысл – через лексические. В выработке алгоритма анализа Ж.Н. Маслова использует положение Л. Талми о разных функциях языковых единиц по отношению к концептуальной системе (с. 199). На этом основании исследователем выделяется когнитивная основа текста, которая формируется рядом подструктур или уровней, заполняемых лексикой. По мнению автора через когнитивную основу концептуализируются самые существенные базовые признаки ситуации; через лексику выражено то, по отношению к чему структурирующая основа, в принципе, нейтральна, например, это цвет, форма и размер. Анализ текста осуществляется через отдельное исследование лексических и грамматических характеристик текста, при этом когнитивная основа текста формируется на нескольких взаимодополняющих уровнях: конфигурирующем уровне, уровне перспективы, уровне отношения, уровне силы-движения (с. 200). Данные уровни определяют конфигурацию эмоционально-эстетического знания в поэтическом тексте.

Следует сказать, что многие положения автора сформулированы, прежде всего, на основе исследований поэтического текста и на прозаическом материале они не отработаны.

Представленное пособие Ж.Н. Масловой «Введение в когнитивную поэтику» выпущено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (МД-181.2014.6), дает достаточно полное и ясное представление о современном развитии когнитивной поэтики. Авторские идеи органично вписаны в российские и зарубежные исследования по когнитивной поэтике и когнитивной лингвистике. Преимуществом пособия, является то, что сложные теоретические проблемы автор излагает доступным языком и в конце каждой главы приводятся вопросы и задания для самоконтроля, с целью отработать изученный материал и применить его на практике. Пособие представляет собой авторский труд и содержит ряд идей, предложений и типологий, которые еще не являются общепринятыми в науке. В виду вышесказанного книга является интересной для чтения и обсуждения в кругу специалистов по когнитивной поэтике и когнитивной лингвистике.

Минахин Денис Валерьевич – кандидат филологических наук, преподаватель Балашовского филиала НАЧОУ ВПО «Современная гуманитарная академия» (ул. Ленина, 31, г. Балашов, Балашовский район, Саратовская обл., 412300, Россия); e-mail: 06_07_05@mail.ru

РЕДАКТОР

Ирина Семеновна Шевченко, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: irina.shevchenko7@gmail.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Евгения Валериевна Бондаренко, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ievgeniia.bondarenko.2014@gmail.com

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Донка Александрова, доктор философии, профессор кафедры риторики университета Климента Охридского, г. София, Болгария; e-mail: donka_bar@hotmail.com

Алла Дмитриевна Белова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко; www.philolog.univ.kiev.ua

Лилия Ростиславовна Безуглая, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: bezugla@daad-alumni.de

Дэниэл Вандервекен, доктор философии, профессор факультета философии университета Квебека, г. Труа-Ривьер, Канада; e-mail: daniel.vanderveken@uqtr.ca

Светлана Анатольевна Жаботинская, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: saz9@ukr.net

Владимир Ильич Карасик, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета; e-mail: vladimir_karasik@mail.ru

Евгения Анатольевна Карпиловская, доктор филологических наук, профессор, зав. отделом структурно-математической лингвистики Института украинского языка Национальной академии наук Украины; e-mail: karpilovska@gmail.com

Герхард Коллер, доктор философии, директор лингвистического центра университета имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия; e-mail: Gerhard.Koller@sz.uni-erlangen.de

Геннадий Николаевич Манаенко, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Ставропольского государственного педагогического института, зав. проблемной научно-исследовательской лабораторией «Личность. Информация. Дискурс» ("ЛИД"); e-mail: manaenko@list.ru

Алла Петровна Мартынюк, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода английского языка Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: allamart@list.ru

Франциско Домингес Матито, доктор философии, профессор университета Ла Риоха, г. Мадрид, Испания; e-mail: fd.matito@unirioja.es

Лев Михайлович Минкин, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды; e-mail: lev.minkin@gmail.com

София Ахметовна Моисеева, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Белгородского государственного университета, Россия; e-mail: moisseeva@bsu.edu.ru

Елена Ивановна Морозова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: elena.i.morozova@gmail.com

Валентина Григорьевна Пасынок, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой методики и практики английского языка, декан факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: inyaz@univer.kharkov.ua

Анатолий Николаевич Приходько, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой германской филологии Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара; e-mail: aprykhod@rambler.ru

Виктория Афанасьевна Самохина, доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: englishphilology.karazin@yahoo.com

Елена Александровна Селиванова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики перевода Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: oselivanova@ukr.net

Геннадий Геннадьевич Слышкин, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия); e-mail: ggs1@yandex.ru

Людмила Васильевна Солощук, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: lsolo@ukr.net

Маргарет Фриман, доктор философии, почетный профессор Вэлли Колледжа (г. Лос-Анжелес), со-директор Мэрифилд института когнициии и гуманитарных наук (г. Хит, США); e-mail: freemamh@lavc.edu

Наталья Чабан, доктор философии, доцент, зам директора национального центра европейских студий университета Кентербери, г. Крайстчерч, Новая Зеландия, e-mail: natalia.chaban@canterbury.ac.nz

Валерия Евгеньевна Чернявская, доктор филологических наук, профессор, научный директор института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; e-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

РЕКОМЕНДАЦИИ АВТОРАМ ПО ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Материалы принимаются в объеме не менее 0.5 авторского листа (10 стр.) на английском, французском, немецком или русском языках в текстовом редакторе Microsoft Word (.doc или .docx), шрифт Times New Roman, размер шрифта 13, интервал 1. Текст форматируется по ширине. Отступ для абзаца 1,27 см, поля: слева, справа – 2 см, сверху и внизу – 2,5 см.

2. В левом углу указывается УДК (шрифт 11). По центру заглавными буквами жирным шрифтом (размер 13) – название статьи, на следующей строке по центру – инициалы и фамилии авторов, в скобках – город, страна (прописные буквы, шрифт 13). Например:

УДК 811.111

**ВТОРИЧНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗНАНИЙ
В КОГНИЦИИ И ДИСКУРСЕ
А.Н. Петренко (Харьков, Украина)**

3. Ниже 11 кеглем с интервалом 1,0 приводятся три аннотации: на русском, украинском и английском языке. (В случае необходимости для зарубежных коллег перевод на украинский язык делает редакция).

Каждая аннотация начинается с ФИО автора и названия статьи на соответствующем языке. Рекомендуется структура аннотации, повторяющая структуру статьи, однако, предмет, тема и цель работы указываются в том случае, если они не ясны из заглавия статьи. Положения в резюме логично вытекают одно из другого.

Авторам следует учесть, что аннотация на иностранном языке является, практически, единственным источником, на основании которого зарубежный читатель может составить представление о сути и ценности статьи. Поэтому главными требованиями к ней являются: информативность (отсутствие общих и вводных фраз), содержательность (отражение основного содержания статьи и результатов исследований), структурированность (следование логике аргументации статьи), аутентичность (качественный английский язык), компактность (100–250 слов). Желательно употребление терминологии, общепринятой в мировой науке.

В конце аннотации с новой строки жирным шрифтом с абзацным отступом после фразы «**Ключевые слова / Key words**» в алфавитном порядке перечисляются основные термины, ранее употреблённые в аннотации.

4. Ниже приводится статья (шрифт 13). В начале рекомендуется указывать актуальность, объект и предмет, ее цель и материал (эти слова выделяются жирным шрифтом). Приветствуется структурирование статьи на подразделы (нумерованные), названия которых печатаются с отступом строки от предыдущего текста и выделяются жирным шрифтом. Типичная структура статьи представляет: введение (цели и задачи, методы), описание хода анализа и результатов и заключение (abstract, 1. introduction, 2, 3 etc – discussion, 4.conclusion).

Примеры и их перевод набираются *курсивом* и располагаются с отступом на 1,27 для всех строк примера, нужное подчеркивается.

Выделение в статье: в электронных изданиях авторы могут использовать подчеркивание, выделять важнейшие понятия жирным шрифтом, но растяжка шрифта, постраничные сноски не допускаются. При необходимости возможны ПРИМЕЧАНИЯ (NOTES) перед списком литературы.

Ссылки на литературу в статье оформляются в квадратных скобках по образцу [Арутюнова 1976: 15; Гумбольдт 1985: 373].

5. В изданиях, включенных в наукометрические базы данных, библиография в среднем включает 30 наименований. При цитировании иностранных источников настоятельно рекомендуется ссылаться на их оригинальные издания, чтобы избежать двойного перевода в 5.2.

В нашем журнале список оформляется дважды: сначала по требованиям ДАК Украины как ЛИТЕРАТУРА (LITERATURE для англоязычной статьи) (см. 5.1), затем по международным стандартам как REFERENCES (см. 5.2).

5.1. В соответствии с требованиями ДАК Украины, после слова **ЛИТЕРАТУРА** (или **LITERATURE**) (заглавными буквами жирным шрифтом без двоеточия в конце) приводится сплошной нумерованный алфавитный список сначала на кириллице, затем на латинице по ГОСТ, принятому для диссертаций. Тире и дефис различаются, двоеточие перед названием издательства отделяется пробелами справа и слева. Например, оформление (1) статьи в журнале, (2) автореферата диссертации, (3) книги, (4) электронной публикации:

1. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
2. Турченко В.А. Когнитивно-коммуникативные характеристики концепта СКРОМНОСТЬ в англоязычном дискурсе XIV – XXI веков : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / В.А. Турченко. – Харьков : Харьков. нац. ун-т имени В.Н. Каразина, 2014. – 20 с.
3. Шевченко И.С. Основы теории языковой коммуникации / И.С. Шевченко. – Харьков : Изд-во НУА, 2008. – 168 с.
4. Moody N. Character Strengths Profile [Электронный ресурс] / Н. Moody. – Режим доступа : <http://www.viasurvey.org>

Оформление транслитерированной библиографии (APA style 6th ed)

REFERENCES:

При перечислении нескольких авторов перед фамилий последнего ставится знак & после запятой.

В названии журнала после запятой том приводится курсивом, номер выпуска в скобках – ровно: *10* (2)

5.2. После слова **REFERENCES** (заглавными буквами жирным шрифтом без двоеточия в конце) приводится **н**енумерованный алфавитный список всех источников по следующему образцу:

Для изданий на восточнославянских языках:

Статья:

Shevchenko, I.S., & Morozova, Ye.I. (2003). Diskurs kak myslekomunikativnoe obrazovanie [Discourse as a mental and communicative phenomenon]. *Visnyk Kharkiv. nats. un-tu im. V.N. Karazina. – V.N. Karazin National Univ. Messenger*, 586, 33-38 (in Russian)

Электронный источник:

Zagurenko, A.A. (2002). Ekonomicheskaya optimizatsia [Economic optimization]. *Neftyanoe khozyaistvo – Oil Industry*, 11. Available from: <http://www.opus>

Материалы конференции:

Zagurenko, A.A. (2002). Osobennosti proektirovaniya [Features of design]. Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma: *Novye tekhnologii – Proceedings from 6th Int. Symposium: New technologies*. Kyiv, 267-272 (in Russian).

Книга:

Zagurenko, A.A. (2002). *Ekonomicheskaya optimizatsia [Economic optimization]*. Kyiv: Nauka Publ.

Диссертация:

Zagurenko, A.A. (2002). *Ekonomichna optymizatsia. Diss. dokt. filol. nauk [Economic optimization. Dr. philol. sci. diss.]*. Kyiv (in Ukrainian).

Автореферат диссертации (сокращения: dokt./ kand.):

Zagurenko, A.A. (2002). *Ekonomichna optymizatsia. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [Economic optimization. Dr. philol. sci. diss. synopsis]*. Kyiv (in Ukrainian)

Транслитерирование названий статей рекомендуется делать автоматически на сайте <http://www.translit.ru> (для русского языка).

Для изданий на иностранном европейском языке

Книга одного автора:

Lakoff, G. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: Chicago University Press.

Книга БЕЗ автора, под редакцией:

Lakoff, G. (Ed.). (1980). *Title of the book*. Chicago: Chicago University Pres.

Книга нескольких авторов:

Jung, C., & Franz, M. (1964). *Man and his symbols*. New York: Doubleday Publ.

Статья:

Author, A.A., Author, B.B., & Author, C.C. (2005). Title of the article. *Title of the journal*, 10 (2), 49-53.

Глава в книге:

Shuman, A. (1992). Entitlement and authoritative discourse. In: J.H. Hill, & J.T. Irvine (Eds.). *Responsibility and evidence in oral Discourse* (pp. 135-160). Cambridge and New York: Cambridge University Press.

6. В самом конце приводятся данные об авторах (13 кегль): транслитерированные по международным правилам ФИО авторов (полностью), их место работы (официальное название организации без аббревиатур) и рабочий адрес (включая город и страну), удобный для корреспонденции с читателями журнала электронный адрес.

7. Все статьи проходят анонимное рецензирование. Авторам могут быть предложены изменения, которые желательно внести в течение месяца после их получения.

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

КОГНІЦЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС

Міжнародний електронний збірник наукових праць. 2015, № 10
Напрямок “Філологія”

Російською, англійською, німецькою, французькою, чеською мовами

Комп’ютерне верстання

Л.П. Зябченко

Комп’ютерна підтримка сайту

В.О. Шевченко

61022, м. Харків, майдан Свободи, 4
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Надруковано: ХНУ імені В. Н. Каразіна
61022, м. Харків, майдан Свободи, 4,
тел.: 362-01-52
Свідоцтво суб’єкта видавничої справи ДК № 3367 від 13.01.09.